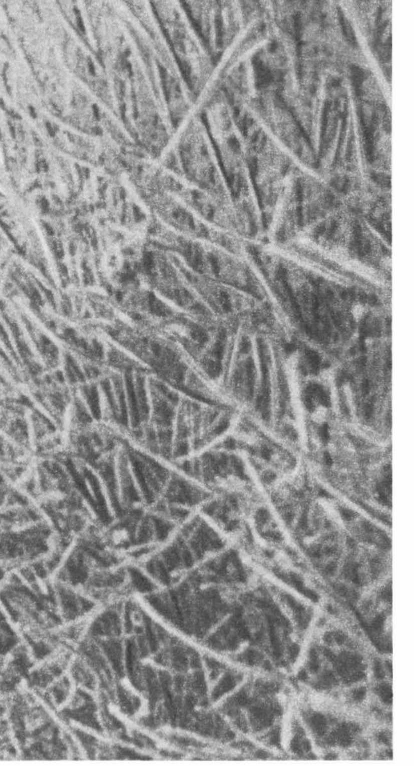
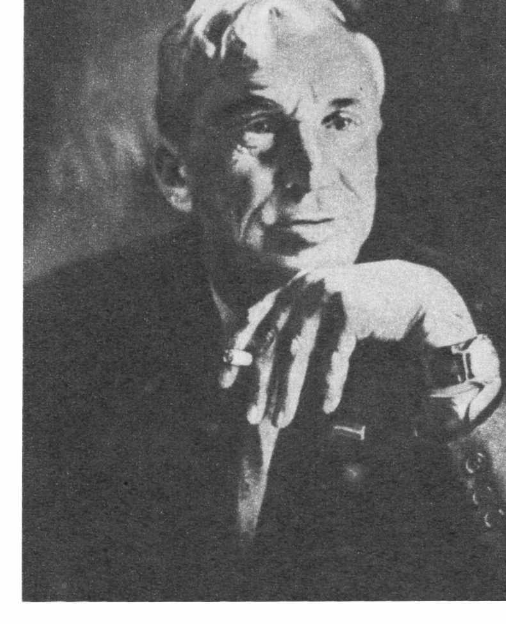

ВИКТОР САНЕЕВ—
ЛУЧШИЙ СОВЕТСКИЙ
СПОРТСМЕН 1968 ГОДА
ОГОНЁК
№ 9 МАРТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Год за годом, много лет всегда вместе выходят на рассвете в поле улучшать свою землю бригадиры Калью Мейтерн и Эльфриде Рейнсалу.

СОТВОРЕНИЕ ЗЕМЛИ

А. Я. Премет, председатель колхоза имени Мичурина.

О БОГАТСТВЕ БЕДНЫХ ПАШЕН, АРИФМЕТИКЕ ПЛОДОРОДИЯ, ТЕПЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РУК

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ.

Сотворение земли начинается с болот.

Это репортаж о тех, кто однажды словно бы чудом перекроил лоскутные одеяла дореволюционных полей в полотнища современных пашен; о тех, кто заново творит землю, исправляя недоделки и ошибки предыдущих поколений.

...224 миллиона гектаров пашни в нашей стране. Каждый из этих гектаров вдоль и поперек исхожен человеком трудной профессии — земледельцем. Да что исхожен! Бывает ведь и такая работа на земле, что руками надо перекопать, огладить, согреть каждую пядь...

На северо-западе земля нуждается в тепле человеческих рук и сердец, наверное, больше, чем где бы то ни было. Природа тут несуразно разделила почву на пески и болота, каждую борозду начинила галькой. Но зато она отпустила этому краю наилучший для земледелия климат: мягкий и влажный. Когда злаки растут и наливаются, когда они больше всего нуждаются в свете и умеренном тепле, именно здесь, над колыбелью зеленеющих хлебов, как добрые няньки, стоят молочно-парные белые ночи и длинные светлые дни.

Испокон веков он был краем хлебопашцев, этот нечерноземный северо-запад. Столетиями складывался здесь крестьянский опыт. Урожаи бывали сам-три, сам-пят, сам-шёст, а когда и сам-друг. Ну, а коли случался сам-сём, то есть по теперешним расчетам при норме высева два центнера на гектар собирали четырнадцать центнеров,— служили благодарственные молебны и уж действительно ладонями оглаживали каждую пядь.

В октябре семнадцатого круто повернулась история. Прошли годы, и растряслись наделы, перечеркнуты были межи. Понадобились новые знания, по крупицам стал складываться опыт социалистической сельскохозяйственной экономики.

Мы ведем репортаж о землях и людях трудного края.

Овощеводческий совхоз «Сауэ» — стеклянный город за торфяными горами.

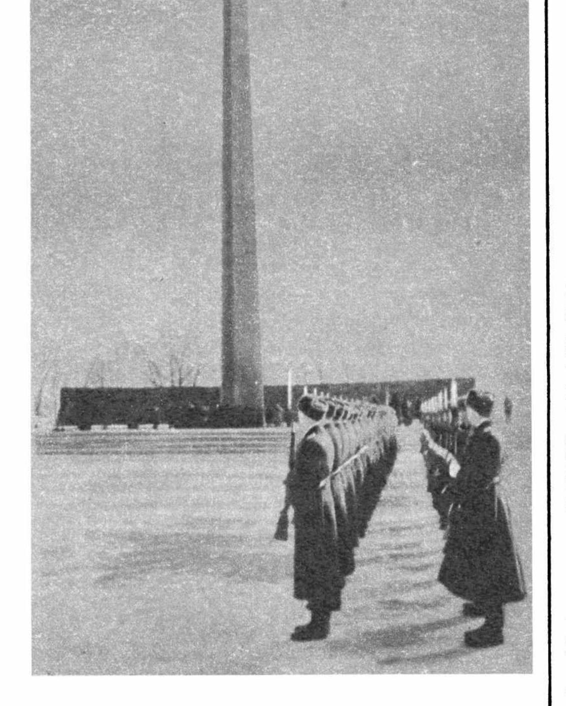
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 9 (2174)

Основан 1 апреля 1923 года

1 МАРТА 1969

ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЛИСЬ ДОРОГИ ПОБЕД

В тот день, когда вся страна праздновала День Советской Армии и Военно-Морского Флота, в Пскове, на юго-восточной окраине города, состоялось торжественное открытие монумента, который сооружен в честь первых славных побед Красной Армии над империалистическими захватчиками в феврале 1918 года.

На митинге, состоявшемся в честь открытия памятника, выступил министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

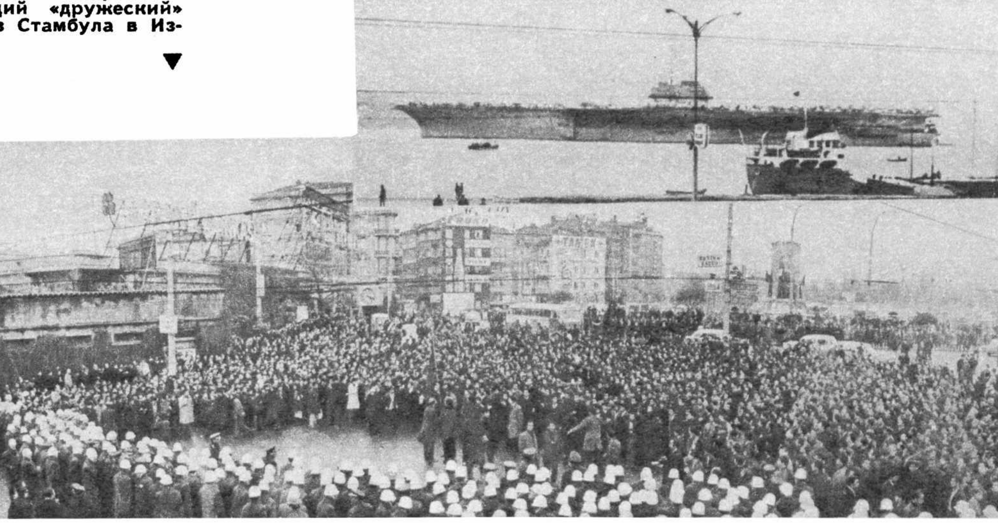
Перед памятником торжественным маршем прошли подразделения ордена Ленина Ленинградского военного округа.

Фото В. Кошевого. ТАСС.

Патриоты Южного Вьетнама снова атакуют. Мощные удары Армии Освобождения обрушились на американских интервентов в районах Сайгона, Хюэ, Дананга. Заокеанские вояки обороняются, они прижаты к земле, они не могут двинуться. Подкрепления к ним доставляют только вертолеты, ибо основные дороги контролируются силами Национального фронта освобождения.

Массовыми демонстрациями и митингами протеста встретили жители Стамбула незваных гостей — корабли американского шестого флота. В результате американские моряки так и не смогли сойти на турецкий берег. Власти были вынуждены перенести следующий «дружеский» визит из Стамбула в Измир.

СОТВОРЕНИЕ ЗЕМЛИ

14 × 20 = 37

Александр Яковлевич Премет, председатель колхоза, повертел листок с цифрами и протянул нам. Мы убедились, что средние удои в эстонском колхозе имени Мичурина достигли к концу прошлого года 4 500 литров на корову. Даже для молочной и масленой Эстонии это много. Убедившись, отправились на новую ферму. Электрифицирована и механизирована она так, что большего уж проектировщики долго, кажется, не смогут придумать. Механизмы подают корма и воду, доят коров — видно, как пенится и бежит в стеклянных трубках молоко. Навозоочистители убирают навоз, уносят его под пол, на конвейер. В навозохранилище работает трактор — разравнивает, утрамбовывает. На ферме чисто, светло, современно. Александр Яковлевич, и без того долговязый, тут совершенно распрямляется и ходит гоголем.

— А стадо вы, выходит, обновили? Откуда же завезли этих великанш?— спрашиваю я.

Довольно хохотнув, Премет отвечает:

— Ну вот еще, станем мы завозить! Это мы их выкормили. У них, знаете, не только экстерьер, но и психология изменилась. Избаловались. На пастбище почти все время лежат, лопать изволят главным образом в стойлах, за накрытым, так сказать, столом. Весной, как только выпустим, не на траву накидываются, как раньше, а от избытка чувств скачут по пастбищу на манер козлов. Разве это коровы?..— И председатель весело смеется.

— А как у вас нынче с зерном?

И тут Александр Яковлевич сразу помрачнел:

— Плохо!

— ???

— В прошлом году, да будет вам известно, тысяча зерен у нас весила 44 грамма. А нынче — только 32 грамма. Холодное, сухое лето, зерно не налилось. Мелкое зерно.

— Центнеров-то сколько?

— В прошлом году, если помните, мы получили 39,7 центнера с гектара. Нынче же, увы,— 37,6.

— Побойтесь бога, Александр Яковлевич! Давно ли на ваших известняках едва по 6 центнеров получали!

— Эка, хватили! Конечно, давно. Я ведь, знаете, не любитель вспоминать старину: какие, мол, рачительные хозяева были, и навоз-то у них не пропадал и урожаи в зажиточных хозяйствах получали хорошие... Навоз у них, кстати, пропадал, потому что перегорал во дворах. И насчет урожаев известно — в лучших кулацких хозяйствах выше 16 центнеров не поднимались. Столько лет прошло, наука и техника на семь миль вперед шагнули, а мы все на те шесть центнеров ссылаемся.

— Кое-где в северо-западной зоне до сих пор лишь по восемь собирают.

— Значит, не соблюдают агротехнику. Земля даже без всяких удобрений, только при точном соблюдении элементарной агротехники, тринадцать центнеров обязательно даст. Да, кроме того, видно, слишком истощены поля, сразу не откормить их. И вообще в сельском хозяйстве молниеносных эффектов не бывает. Нужен долгий и грамотный труд по улучшению земли.

— А как вы свои почвы улучшали?

— Ничего нового у нас нет. И хлеба наши, и молоко, и новостройки — все от торфа. Что такое торф, это у нас в колхозе все знают. Возьмите хотя бы наших бригадиров Эльфриде Рейнсалу и Калью Мейтерна. Сейчас это люди зрелые, солидная супружеская пара. А в колхоз вступили совсем юными, много лет здесь работают, стали прекрасными мастерами земли. Вот вы у них и спросите: что дал нам торф... Хотя вам-то, положим, и спрашивать не стоит, вы и сами это знаете.

Верно: знаю. Четырнадцать лет я знакома с делами этого колхоза, с тех самых пор, как Александр Яковлевич покинул свои таллинские посты в министерстве и ушел сюда председателем. В отсталый, тяжелый колхоз, где земли были такие, что хуже придумать невозможно: пятнадцать сантиметров пахотного слоя, подзол пополам с галькой, а внизу плитняк. Выход был один — наращивать поля, создавать землю. Рядом лежали низкие серые торфяники. Вот и принялись выбирать торф, по году выдерживать его в буртах, просушивать... А потом колхоз имени Мичурина стал возить на свои пашни выдержанный, просушенный, пропитавшийся воздухом торф. Пока только для того, чтобы нарастить почвенный слой. И нарастили. А тем временем завели хороший скот, стали употреблять торф на подстилку в скотных дворах и вывозить на поля уже не просто крошку из буртов, а богатейшее органическое удобрение. Каждый гектар пахоты в среднем ежегодно получал по двадцать тонн унавоженного, смешанного с минеральными удобрениями торфа.

Теперь поля подымаются на месте былых плоских низин пышными перинами, цвет их темно-коричнев, и, если разобраться, они по своей структуре совершенно удалились от супесей и подзолов, какими были раньше, и приблизились, наверное, к черноземам. Ведь что такое чернозем? Это глубокий, до двух метров, плодородный перегнойный слой, черный или темно-коричневый, дающий урожаи свыше тридцати центнеров с гектара. В эстонском колхозе имени Мичурина почти так и есть: глубина пашни тут вместо былых 15 сантиметров теперь достигает полутора метров.

Александр Яковлевич Премет считает, что 37,6 центнера с гектара на колхозной эстонской почве — это плохо. Считает, что на новой, созданной не «богом», а самими колхозниками земле в недалеком будущем можно будет получать по пятьдесят центнеров с гектара. А пока в целях передачи опыта рекомендует расшифровать «равенство», вынесенное нами в название этой главки,— 14 × 20 = 37.

Самозваное правительство Родезии приговорило одного из виднейших лидеров африканского населения страны, Ситоле, к шести годам тюрьмы за его деятельность в защиту прав народа. Перед этим Ситоле четыре года находился в заключении без всякого суда.

Фото ЮПИ.

ТАЙНЫ ЖИЗНИ ДО РОЖДЕНИЯ

Кембриджские ученые доктор Патрик Стептоу (слева) и доктор Роберт Эдвардс выступают на пресс-конференции в студии Би-Би-Си.

В лаборатории физиологии Кембриджского университета удалось воссоздать зарождение человеческой жизни вне материнского организма. Научную статью докторов Эдвардса, Стептоу и профессора Бэвистера в февральском номере английского журнала «Нейчур» («Природа») сопровождают сделанные под микроскопом снимки первых мгновений существования будущего эмбриона, впервые полученного в лаборатории.

Еще до того как ученые смогли прочитать статью своих коллег, в миллионы английских домов почтальоны принесли газеты, начиненные порохом сенсации: «Итак, человеческий инкубатор?», «Младенцы выходят из пробирки». Эта сногсшибательная сенсация родилась не в Кембридже, а на лондонской улице Флит-стрит, где обосновались редакции крупнейших буржуазных газет Великобритании.

Экспериментаторы первыми высмеяли спекулятивный ажиотаж вокруг своих работ, все эти фантастические домыслы о «конвейере новорожденных». Кембриджским физиологам удалось в лаборатории создать среду и условия, в которых стало возможным оплодотворение женской яйцеклетки и зарождение человеческого эмбриона.

Это, конечно, лишь начало пути, причем совсем не в том направлении, которое видят любители сенсаций. Как полагают специалисты, проведенные в Кембридже исследования, посвященные самому уязвимому и таинственному периоду человеческой жизни — жизни до рождения, открывают огромные, головокружительные перспективы. Доктор Эдвардс считает, что приближается время, когда исчезнут трагедии бездетных семей. Ученые и хирурги смогут помочь бездетным женщинам познать радость материнства. Предполагается, что зарождение эмбриона произойдет в лаборатории, а затем он будет возвращен в материнский организм. Кроме того, считают, что эти исследования в дальнейшем позволят установить причины аномалий, отклонений во время утробного развития, которые приводят к появлению на свет неполноценных детей. В результате можно будет попытаться воздействовать на отрицательный процесс. Это особенно важно в случае тяжелой наследственности или позднего материнства.

Но все это — дело не сегодняшнего и не завтрашнего дня. Речь идет, как и подчеркивают кембриджские ученые, именно об отдаленных перспективах. Пока в лаборатории Кембриджа проведены лишь самые первые эксперименты. Множество медицинских и этических проблем тормозят их проверку и продолжение.

Уже на этой начальной, многообещающей, но такой трудной стадии исследований против ученых выступила церковь. Католические священники первыми заклеймили работу кембриджских экспериментаторов как богохульство, вмешательство в запретную область. Хочется верить, что английские физиологи смогут продолжить многообещающий опыт.

В. ДУНАЕВ

Лондон, по телефону.

На протяжении 14 лет в каждый гектар вносилось по 20 тонн обогащенного торфа, значит, каждый гектар получил за эти годы по 280 тонн гумуса. Отсюда — урожай как минимум 37 центнеров с гектара.

Вот что такое торф — самое что ни на есть местное, самое что ни на есть доступное удобрение на северо-западе. Торф — это изобилие зерна и картофеля, молока и мяса, овощей и фруктов. Торф — это рычаг, с помощью которого можно поднять экономику самых отсталых хозяйств.

ПОХВАЛА БОЛОТАМ

В отделе торфа эстонского Комитета мелиорации и водного хозяйства есть «болотная» карта республики. На территории Эстонии находится 80 пренеприятных болот с разными устрашающими названиями, из которых самое кроткое — Опасное. Ну что ж, поедем на Опасное, по-эстонски «Охту». Оно всего в нескольких километрах от небольшого городка Кейла. Едем по хорошей асфальтированной дороге. По сторонам же и в самом деле не так уж безопасно: топкие мхи, сосенки чахлые, голые ветки низкорослых березок мотаются на холодном ветру. Невеселая, однообразная низина. И вдруг за редколесьем видим строй странных машин — темные многоугольные емкости загадочно возвышаются над припорошенной снегом торфяной равниной. Я с удивлением разглядываю их.

— Словно пришельцы из иных миров...

— Ну, почему же из иных?— замечает Арвед Вульп, начальник торфяного участка.— Не из иных, а из самых что ни на есть российских мест — из Рязани. Сборочные машины для фрезерного торфа сделаны на Рязанском заводе торфяного машиностроения. Хорошие машины. Сейчас не сезон, вот они и стоят.

Мы едем дальше, к торфяным караванам — вон к тем длинным валам, что машины заготовили летом для сельского хозяйства.

Тысячелетиями в сырых низинах перегнивали мхи. Сотни лет женщины протаптывали в хлябях узенькие колышущиеся тропинки — собирали морошку и клюкву. Болота росли не только вширь, но и вверх: каждый год мхи прибавлялись на один сантиметр. Курились сырыми туманами, нагоняли по вечерам на обитателей одиноких хуторов тоску и болезни.

Теперь, осушенные, раздробленные фрезеровочными машинами в мелкую крошку, болота четкостью расчерченных пространств и геометричностью торфяных караванов тоже напоминают неземной пейзаж.

Люди Советской Эстонии разбудили, призвали к трудовой жизни свои болота, сделали их прекрасным строительным материалом для сотворения новых полей.

При фрезерной разработке болот выяснилось, что не очень-то они богаты по составу почвы, потому что еще молоды (в геологическом масштабе, конечно, где какие-то миллионы лет не возраст). Более богатые перегнойные слои лежат глубже. Можно бы ведь было и до них докопаться? Можно бы. Но такого делать не стали — пусть эти слои достанутся потомкам. Нельзя людям на земле хищничать. Надо уметь обогащать то, что отпущено историей каждому поколению. И нынешнее поколение эстонских земледельцев так и поступает. В последнее время «Эстсельхозтехника» разрабатывает для сельского хозяйства 4 500 гектаров болот. Ежегодно с них снимается только по шесть сантиметров торфяной крошки, и эти сантиметры дают такой запас подстилки, что колхозы и совхозы Эстонии вносят ее по 10 тонн на каждый гектар полей. И урожаи в Эстонии неуклонно растут.

А уж как хорош торф для овощей! Есть под Таллином овощеводческий совхоз «Сауэ» — стеклянный город с пышным, ярким населением. Зеленый лук, петрушка, сельдерей — вся эта ароматная прелесть круглый год перекочевывает из Сауэ на таллинские обеденные столы. Ну, а летом, в сезон помидоров, таллинцы вначале перебиваются на привозных и с нетерпением ждут, когда появятся на прилавках огромные оранжевые, упакованные в пластикатовые мешочки помидоры из Сауэ. Таких вкусных помидоров, как в Сауэ, кажется, нигде нет.

Вот и сейчас в стенах стеклянного города плавают летние ароматы, царит летнее цветение. Под густой лиственной смугло просвечивает теплая земля.

— Торф прибавляете?— спрашиваем у агронома-овощевода Рихарда Леетоя.

— Нет, полностью заменили землю торфокомпостами: стерильнее и плодороднее,— отвечает он.

А КАК У ВАС?

Речь об Эстонии идет здесь не потому, что она становится хлебной республикой. Это не так; в Эстонии мало полей. Сельское хозяйство здесь носит явно животноводческий уклон. Вывозя породистый скот и молочные продукты, Эстония завозит из других братских республик 75 процентов необходимого ей хлеба. А коли так, то Эстония, казалось бы, могла забросить свое полеводство, мириться с низкими урожаями, кормить скот привозным зерном. Но эта республика подает добрый пример заботы о земле. Пример, который может быть полезен многим хозяйствам, расположенным на нечерноземных почвах. А почв таких у нас более чем достаточно. Подзолистые и болотистые почвы занимают 33 процента территории СССР! Если вспомнить, что чернозема у нас 9 процентов, а каштановых почв — 5 процентов, то вышеупомянутые 33 процента предстают серьезным куском земли, о котором и позаботиться стоит всерьез. И вот на этом огромном, да к тому же издавна обрабатываемом пространстве земледелие ведется до сих пор, к сожалению, так называемым экстенсивным способом, то есть, проще говоря, хлеб получается не за счет качества гектаров, а за счет их количества.

А как у вас, товарищи? Если все еще не тронутыми стоят болота, если не хватает механизмов для фрезерной обработки торфяников, то ведь сейчас самое время подумать обо всем этом! Торф начинают фрезеровать поздней весной, когда болота подсыхают. Есть еще время и посоветоваться со специалистами и поднажать на отделения «Сельхозтехники».

Думается, что наступила пора, когда первой утренней мыслью каждого земледельца в нечерноземной зоне должен стать ТОРФ.

Еще и еще раз хочется напомнить строки из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на октябрьском (1968 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Многие колхозы и совхозы недооценивают огромное значение местных удобрений».

На примере Эстонии мы видим: тот, кто поймет всю серьезность этого напоминания, не прогадает.

А поля пусть спят под снежными одеялами, пусть отдыхают и дожидаются весеннего солнечного тепла.

О ЧЕМ ВЫ ГОВОРИТЕ, ГОСПОДА?

Игорь БЕЛЯЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

О мире на Ближнем Востоке говорят где угодно, но только не в Тель-Авиве. Там предпочитают совсем иные речи. Министр иностранных дел Абба Эбан заявил, что Израиль прибегнет «к активной самообороне» от нападений арабских партизан. Он добавил, что намечаемые переговоры СССР, США, Франции и Англии в Нью-Йорке по политическому урегулированию ближневосточного кризиса в рамках ООН «могут лишь осложнить ситуацию».

Исполняющий ныне обязанности премьер-министра И. Аллон говорил о наказании арабских партизан за то, что они сражаются за освобождение оккупированной Израилем арабской территории. Он предал анафеме Совет Безопасности ООН, который «посмел» осудить декабрьское нападение Израиля на бейрутский аэропорт. «Такой орган,— заметил И. Аллон,— является советом небезопасности». Как видим, все плохо, что плохо для Израиля!

Свое глубокое сомнение в возможности достижения политического урегулирования на Ближнем Востоке, в том числе в результате усилий четырех великих держав — членов Совета Безопасности, высказал генерал Ицхак Рабин, бывший начальник израильского генерального штаба, а позднее посол Израиля в Вашингтоне.

О чем вы говорите, господа? Вот уж воистину странная логика. Несостоятелен сам термин «самооборона». Израиль, а не арабские страны оккупирует чужую территорию. Естественно стремление населения этой территории активно бороться за освобождение своей родины. Где, в каких документах какой международной организации сказано, что такая борьба является «наказуемой»? Ведь именно о наказании не перестают говорить сегодня официальные представители израильского правительства, когда речь заходит о действиях арабских партизан.

Мне могут возразить всего одним словом — репрессалии. Да, они существуют в международных отношениях. Но это совсем не те действия, к которым прибегает Израиль в отместку за то, что арабские партизаны обстреляли израильский самолет в Цюрихе. Специальный комитет ООН по принципам мирного сосуществования пришел к единодушному мнению, что каждое государство обязано воздерживаться от актов вооруженных репрессалий.

Сейчас Израиль осуществляет новую волну агрессивных действий против ОАР, Сирии и Иордании под предлогом все тех же репрессалий. У нас на этот счет мнение совершенно определенное. Своими последними актами агрессии Израиль серьезно нарушает мир на Ближнем Востоке, практически срывая возможное политическое урегулирование.

Случайны ли подобные действия Израиля? Ни в коем случае. Дело не только в том, что официальные высокопоставленные представители израильского правительства выступают с нападками на политическое урегулирование. В тех усилиях, которые четыре великие державы — США, Советский Союз, Франция и Англия — намерены предпринять через ООН, Израиль видит самое страшное для себя — опасность оказаться в полной политической изоляции. Отсюда желание противопоставить Советский Союз и Францию Соединенным Штатам и Англии. Авось, они не найдут общего языка между собой. Ну, а если из этого ничего не выйдет, то необходимо бросить плотную тень сомнений как на Москву и Париж, так и на арабские страны, которые готовы пойти на политическое решение.

Генерал Рабин что-то пробормотал про какое-то «политическое урегулирование», коего-де добиваются русские. Да, действительно, Советский Союз, как и другие великие державы, добивается такого урегулирования. Что оно означает? Прежде всего мир. Но, видимо, перспективы мира на Ближнем Востоке страшны для генерала, если он, не жалея усилий, твердит о том, что не верит в мирное урегулирование.

Чего же в таком случае добивается Израиль? Если судить по словам Эбана, то свободы самого настоящего разбоя. Смысл его не меняется, если он называется в Израиле репрессалиями. В Израиле, где на днях умер премьер-министр Л. Эшкол, теперь соревнуются в произнесении воинственных речей. При этом более четкий акцент делается на вооруженном мире как на лучшем из существующих. Последнее интервью покойного премьер-министра американскому еженедельнику «Ньюсуик», в котором он изложил самую настоящую программу территориальных притязаний Израиля, звучит сегодня завещанием сошедшего в могилу политика. Судя по тому, о чем говорил покойный премьер-министр, Израиль очень бы хотел, чтобы к нему перешли Голанские высоты, Газа, Шарм аш-Шейх, целые полосы территорий ОАР и Иордании вокруг этих городов и населенных пунктов, а также и Иерусалим. В Тель-Авиве, видимо, намеренно забывают о том, что специальная сессия Генеральной Ассамблеи дважды высказалась против аннексии восточного Иерусалима, а ноябрьская резолюция Совета Безопасности предписывает отказ от каких бы то ни было территориальных приобретений, которые были сделаны в период «шестидневной войны».

Ближний Восток нуждается в прочном мире. И основой для установления такого мира может служить только политическое, а не какое-то другое урегулирование. Не перелицовывание карты Ближнего Востока, что напомнило бы нам о мрачных временах Мюнхена, а ликвидация опасных последствий агрессии, которую в Тель-Авиве хотят продолжать любыми средствами, прибегая для маскировки к замысловатым терминам.

ВСЕГДА В СТРОЮ

Глядя на Михаила Михайловича Громова, трудно представить, что ему, прославленному советскому летчику, семьдесят лет. Вот он входит в аудиторию, где читает лекции молодежи, высокий, стройный, широкоплечий, атлетически сложенный, и кажется, что Громов пришел сюда прямо с летного поля, после очередного трудного испытания новой машины.

По биографии Героя Советского Союза М. Громова можно изучать историю советской авиации. Этот человек испытал 25 конструкций новых опытных самолетов, установил три мировых авиационных рекорда. С его именем связан необычайный для того времени, 1925 года, перелет Москва — Пекин — Токио. И, наконец, легендарный прыжок через Северный полюс из СССР в США вместе с летчиком А. Юмашевым и автором этих строк.

В годы Отечественной войны генерал М. М. Громов командовал воздушной армией.

Михаил Михайлович по-прежнему в боевом строю. Он делится с молодежью своим опытом, занимается научной работой и пишет книгу — о времени и о себе...

С. ДАНИЛИН,
Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант

На снимке: М. М. Громов и С. А. Данилин у самолета «АНТ-25» перед легендарным перелетом Москва — Северный полюс — Америка.

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО СЕРДЦА

К 60-летию со дня рождения В. В. Кованова

У этого человека гуманная и нелегкая профессия: он имеет дело с человеческими сердцами.

В годы войны Владимир Васильевич Кованов был армейским хирургом 44-й и 28-й армий. Надо ли говорить, какая это трудная должность на войне — армейский хирург! Сразу же, как отгремело эхо войны, Владимир Васильевич вернулся к мирному труду. Он с головой уходит в науку. Почти шестнадцать лет Владимир Васильевич возглавлял Первый медицинский институт в Москве. Тысячи воспитанников, превосходных врачей разных специальностей, добрым словом вспоминают сегодня имя своего учителя, большого ученого.

Владимир Васильевич свой труд воспитателя сочетает с огромной научной работой. Два тома анатомического атласа, созданного им, получили научное признание и в нашей стране и за рубежом, как и другие его труды. Много сил и энергии отдает профессор Кованов благородному делу защиты мира, являясь членом Президиума Советского комитета защиты мира.

Сейчас Владимир Васильевич ведет большую научную работу, он вице-президент Академии медицинских наук СССР. У него много забот, большие научные планы. В своей работе он много внимания уделяет проблемам излечения сердечных недугов, проблемам пересадки сердца.

И мы знаем и верим, что он еще скажет свое слово о сердце, которое должно биться у человека в унисон с жизнью, помогая ему в больших деяниях во славу нашего Отечества, нашей партии, во имя лучшего будущего человека.

Это пафос жизни человека-ученого, которому исполняется в марте 60 лет. Когда встречаешься с ним, вот уж поистине хочется сказать, что «все врут календари». Владимир Васильевич полон молодости, энергии, вдохновения, полон больших творческих планов.

Дерзаний новых Вам и свершений, человек большого сердца!

Михаил КОТОВ

А. СТАРКОВ

В киоске возле метро

Я не курю, но вот уже третий день подряд хожу к табачному киоску возле метро «Речной вокзал». Точнее сказать, сижу в киоске. Нет-нет, я не «репортер, переменивший профессию», что модно теперь среди нашего брата. Я не собираюсь перехватывать заслуженных лавров у моего коллеги, довольно известного московского газетчика, который становился последовательно шофером грузовика, постовым милиционером, продавцом в магазине «Мясо», лифтером, кажется, даже нянечкой в круглосуточных яслях и про которого дружески шутят, что ему предстоит самое трудное и почти уже неосуществимое перевоплощение — стать самим собой... Так вот, я не торгую папиросами с целью изучения и освещения в прессе этой проблемы, а просто сижу в киоске рядышком с моим новым знакомым Алексеем Михалычем и слушаю его.

Знакомый-то он мне, собственно, не совсем новый. Однажды меня попросили заменить адмирала. Конечно, не в командной его должности — в качестве оратора заменить. Дело в том, что вице-адмирал Щедрин, Герой Советского Союза, командовавший в войну гвардейской подводной лодкой, должен был выступить во Дворце культуры на вечере воспоминаний ветеранов армии и флота. А накануне неожиданно отбыл в командировку. И вот устроители, зная, что я служил когда-то на Северном флоте вместе с Григорием Ивановичем, попросили меня приехать и рассказать на вечере об адмирале. Таким образом я оказался в президиуме торжественного собрания среди полковников, генералов — был даже маршал — и, естественно, чувствовал себя несколько стесненно в кругу именитых и знаменитых военачальников. И мне как-то сразу стало проще на душе, когда я, осмотревшись, увидел за столом еще такого же, как я, в пиджачке. Лицо его принадлежало к тому типу немолодых лиц, которые, в полной мере неся на себе бремя возраста, явственно сохраняют еще черты и признаки юных, мальчишеских лет. Это не то, что называется моложавостью, способной скрыть истинные годы. Они не спрятаны, вы видите, что человеку под пятьдесят. И в то же время вам легко представить его себе юношей. Я люблю угадывать мальчишек в пожилых мужчинах. И если это удается, меня особенно тянет к таким людям... Ну, а в данном случае сосед по президиуму был мне симпатичен и тем, что я уже не ощущал себя больше одиноким штатским среди парадных мундиров.

Я не расслышал его фамилии, названной председателем, так как, поджидая, что вот-вот и меня позовут к трибуне, думал о своем, о том, что́ буду говорить. По той же причине я не очень внимательно вслушивался и в речь оратора, дикция которого была к тому же нелегкой для восприятия: иногда спотыкающаяся глуховатая скороговорка человека, когда-то, видимо, преодолевшего сильное заикание. На пиджаке у него позвякивали в такт жестам медали, которых было с десяток, и это тоненькое-тоненькое музыкальное сопровождение речи тоже отвлекало от ее содержания. Но постепенно какие-то слова говорившего начали все настойчивее пробиваться сквозь мое невнимание, сквозь мои собственные мысли, пробиваться и оттеснять их. А оттеснив, повели меня за собой, уже не отпуская.

Он вспоминал первую ночь войны, заставшую его в казарме стрелкового полка близ западной границы.

— ...Накануне в кино были. Как всегда, в субботний вечер в кино. Отбой ко сну на час позже. И подъем воскресным утром тоже не в шесть, а в семь... Проснулись же в середине ночи, в три сорок пять, по сигналу тревоги. Нас не раз уже так в то лето подымали, привыкли мы. Но тут — со звоном разбитых стекол. Бомба, говорят, неподалеку сброшена. Ну что ж, думаем, учение в обстановке, приближенной к боевой. И так тоже бывало... П-построение во дворе, на плацу. Приказ — на передислокацию. В эту казарму не вернемся. Пять минут на сборы, взять с собой из личных вещей только самое ценное. А что у солдата ценное? Письма из дому, от девушки. У меня порядочно накопилось, любил перечитывать. Я быстренько — в пачку самые последние. И свое недописанное — сестре Ксюше с племянницей в Москву. Остальное порвал. Фотокарточки еще прихватил, на одной я снят. На гражданке еще, перед призывом, но уже остриженный. Со значком, на котором Ленин... Все это я в один конверт. И вниз — на плац. А там — раздача патронов. Обычно в поход по две обоймы полагалось. А сейчас говорят: «Кладите по карманам сколько можете!» Прямо в свинцовых футлярах брали. В ч-четыре ноль-ноль вышли на марш. Совсем светло, начинался самый длинный день в году... На первом привале — младших командиров к комиссару. «Идем не на учение,— говорит, а мы уже и сами видим, что не на стрельбы...— Германия,— говорит,— два часа назад напала... Там, на границе, уже гибнут, возможно, наши товарищи. Идем на подмогу... Выполним свой долг перед Родиной!» Пока снова на марш, я концовку добавил карандашиком к письму своему недописанному. Что в бой иду, не знаю, останусь ли в живых. И пусть, мол, сохранят вот это все, что посылаю. Убьют — будет память обо мне. И московский адрес написал на конверте. Не заклеивался, толстый такой получился, пришлось кое-что выбросить... Д-думаю, пройдем через населенные пункты, встренется почта — опущу. А нам по пути — всё маленькие деревеньки, не видать почтовых ящиков, вот и большим селом шагаем, а тоже не видно... Утро воскресное, раннее, людям спать бы, а народу полно. Неужели еще с субботней гулянки не разошлись? Но не веселье на лицах-то. Гармошки, песен, шумного говора — ничего такого не слыхать. Наверно, уже догадываются, куда идут через село красноармейцы... А я все гляжу, выглядываю, кому бы письмо передать. Вон женщины стоят кучкой. Выбежал я из строя, конверт протягиваю, а они мне в один голос: «Солдатик, родный, война?» А нам еще не сказали такого слова. И я им, как комиссар нам: «Германия напавши»... Какая письмо-то у меня приняла, не разглядел. Несколько рук враз протянулось, сунул я и бегу обратно на дорогу, строй догонять... А уже в полдень мы с немецкими танками на шоссе бились. И до ночи сдерживали, пока хватило у нас боеприпасов и крови... Приказ был отступить. Отходили левее того села, лесом, в направлении на Проскуров... На тринадцатый день войны и меня достала пуля. Я для начала, как положено пехоте, в обе ноги был отмеченный. Потом прибавилось и прочих ран. Г-говорю вот, а в голове иглами постреливает, осколок там прижившись. И как волнуюсь — бьет в висок. А я сейчас в-волнуюсь... Н-ну, ладно. Про письмо доскажу. Не дошло оно тогда. Я уж и сам в Москве побывал после госпиталя, а письма не было. Я так думал: не бросили его сразу в ящик, а может, и бросили, да к вечеру-то село заняли немцы... Так или иначе, думал, но пропало... А оно не пропало, товарищи! Женщина та, которую я и в личность не разглядел, только руки ее мелькнули, сохраняла его у себя всю оккупацию. И как пришло им освобождение, снесла мой конверт на почту... Вот он! Прибыл в сорок четвертом, через три года, на этот вот московский адрес. Я его карандашиком написал, а она для верности чернилами обвела...

Вот так говорил он, то быстро-быстро, то спотыкаясь с разбегу. Но, не в умаление всех остальных ораторов, предыдущих и последующих, отмечу, что **так** никто не говорил и так никого не слушали. И я, заслушавшись, потерял нить собственного, предстоявшего мне выступления и не очень успешно разыскивал ее, когда был вызван к трибуне. После торжественной части, на концерте художественной самодеятельности, мы с этим человеком сидели уже локоть к локтю в первом ряду, который был оставлен свободным для членов президиума. И уходили вместе, до метро ему было со мной по пути, он жил где-то тут, поблизости. Пока шли, я уточнил некоторые детали его речи, а он расспрашивал меня о войне на Севере. Словом, расстались знакомыми. А придя домой и решив записать его рассказ, я обнаружил, что не знаю фамилии. Чтобы установить ее, позвонил в клуб, но организатора вчерашнего вечера не оказалось на месте, еще позвонил, опять не застал, а потом какие-то иные заботы отвлекли меня. Да и случая использовать эпизод с письмом не подходило, и он постепенно погас в моей памяти, оставаясь, естественно, в блокноте, который был упрятан в ящик письменного стола.

А недавно, на днях буквально, позвонила мне Полина Дмитриевна, вдова Тимофея Степановича Кривова.

— Любопытный,— говорит,— есть для вас человек...

Но я должен объяснить, кто такие Кривовы. Году в пятьдесят шестом я получил письмо

из Чебоксар, читательскую просьбу, сформулированную скорее как задание литератору. Сообщалось, что «в Москве, на Гончарной набережной, проживает старый большевик Кривов Т. С., глубоко чтимый в Чувашии, биография которого не может не заинтересовать Вас...» Не может! И я поехал на Гончарную и при всей своей нелюбви к высокопарному стилю должен назвать тот день счастливейшим для себя. И не только потому, что я прикоснулся к жизни действительно изумительной. К жизни деревенского мальчишки (он и сейчас, к удовольствию моему, легко проглядывался в 70-летнем старике), который бегал в инородческую начальную школу, одну из тех, что были открыты для обучения чувашских ребятишек на их родном языке и назывались в народе ульяновскими, по имени инспектора Ульянова, создававшего эти школы. К жизни слесаря из Уфимских железнодорожных мастерских, бойца-дружинника на баррикадах 1905 года. Профессионального революционера, осужденного «по совокупности преступлений» к смертной казни через повешение, которая лишь по амнистии в честь 100-летия со дня победы над Наполеоном была заменена бессрочной каторгой. Каторжника, который без малого пять лет носил девять фунтов железа на ногах и четыре с половиной на руках и, когда Февральская революция освободила его, долго учился заново ходить, заново двигать руками, так как ноги сами собой растопыривались по привычке делать это в кандалах, а руки все время загребали воздух, словно по-прежнему были соединены цепями. Ленинца, знавшего Владимира Ильича по парижской эмиграции, по Смольному, по частым общениям в Кремле в связи с делами Центральной Контрольной Комиссии, членом которой Тимофея Степановича выбрали на X съезде партии и которую Ленин называл «органом партийной и пролетарской совести»... Вот к какой биографии прикоснулся я. И этого одного было бы достаточно, чтобы я счел день нашей встречи счастливым для себя. Но знакомство с Кривовым ввело меня еще и в круг близких ему людей. К сожалению, он, этот круг, неумолимо сжимался на моих глазах, таял стремительно, ибо это были старые люди, подошедшие к пределу своей жизни. И я благодарен Тимофею Степановичу, что он свел меня с ними и я успел записать их рассказы о подполье, о революции, о Ленине.

Старик то и дело звонил мне.

— Занеси-ка в блокнот адресок...

И я еду в Орлово-Давыдовский переулок к Илье Митрофановичу Гордиенко, о котором Горький писал: «...рабочий.., один из тех большевиков-ленинцев, которые строили партию снизу, из подполья». Гордиенко рассказывает мне о том, как питерцы встречали первый советский Новый год на Выборгской стороне вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной.

— Смольянинов приехал!..

И я, еще не веря этому, лечу на перекладных в подмосковное Кратово, в санаторий старых большевиков, и все, кажется, обычно, стучусь в указанную дверь, человека, открывшего ее, спрашиваю: «Вадим Александрович?» Он говорит: «Я Вадим Александрович». Обыкновенный вопрос, такой же ответ, но я замолкаю в растерянности, потому что передо мной и в самом деле Смольянинов, управляющий делами Совета Труда и Обороны, адресат многих и многих писем и записок Ильича, опубликованных теперь на страницах Ленинских сборников. И мы сидим с ним вечер за вечером, и он вспоминает историю каждого письма, каждой записки, распоряжения, резолюции, пометки на газетной статье, полученных им когда-то от Предсовнаркома. А это Кашира, Шатура, Волховстрой, это Курская аномалия, Донбасс, это товарообмен между городом и деревней, первые внешнеторговые связи, это борьба с бюрократизмом, волокитой, это становление Советской власти!

— Уломал я наконец Вячеслава, дуй к нему немедленно, пока он не передумал...

Карпинского он «уломал», старейшего публициста партии, автора множества книг, брошюр, статей, но ни единой еще строки не написавшего о своей жизни и решительно отвергающего любое поползновение взять у него в этом плане интервью. А вот Граф (подпольная кличка Кривова) уговорил друга, и Вячеслав Алексеевич за несколько вечеров подробнейшим образом прокомментировал мне свою переписку с Лениным в период швейцарской эмиграции.

Придешь с такой встречи, и уже с порога перехватывает телефонный звонок:

— Ну как, доволен? Интересного я тебе человека подбросил, а? Тут еще один есть... Торопись, дорогой товарищ, торопись — уйдут...

Ушел Гордиенко, нет Смольянинова, Карпинского, сужается, редеет этот круг. И Тимофей Степанович — на Новодевичьем...

Памятник на его могиле вы обнаружите издали по ярко алеющему пионерскому галстуку, которым повязан обелиск. Всегда свежий, часто сменяемый, лелеемый галстук. По надписи на нем видно, кем и откуда он прислан. Героя Социалистического Труда Т. С. Кривова числят своим Почетным пионером дружины более ста, наверно, школ страны, в которых с его участием, его заботами созданы ленинские музеи. Это было главным, всепоглощающим делом последних лет его жизни. Началось с письма, присланного в Москву, в Музей Ленина, ребятами из алтайского села Лебяжье. Они решили оборудовать в школе ленинский уголок и просили помочь им. Письмо передали научной сотруднице Полине Дмитриевне Зворыгиной. Она принесла его домой, показала мужу, Тимофею Степановичу. «Вот тебе задание, как члену Центрального Совета пионерской организации...» «Всегда готов! — сказал он.— А ты ведь была когда-то вожатой. Давай вместе...»

И они написали ребятам, каким должен быть, по их мнению, школьный музей Ленина, и собрали первую посылочку для его экспозиции: книги, альбомы, фотографии,—а в ответ на новое письмо с благодарностью — вторую, вскоре третью. Они не подозревали, как захватит их это, во что выльется, в какую бурную цепную реакцию: пойдет от школы к школе, сначала по соседним с Лебяжьим, затем все шире — по Алтайскому краю, по ближним областям, по дальним, и не останется уже области, края, республики, не затронутых этим движением. И повсюду, где создавались такие музеи, был известен адрес Кривовых. Их квартира превратилась в некий методический кабинет, в своеобразный отдел Центрального музея Ленина по руководству его школьными филиалами. В то время еще не говорили: на общественных началах,— не родилась такая формулировка, но начала-то тут были самые разобщественные. Тимофей Степанович и Полина Дмитриевна, тоже ушедшая на пенсию, безвозмездно взвалили на себя работу, посильную лишь целому штату музейных сотрудников. Впрочем, был «штат» и у Кривовых: друзья-пенсионеры. Без них бы не справиться. Вообразите: подбор библиотечек, копировка документов, переговоры с художниками-оформителями, запись воспоминаний на пленку, экскурсии в Москву по ленинским местам, распространение анкеты «Ленин в моей жизни», ответы на письма. А писем было столько, что приходилось раздавать по рукам, и при этом у одних только Кривовых набралось два ящика размерами в половину письменного стола. И на каждое ребячье послание отвечено, и как это отвечено, судите сами: «Дорогой Володя! В марте мне будет 80, а я сохранил еще способность радоваться радостям других... Ты представляешь, как бы я выглядел, потеряв это чувство. У меня ведь своего-то только и осталось, что больное тело, и больше нет ничего. Вот бы и копался в себе, в своих болестях. Они бы давно сожрали меня. Я пренебрег ими, хотя после каторги был смертельным туберкулезником... Мне удалось победить все тяжелое и неприятное в душе. Силы для этого пришли от Ленина, от его учения, от его планов и дел, в которые я со всей верой включился с юности... Вижу, что и в тебя эта искорка залетела, чувствую, что она разгорится».

Так он разговаривал с ребятами в письмах, и никогда под копирку с машинки, всякий раз новыми, свежими словами, которые он выписывал дрожащими пальцами, и, когда они совсем изменили ему, надиктовывал Полине Дмитриевне с больничной койки, умирая от рака. А последними слышавшими в палате его голос были школьники из приволжского села Еропкина, родины Тимофея Степановича, привезшие ему красный галстук Почетного пионера и грамоту Почетного гражданина. Он был дважды Почетным еще в одном селе — в Шаумяне под Туапсе, где, по его совету, с его заочной помощью, кроме ленинского, открыт музей Боевой славы, который как бы продолжает экспозицию первого... Кривов не бывал в этих местах, но, помню, в подробностях, со знанием очевидца рассказывал мне о событиях, которые развернулись здесь осенью 1942 года, когда немцы рвались к Туапсе, к морю и были остановлены в битве под Шаумяном. Старик называл мне имена героев тех боев, говорил свое обычное: «Запиши-ка, дорогой товарищ, адресок...»

И вот звонок Полины Дмитриевны:

— Любопытный человек есть для вас... Ребята из Шаумяна разыскали. Сперва нашли у моста через речку Пшиш солдатский медальон в земле. Футлярчик металлический. А внутри на листке — фамилия, имя, отчество. Номер части. Откуда призван... Москвич оказался... Хотите адрес? Есть и телефон.

Звоню Алексею Михайловичу Еськину. В воскресенье звоню, для верности. А мне говорят:

— На работе Алексей Михайлович. В киоске.

...Я подошел к табачному киоску около метро «Речной вокзал» и, нагнувшись к окошку, увидел моего знакомого по выступлению во Дворце культуры.

Торговая точка на ходовом перекрестке не лучшее, понятно, место для интервью. Спокойнее, уютнее бы сидеть и беседовать или у меня дома, или у Еськина. И все-таки я предпочел киоск. Мне трудно точно объяснить это, но для меня было что-то привлекательное в том фоне, на котором протекал наш разговор, в их контрастности, возможно.

— «Дымок» есть?

— Пожалуйста.

— Пачку «Новых»...

— Кончились. После обеда подвезут товар. Заходите...

— Дяденька, «Ароматные»...

— Я вот тебе дам «Ароматные»... по заднюшке. Матери скажу.

— А вы ее не знаете!

— Я тут всех вокруг знаю. И директора вашего Сергея Петровича. Так его зовут?

— Ве-ерно...

— Ну вот и катись, ку-урильщик.

— Михалыч, быстренько... выбился из графика... пару болгарских на дорогу...

— Будьте любезны, нет ли у вас каких-нибудь сигарет с фильтром? Для мужа. И еще он просил тонких спичек...

— «Беломорканальчику»...

— «Лайку» или что-нибудь в этом роде.

ИЗ КНИГИ „ПОКА

Платон ВОРОНЬКО

* * *

Не осуди меня, мой дом,
За то, что так легко с тобой прощаюсь,
Что неохотно возвращаюсь
И привыкаю вновь к тебе с трудом.
Я просто убедился в том,
Придя стократно к твоему порогу,
Что жизнь сама и есть мое жилье:
Все, что в тебе, ведь это не мое,
А вне тебя — там все мое.
В дорогу!

* * *

Вдали паруса, как загадка,
Алеют над мглистой водой.
— Ты видишь тот берег, солдатка?
— Не вижу. Закрыт он бедой.
Закрыт — до сих пор не открою

— «Герцеговину флор»...

— ...По медальону меня нашли, верно сказала Полина Дмитриевна. Он к поясу был пристегнутый. Отскочил, видно, когда накрыло меня у реки Пшиш, песком засыпало. Или похоронщики обронили. Я уже с мертвыми лежал, прибранный для могилы. Кто-то до ноги случайно дотронулся, говорит: «Пальцы теплые...» И на носилки меня. Очнулся в поезде, в санитарном вагоне. Одни глаза очнулись, видят, но не слышу ничего и говорить не могу. П-первое время бесфамильный лежал в госпитале, с отбитой памятью, только имя помнил, на бумажке написал: Алексей... Память возвращалась вместе со слухом, а речь отставала... Ну вот, нашли медальон. И под стекло его в музей. А на меня запрос через военкомат. Без особой надежды, что найдусь. А я хоть и снятый с учета, сшитый и склеенный, но живой как-никак. Дышу. И поскольку живой, приглашение мне из Шаумяна: приезжайте, товарищ Почетный гражданин, помогите следопытам. В почетные они меня заочно... Поехал. И — в горы со старшеклассниками-комсомольцами, с их учителем Хайхяном. По перевалам. В сторону Сочи. Мы ж в ту осень горами из Сочи пробивались. Сто девятнадцатая отдельная стрелковая бригада. В Селецких лагерях сформированная, под Рязанью. Из Астрахани Каспийским морем через Махачкалу к Черноморскому побережью переброшенная. Под Туапсе. На пополнение восемнадцатой армии, которой командовал Гречко. Берегом путь был отрезан, только в горы... Сейчас вот с ребятами всего маршрута не осилили. То есть они-то прошли. Альпинисты. А я не смог, на полпути сдал. Не тот я уже скалолаз, что был в сорок втором. Да и тогда глаза боялись. А ноги шли. Г-где не шли — ползком. Где и ползком нельзя — подтягиваясь на руках, на веревках друг друга вытаскивая, цепляясь за кусты. Ветка треснет — в пропасть...

— «Новых» подвезли?

— Как сказал.

— Четыре пачки.

— Пожалуйста.

— Не разменяете ли гривенник по две копейки?

— Разменяю.

— Спасибо.

— ...Я с пулеметным взводом шел. Пулеметы несли по частям. «Максим» разобранный — втроем. Щиток, тело, ствол. А Муса говорил: «Зачем разбирать — собирать?» И — один. Великан татарин, наводчик. Шинель в скатке, хомутом на груди. И пулемет на шее, дугой в скатку упирается. Так и нес по два перевала без отдыха, со спины не снимая... Мы через горы — с боями. Наш батальон в окружении был. На Индюк-горе. Немец брал на измор, на жажду. К ручью — под огнем. Шестеро пойдут — двое вернутся. На глоток несут. И пулеметы напоить. В касках, в коробках противогазных. Пол-литровая фляжка на пятнадцать раненых... Святая водичка, из святых святая. По каплям рассчитанная, с кровью перемешанная. И кровь Мусы была в ней. Он «кукушку» снял, снайпера, который бил по нашим водоносам. Вроде бы впустую выстрелил, в божий свет. Командир даже прикрикнул на него: «Зачем зря палить?» А с дерева вдруг винтовка упала, и за ней сам стреляга. Муса закричал: «Я трофею сбил, трофею!» И в полный рост за винтовкой. А второй снайпер по нему. Упал Муса. Я подполз, оттащил, глупые слова говорю: «Ну что ты наделал, что ты наделал...» А он шепчет, винится, будто действительно виноват в чем: «Да-да, нехороший я человек... нехороший... приколи меня... не хочу мучиться...» «Что ты,— говорю,— ты ценный, самый ценный для нас человек... не умирай, не умирай...» Меньше часа прожил. Мы его под деревом похоронили, я зарубку сделал, чтобы вернуться и как следует положить Мусу... Через двадцать пять лет вернулся. С ребятами из Шаумяна. Я сразу то дерево признал, хотя заросла зарубка. И еще мы нашли «максим», зарытый в землю. Я сказал ребятам, что это Мусы Галиулина, возможно, пулемет. Который он нес один через горы... Т-теперь стоит на площади в Шаумяне перед музеем. А рядом доски с именами погибших в горах, на перевалах, на мосту через Пшиш. И Муса назван. По моему свидетельству занесены на доску и Волобуев с Корягиным. Мы в ту ночь у моста трое остались из сорока. У четырех станковых пулеметов. За все номера втроем — за наводчиков, за лентонаправляющих, за подносящих. Волобуева снесло — видел я. Ваню Корягина — на глазах. И на этом мое сознание кончилось...

— В Шереметьево как проехать?

— А вон автобус на кольце.

— Гвардии младшему сержанту привет!

— Здравствуйте, товарищ полковник! Давненько не заглядывали...

— В командировку уезжал.

— Далече?

— На тот свет и обратно...

— Что такое?

— Инфарктик по высшему классу.

— А я для вас хорошие папиросы держу...

— Не-е, брат, все, бросил... Знаешь, как урки говорят — за-вя-зал! Хочешь видеть меня — в аптеку переводись...

— ...Я с этим полковником в госпитале лежал. В Германии уже. Нет, вру, в Кракове... Он про урок-то не зря вспомнил, знает мою историю. В штрафном батальоне было...

— В штрафном? Вы?

— Ну да, меня ж после кавказской битвы, после излечения, как говорить начал, в особую часть определили. В запасный батальон штрафников. К отправке на фронт готовить. И сопровождать, везти их. Помкомвзвода. А во взводе — п-публичка! С гражданки — из тюряг, из лагерей. С фронта — трибуналом осужденные... Везли как заключенных. С охраной в тамбурах. А комсостав в отдельном вагоне. И мне там полагалось. Но я все разы — со взводом. Раза четыре так съездил — сдавал штрафников на передовую. На пятый — под Смоленск. Тоже в вагоне со взводом. Ночью — к линии фронта подъезжали — от страшного какого-то сна проснулся. Будто кляп у меня во рту и связали меня. Проснулся, а у меня и в самом деле во рту кляп и связан я. А на полу урка тоже спеленатый. Это он мне — кляп, и — веревками. Через верхний люк хотел бежать, все заранее приготовил. Но свои же взяли, проснувшись, когда он уже вполтела на крышу вылез. Бесшумно взяли, охрана не услышала. И ждут моего слова. Как приговорю. Сдать его охране — расстрел. Не толстовец я, правую щеку не подставлю, если по левой ударят. Но тут как? Не в санаторий везем. На смертный участок фронта. Не на чет, на верный нечет... Парень — ровесник мой. И я трибунал ему, лежачему. «Все,— говорю.— Тихо!» А он еще не понял, что тихо, какой мой приговор. И, может, за эту минуту, пока не понял, еще одну жизнь прожил... Прожил эту жизнь и сказал: «Прости, младший сержант... Вдруг встретимся...» И верьте мне, не верьте — встретились мы. В том краковском госпитале. Я был раненный в горло. Только он так и не узнал, что мы свиделись. Привезли его в беспамятстве из санбата, и он умер у нас в палате, не очнувшись. Разведчик, говорили, с орденом Славы...

Сижу в табачном киоске и думаю, как назвать свой будущий очерк, вот этот, который сейчас перед вами. А так и назову: «В киоске возле метро». Или так: «Два солдата». Это ведь про двух бойцов. Про Тимофея Кривова, солдата революции, и Алексея Еськина, солдата Отечественной войны...

...живой — иди"

С войны, с молодых еще лет.
...Прошли паруса стороною,
Лишь волны кровавые вслед.

* * *

Хлещет вьюга в лицо,
Но упорство растет в человеке,
Рассекая, как лезвие, даль, бездорожье, снега.
Не окреп еще лед — ерепенятся шумные реки,
Белой мглой
Занавешены будущих дней берега.
Оглянись, человек!
В городах фонари не погасли,
Там асфальт не заснежен,
Там тих эскалаторный гул!..
Не глядит он. И гибнет под берегом дальним.
И счастлив,
Что в неведомом след
Тетивою тугой протянул.

* * *

— Журавли, журавли!
Сколько ж надо вам, други, земли,
Сколько моря, чтоб вы разгуляться могли?
— Лишь клочок на земле,
Чтоб прожить там в тепле.
Моря чуточку, самую малую часть,
Чтобы было куда с поднебесья упасть.

* * *

Незавершенность! Ты мой давний бой
Не то с судьбой,
Не то с самим собой.
Так осознались ты, наверно, при Адаме —
Оттуда и шагаешь над годами
И к Фаусту, и к нам, и дальше нас...
Но есть счастливый миг, испытанный не раз:
Слепя, вдруг вспыхивает
Слово, мысль, решенье —
И кажется тогда: вот завершенье!

* * *

Стих — он пишется от боли,
А еще — не оттого ли,
Что душа не хочет пряток.
«Дальше жить,— кричит,— нельзя так!..»
Стих без боли — стих без смысла:
Над листом перо повисло,
Строчки вянут... Отложу-ка.
Боль ушла,
Приходит скука.

* * *

Во мне,
Не желая считаться со мною,
Сцепился с седым, пожилым сатаною
Другой сатана — молодой и безусый.
Различны их взгляды, характеры, вкусы.
Сшибаются, бьются — до лязга, до звона,
И денно и нощно,
Бессменно, бессонно.
Не вытуришь их из себя, ну хоть тресни!..
И все это
Ради рождения песни.

* * *

Туман сгустился на пути твоем,
Упало солнце с гор за окоем.
Но ты — внизу, и темень — только здесь,
А поднимись к вершине —
Солнце есть!
Огромное, без тени на лице,
Горит в протуберанцевом венце...
Коль жажду света носишь ты в груди,
То окончанья темноты не жди:
Сквозь толчею и суету прорвись
За ночь, за тучи,
В солнечную высь.

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

ДОСТОЙНО ОЛЬГИНЦА

В сельском Доме культуры шло предвыборное собрание. Председатель сельского Совета Павел Германович Кокаев рассказывал о том, как выполнены наказы избирателей, каким будет село в скором времени. Проблемы культуры, быта, благоустройства волновали весь зал. Задавали много вопросов, и вскоре разговор о жизни села стал общим. Нашим корреспондентам, людям приезжим, трудно было сразу разобраться в чисто «семейных» делах колхозников, и они попросили парторга колхоза «Путь к коммунизму», Правобережного района, Северо-Осетинской АССР, Казбека Кокаева, коренного жителя этих мест, рассказать о жизни села.

Казбек КОКАЕВ, парторг колхоза «Путь к коммунизму»

Мы живем в селе Ольгинское. Я считаю это место лучшим не только у нас в Северной Осетии, но и во всем мире, потому что здесь моя родина. Вы, конечно, улыбнетесь и скажете: «Каждый хвалит свой дом». Может быть, и так. Но мне кажется, что мое село, его люди действительно заслуживают слова похвалы.

...Любой осетин знает наше село, наш колхоз «Путь к коммунизму», знает его председателя Ибрагима Андреевича Цаболова, депутата Верховного Совета СССР. У нас есть даже такая поговорка: «Достойно ольгинца». А человек, которому довелось взять в жены ольгинскую девушку, с давних пор считался в округе очень удачливым. Дело, конечно, не в красоте невест, а во всеобщем уважении к честности, трудолюбию, к культуре наших односельчан.

Недавно в связи с предстоящими выборами в местные Советы мне пришлось провести своеобразную перепись жителей одного квартала сельской улицы. Я сам живу на этой улице, и мне казалось, что знаю тут всех людей. И вдруг открылось такое, чего я и не предполагал. Чтобы убедиться, так ли это, я пошел в дома другой улицы, третьей, четвертой. И что же?..

...Улица Коминтерна. Из жителей двадцати одного дома 22 человека окончили институты и 13 — техникумы. Улица Кирова. На 19 домов 19 человек с высшим образованием и 6 — со средним специальным образованием...

Я знал, что в селе много образованных людей. Имеются у нас, как говорится, и соответствующие итоговые цифры. И все же путешествие по сельским улицам поразило меня. В каждом доме один, два, а то и три диплома! Вот семья Тибиловых: Султан — инженер, начальник треста; Меретхан — учительница; Римма — старший преподаватель института; Зарета учится в институте. Другая семья — крестьянина Аликова. Тут и педагог, и экономист, и железнодорожник, и агроном, и студенты медицинского, сельскохозяйственного институтов, Ленинградской художественной академии. Восемь членов семьи Фадаровых окончили институты и пять — техникумы. У Аликовых — это уже у других Аликовых — шесть инженеров, три экономиста, два врача. И так далее... Вначале я всему этому удивился, а потом подумал: чему ты удивляешься, Казбек? У нас в школе учительствуют почти все свои, коренные ольгинцы. В колхозе на руководящих постах — специалисты с высшим образованием, а у старшего экономиста Бачири Дзулаева — два диплома: Ташкентского института народного хозяйства и Тимирязевской сельскохозяйственной академии. И оба диплома с отличием. А дед Бачири не умел даже расписаться... И тут не могу не вспомнить о сохранившемся до наших дней протоколе одной сельской сходки, она состоялась в Ольгинском в 1900 году. Протокол как протокол. Ничего в нем особенного. А вот одна деталь обращает на себя внимание: из 233 ольгинцев, участвовавших в той сходке, только 13 смогли поставить свои подписи на важной бумаге. Остальные не знали ни одной буквы.

Вот чем было Ольгинское в начале века!.. А люди и тогда тянулись к свету, к знаниям. И поныне здравствует девяностопятилетний старик Гаппо Батаевич Гозоев, один из первых просветителей в нашем селе. В молодости он вместе с Терчко Аликовым и Федором Газдановым учил ольгинцев грамоте, русскому языку, стараясь приобщить односельчан к русской культуре. Усилия их не пропали даром. Когда в России назревала революция, тем немногим ольгинцам, что знали русский язык, русскую грамоту, легче других было разобраться в нарастающих событиях. Потому и вышли из нашего села известные революционеры: соратник С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе, первый председатель Совнаркома Горской республики Саханджери Мамсуров, пламенный борец за народное дело Чермен Баев.

В нашем селе была подпольная большевистская группа. А нити от нее тянулись ко многим домам крестьян. И во время гражданской войны никто из моих односельчан не пошел на компромиссы с белоказаками, деникинцами, махновцами. Люди знали: им по пути только с большевиками.

...В школе, когда мы изучали историю СССР, за примерами нам не приходилось далеко ходить. У одного ученика отец — революционер, был в царской ссылке, у другого — устанавливал Советскую власть в Закавказье, у третьего — погиб в гражданскую войну. Мой отец был одним из первых комсомольцев на селе. Он был среди тех восьми ребят, что еще в 1921 году создали в Ольгинском первую комсомольскую ячейку. Ликбез, схватки с бандитами... Потом коллективизация. Но еще задолго до того, как в Ольгинском появились колхозы, наши люди организовали ТОЗ — товарищество по совместной обработке земли. У нас работает трактористом Магамет Канатов. Он любит рассказывать о своем учителе — тоже Канатове — Даби. Тот до революции был машинистом, а потом, в 1926 году, где-то достал трактор «фордзон» и обрабатывал землю для пятнадцати хозяйств ТОЗа. Так что колхоз появился у нас в тридцатом году не на голом месте.

Сегодня мы отчитываемся в делах колхоза высокими урожаями, сотнями тонн сданного государству мяса, тысячами литров молока. По всем показателям наш колхоз «Путь к коммунизму» много лет считается передовым. Но разве есть такие показатели, которые учитывали бы, сколько хороших, нужных стране людей воспитало Ольгинское за годы Советской власти!

В сельской школе висит большая карта СССР с красными флажками — это места, где живут ее выпускники: от Чукотки до Львова. Есть среди них крупные ученые, инженеры, медики, учителя; есть архитектор, юрист, литератор, авиаконструктор, военачальник, артист. Но есть люди, которыми мы гордимся особо. Двое из них, Хаджи-Умар Мамсуров и Геннадий Цоколаев,— Герои Советского Союза. Когда началась война, почти все мужчины села — больше шестисот человек — ушли на фронт. И свыше четырехсот односельчан не вернулось домой. Мы установили им памятник, зажгли вечный огонь, огонь вечной славы и скорби Ольгинского.

В эти предвыборные дни я часто слушаю рассказы агитаторов. И с обидой заметил, что иногда о больших, радостных переменах в жизни села мы говорим удивительно скучными словами, будто и не замечаем, как здорово все у нас изменилось кругом.

Я немало ездил по Советской стране и могу утверждать, что просто погулять по Ольгинскому так же приятно, как и по улицам иного большого города. Длинные, прямые, зеленые улицы, добротные, нарядные дома. А новые строятся из кирпича, просторные, с водопроводом и газом. Давно тут исчезла обычная сельская грязь: асфальт и на тротуарах и на проезжей части главных улиц. Во многих местах установлены фонари городского типа, построены приветливые павильончики на остановках автобуса...

В Ольгинском работают три почтальона. А уже требуется четвертый: норма установлена в 15 килограммов, а почтальонам приходится ежедневно брать по двадцать и более килограммов почты. Еще бы: пастух Туни Айляров выписывает 9 газет и журналов; заведующий амбаром Батмурза Карсанов подписался почти на все, что можно,— на 68 рублей; инженер Бештау Тибилов получает 11 газет и журналов... Таких клиентов у наших почтальонов много.

...Я шагаю по улицам родного села. Оглядываюсь кругом. И на новые дома и на новых людей. Вспоминаю отца, коренного ольгинца, и думаю: «Вот и твои мечты, отец, становятся явью!..» Он устанавливал в селе Советскую власть, был директором школы, одним из первых председателей сельского Совета. Парторгом колхоза ушел на войну и погиб под Севастополем. И когда коммунисты колхоза не так давно избрали меня парторгом, друзья, поздравляя, говорили: «Это, Казбек, по наследству. Дела отца принимай...» Я понял их слова так: «С тебя особый спрос, Казбек. Имя отца обязывает...» И еще раз вспомнил про поговорку: «Достойно ольгинца».

ВО СЛАВУ НАРОДА

С приветственным словом выступает министр культуры СССР Е. А. Фурцева.

Фото Л. Шерстенникова.

24 февраля в Центральном Доме работников искусств СССР собрались представители общественности столицы, городов-героев, братских республик, деятели культуры и искусства, представители Советской Армии и Флота, чтобы отметить шестидесятилетие со дня рождения и сорокалетие творческой деятельности выдающегося художника современности, Героя Социалистического Труда, народного художника СССР, академика Евгения Викторовича Вучетича.

В президиуме юбилейного вечера — государственные и общественные деятели, маршалы Советского Союза, адмиралы флота, Герои Социалистического Труда, народные художники СССР, писатели, поэты, народные артисты СССР.

Вступительное слово на вечере произнес народный художник СССР, президент Академии художеств Н. В. Томский. Он дал анализ творчества Е. В. Вучетича. Президент академии говорил о чуде, которое свершил скульптор в искусстве, прокладывая новые пути.

Евгений Вучетич творчески осмыслил ленинские указания о монументальной пропаганде. В его руках искусство ваяния стало подлинно народным. Памятники-ансамбли в Трептов-парке и на Мамаевом кургане стали местом паломничества для людей всего мира. Победа... Вот тема будущих монументальных произведений художника. Памятник-ансамбль в Москве в ознаменование победы советского народа в Великой Отечественной войне и монумент, посвященный разгрому гитлеровских армий в битве на Курской дуге. Особое место в творчестве Вучетича занимает работа над образом великого Ленина.

— Творчество Вучетича,— заключает Томский,— это подвиг, это огромный, почти нечеловеческий труд во славу советского народа.

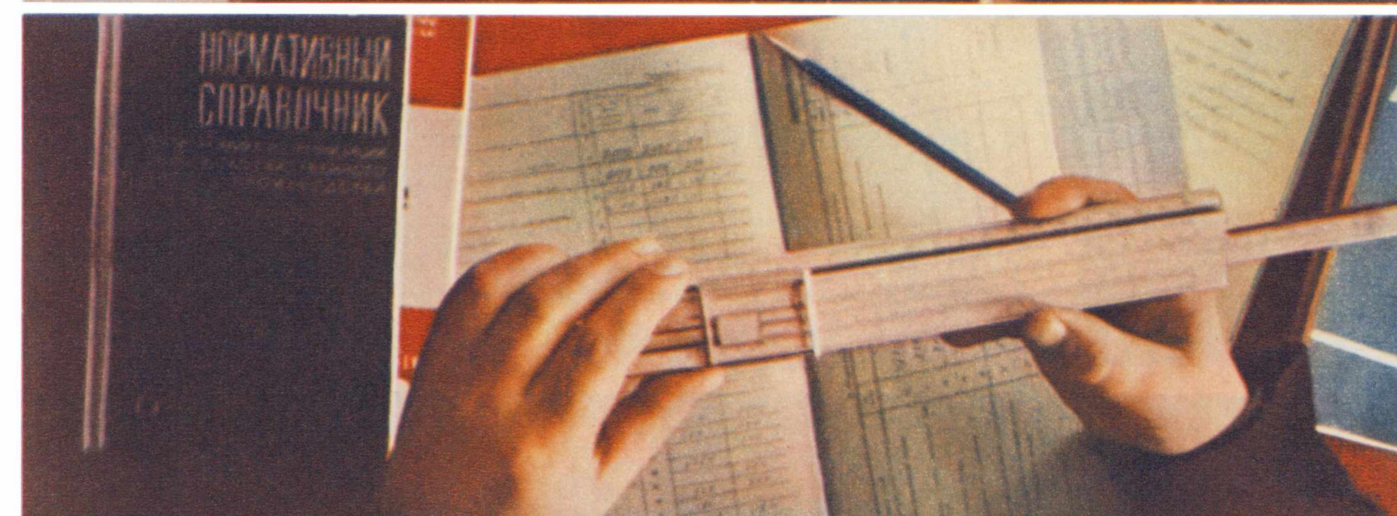
С теплым приветствием выступила министр культуры СССР Е. А. Фурцева, высоко оценившая творчество художника и пожелавшая юбиляру новых творческих свершений.

Далее выступили Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков, народный артист СССР И. С. Козловский, секретарь Советского комитета защиты мира М. И. Котов. Приветственный адрес от Московского городского комитета КПСС зачитал заведующий отделом культуры Ю. Н. Верченко. Слово приветствия от Союза художников СССР и РСФСР произнес народный художник СССР М. К. Аникушин. С адресами и приветствиями выступили представители общественности, творческих союзов республик и другие...

В взволнованном ответном слове Евгений Викторович Вучетич заверил собравшихся, что он отдаст все свои силы служению народу, партии, Родине.

От букваря к логарифмической линейке.

У колхозного Дома культуры.

Фото А. Награльяна.

Бабушка и внучка. Коммунистка Текле Васильевна Маргиева и восьмиклассница Зарина.

Осетинский народный танец — коронный номер самодеятельности ольгинцев.

Лидия БЫКОВЦЕВА

Этим заглавием отнюдь не отрицается факт существования знаменитого вулкана — Фудзиямы. Просто мы, советские специалисты, сопровождавшие выставку в Японии, посвященную жизни и творчеству А. М. Горького, имели свои, отличные от туристских, маршруты, в которые эта главная приманка для иностранцев, эта достопримечательность номер один не входила.

...Япония поражает сразу. Природой и климатом. Многолюдностью. Стремительным уличным движением в городах. Резкими контрастами в архитектурном облике городов, где рядом с современными многоэтажными домамигромадинами соседствуют традиционные японские домики, часто совсем маленькие и хрупкие, как в театральной декорации. Поражает, наконец, высокий темп, учащенный ритм жизни, который неизбежно захватывает вновь прибывшего и требует от него значительного напряжения. Вот пример: нам давалась одна ночь для развертывания экспозиции, насчитывающей 600 экспонатов, различных по материалу, способам его подачи, характеру оформления. Такой жесткий срок, такая спешка объясняется тем, что выставочные помещения в Японии дефицитны, аренда их стоит баснословно дорого и так называемые «рабочие паузы» сокращаются до минимума.

Выставка, посвященная жизни и творчеству А. М. Горького, не первая подобного рода советская выставка в Японии. В 1966 году в Токио и Осаке была организована выставка о Льве Толстом. В 1967 году те же организации, которые пригласили нас,— одна из крупнейших газет Японии, «Иомури», и ассоциация по культурным связям с зарубежными странами — устроили выставку «Строительство социализма в СССР», составленную из материалов Музея Революции и Государственного исторического музея. Это неопровержимые свидетельства растущего интереса к русской культуре, к нашей стране.

В Японии Горького знают. Широко распространен роман «Мать»; только в юбилейном году он переиздан пять раз. Редко можно встретить человека, который не читал бы, не видел в театре или кино самую популярную в Японии русскую пьесу — «На дне».

Известен интерес Горького к Стране восходящего солнца, к японской литературе, искусству. Еще живы и помнят Алексея Максимовича те деятели японской культуры, которые были лично с ним знакомы, с которыми он встречался и переписывался.

«Побывать в Японии...— моя мечта, и хочется, чтобы она осуществилась»,— признавался в одном из писем Горький. Он уже совсем готов был отправиться в далекий путь, хотел приехать в Японию весной, когда зацветает знаменитая японская вишня — сакура. Но только теперь, в столетнюю годовщину со дня рождения писателя, Горький, можно сказать, приехал в Японию. Экспонаты из Музея А. М. Горького, мемориального музея-квартиры и других литературных, исторических и художественных музеев страны, архивов и библиотек были представлены в Японии.

Среди экспонатов выставки были портреты Горького таких мастеров кисти, как И. Репин, М. Нестеров, В. Серов, П. Корин. Документы. Фотографии, запечатлевшие писателя в разные периоды его жизни, показывающие его с В. И. Лениным, а также Ф. Шаляпиным, Л. Толстым, А. Чеховым, Г. Уэллсом, Р. Ролланом, с родными и близкими. Книги из его личной библиотеки с дарственными надписями К. Циолковского, А. Толстого, К. Федина, М. Шолохова, Л. Леонова. Рукописи писателя. Его одежда и личные вещи.

На выставке впервые демонстрировалась рукопись романа «Мать». Более шестидесяти лет считалась она утраченной и только год назад поступила в Архив Горького. И другой — последний автограф писателя: его предсмертная записка, написанная слабеющей рукой, с едва заметными начертаниями букв, сползающими вниз строчками.

Вместе с японскими друзьями был подготовлен специальный раздел выставки «Горький и Япония».

Из личной библиотеки Горького, насчитывающей десять тысяч томов, были отобраны книги японских авторов и книги о Японии. Например, первый том из серии «Библиотека путешествий» — «Путешествие в Японию», 1854 года издания, и прекрасно изданная, с многочисленными иллюстрациями книга о японском театре — свидетельства интереса писателя к стране, его подготовки к предполагаемой встрече с ней. И еще: В. Астон «История японской литературы», Владивосток, 1904 год. Арестованный в 1905 году за участие в революционной деятельности и осужденный на заключение в Петропавловской крепости, Горький взял с собой в страшную камеру Трубецкого бастиона небольшую связку книг. Среди них была и эта.

Из книг японских авторов, хранящихся в личной библиотеке Горького, экспонировались те, которые и сегодня близки японскому читателю: Арисима Такэо — «История одной женщины», Нацумэ Сосэки — «Сердце», Симадзаки Тосон — «Нарушенный завет», Оното Ватама — «Японский соловей», Токунага Сунао — «Улица без солнца», а также рассказ широко популярного в Японии писателя Кобаяси Такидзи «Краболовная фактория» с многочисленными пометками Горького — следами его внимательного, заинтересованного чтения.

На выставке были представлены экземпляры коллекции миниатюрной скульптуры из слоновой кости японской работы, которую Горький собирал почти сорок лет, которую очень любил и с которой никогда не расставался.

Японские друзья представили экспонаты, которые говорили о широком распространении произведений писателя в Японии, о популярности его пьес на сценах японских театров. Эти материалы, как и беседа с посетившим выставку известным режиссером Мураямой, который неоднократно осуществлял постановку пьес Горького, показывали, что и сегодня для японских зрителей первым русским драматургом остается Горький.

В Токио, где выставочное помещение предоставляло много возможностей для художников-оформителей, был построен большой макет японской постановки «На дне». И радио разносило по залам тихую мелодию песни «Солнце всходит и заходит...».

Насколько популярно «На дне», можно судить и по тому, что в столице Японии выпускают спички с этикеткой-зарисовкой мизансцены из этой пьесы. Есть кабачок «На дне». В нем всегда много народа. Хозяин преуспевает. На видном месте он вывесил большой лист бумаги, на котором расписались актеры МХАТа еще в свой первый приезд в Японию в 1958 году. Когда мы вошли туда и с трудом втиснулись за столик, посетители под аккордеон пели: «Забота у нас простая, забота наша такая — жила бы страна родная, и нету других забот!» Одетые в косоворотки официанты разносили очень вкусное пиво «Асахи». На закуску к нему подавали сушеную каракатицу.

В Японии русские песни знают и любят. Не раз в самых неожиданных местах нам случалось услышать ту или иную знакомую мелодию. «Подмосковные вечера» в своеобразной аранжировке исполнял оркестр в ресторане одной из фешенебельных европейских гостиниц Токио — «Империал». «Подмосковные вечера» вслед за итальянской «О мое солнце» и песнями Эдит Пиаф звучали на смотровой площадке токийской телевизионной башни, где посетители не только любуются панорамой города, но и где слух их услаждают самыми популярными и любимыми во всем мире песнями.

На выставке среди материалов, представленных японской стороной, мы и для себя увидели нечто новое. Разнообразные издания книг Горького, театральные материалы, неопубликованное письмо Горького к военному атташе Японии в Германии Андо 1923 года и, наконец, рукопись статьи «Терремото», написанной Горьким в июле 1930 года, которая у нас в Союзе представлена фотокопией.

История этого автографа такова: в ночь с 22 на 23 июля 1930 года в Италии произошло страшное землетрясение. Несколько городов было разрушено, тысячи людей погибли, около миллиона осталось без крова. Горький, находившийся в Сорренто, горячо откликнулся на несчастье итальянцев. Его сын М. А. Пешков по поручению отца несколько раз ездил на место катастрофы, отвозил пострадавшим продукты, одеяла, одежду. Трагическое событие и было отражено в «Терремото».

Японский переводчик и критик

Исида Кёдзи, который встречался и переписывался с Горьким, узнал о катастрофе и, тревожась за Алексея Максимовича, жившего неподалеку от района землетрясения, послал ему взволнованное письмо.

В благодарность за сердечную заботу Горький послал Исида Кёдзи рукопись статьи «Терремото». Статья была опубликована в журнале «Кайдзо» № 1 за 1931 год с сообщением от редакции: «Великий писатель мира Горький прислал из Сорренто рукопись рассказа «Терремото», в котором с непревзойденным искусством переданы все оттенки того чувства страха, которое так хорошо известно нам, испытавшим ужасы землетрясения».

Исида Кёдзи почти сорок лет бережно хранил автограф Горького. Теперь он представил его для всеобщего обозрения. Почтенного возраста, но живой, подвижный человек, он не раз приходил на выставку, приводил своих сыновей, дочь, зятя. И наконец он решил передать Советскому Союзу рукопись «Терремото» — самое драгоценное, что у него было.

Приходили и другие люди, с которыми Горький встречался и переписывался. Пришел литератор Курода Отокити, чье письмо к Горькому мы привезли из Москвы. Среди экспонатов была и фотография пятилетней девочки — его дочери, которая гостила в доме Горького, играла с внучками писателя. Алексей Максимович хранил эту фотографию, сделал надпись на ней: «Курода-сан». И вот на выставке «Курода-сан» — госпожа Курода стояла рядом со своим детским изображением. У нее такие же, как и на фото, лучистые глаза и открытая, обаятельная улыбка. Ее зовут Дзюнко, что значит «чистота», и это поэтичное имя очень подходит к ней.

Посетил выставку другой Курода — однофамилец первого. Он никогда не видел Горького, но навсегда связал с ним свою судьбу. Курода Тацуо — доктор филологических наук, профессор известного университета Васэда, видный специалист в области изучения русской литературы и, в частности, творчества Горького.

Маленькая, седая женщина в темном кимоно долго и внимательно, стенд за стендом осматривала экспозицию. Это была известная переводчица Ёсико Юаса, которая в 1928 году вместе со своей подругой — писательницей Миямото Юрико была в Советском Союзе, встречалась с Алексеем Максимовичем. Она принесла свою последнюю работу — перевод повести Горького «Детство». И написала отзыв: «Эта выставка произвела на меня сильное впечатление. Особенно ее последний экспонат — предсмертная записка. Думаю, она хорошо свидетельствует о его — Горького — постоянном стремлении проявлять свои возможности человека».

Работа выставки в Токио совпала с гастролями МХАТа. Еще до приезда труппы возле увешанного афишами и фотографиями советских актеров театра «Нисэй», одного из лучших театральных помещений города, стояли желающие заблаговременно купить билет.

Приезд МХАТа стал действительно крупным событием в японской культурной жизни. На спектаклях «Ревизор», «Три сестры», «Кремлевские куранты», «На дне» мы переживали счастливые минуты радости и гордости, видя неизменный успех наших соотечественников. И праздничным днем в работе выставки стал тот день, когда в «гости к Горькому» пришли мхатовцы...

В Токио выставка А. М. Горького функционировала дольше, чем в последующих местах,— двадцать дней и размещалась в универмаге «Сэйбу». Литературно-художественная выставка в универмаге?! Пусть это не покажется странным. На верхних этажах больших японских универмагов обычно размещены демонстрационные и выставочные помещения, лекционные и кинозалы. Установка для кондиционированного воздуха, освещение, соблюдение условий сохранности позволяют размещать здесь самые ценные экспонаты.

Мы провели опрос посетителей. Анкеты показали, что большинство наших гостей — студенты, учащиеся старших классов, преподаватели, люди интеллектуального труда. Но немало оказалось среди них и тех, кто называл себя: «рабочий», «служащий», «домохозяйка».

Любопытная особенность: на выставку часто приходили с детьми. Детей берут в музеи, театры. И дети, даже самые маленькие, терпеливо, спокойно ведут себя в общественных местах, никому не мешают, не надоедают.

После Токио выставка Горького работала в Сэндае, Хиросиме, Кумамото. Но побывать нам пришлось еще во многих японских городах: Иокогаме, Исиномаках, Осаке, Киото, Наре, Кокуре...

* * *

В Японии города стоят так плотно, что не всегда заметишь переход одного в другой, например, Иокогамы в Токио или Осаки в Кобе и Киото. Кажется, нет и клочка годной земли, на котором бы не стояли дома, не был посеян рис или разведен огород. Рисовые поля террасами поднимаются по склонам гор, и часто земля там наносная.

Собственного риса, который и сейчас остается основным продуктом питания, Японии хватает только при условии хорошего урожая. Чтобы его получать, нужен труд, терпеливый, тяжелый, упорный. Необыкновенно тщательно, можно сказать, ювелирно, и на всех этапах — от посева до жатвы,— как правило, вручную, обрабатывают японские рисоводы плантации. Их согбенные фигуры можно видеть там с раннего утра до глубоких сумерек, почти до полной темноты.

На автомобильном заводе Мацоа в Хиросиме — современном предприятии с высокой технической оснащенностью — человек, казалось, затрачивает не так уж много мускульной энергии. Третья после «Тоёты» и «Ниссан» автомобильная компания в Японии, Мацоа, производит машины для массового потребителя. Завод также славится предельной рационализацией производства и тщательно продуманной организацией труда. Здесь сравнительно с другими заводами страны более высокая заработная плата.

Двадцать восемь тысяч рабочих. Громадная территория, растянувшаяся на километры вдоль побережья залива. Целый город, с новыми цехами, лабораториями, испытательными треками, столовыми, общежитиями. В цехах образцовый порядок. Мало народа. Чисто. Каждые две минуты с конвейера сходит автомашина.

Двадцать шесть тысяч операций требуется для производства такой машины. Идешь вдоль ленты конвейера длиной в километр и видишь, какой высокий темп здесь задан, как напряженно работают люди. Это гонка, работа без роздыха, от которой нельзя отвести глаза, нельзя сделать лишнее или неверное движение. Быстрота и автоматизация выматывают человека совершенно, это работа на износ.

В Японии вообще работают много. Нередко сверхурочно. Ведь заработки небольшие, а плата за жилье непомерно высока и поглощает значительную их часть. Квартиры снимают далеко от центра, на окраинах, в пригородах, где они стоят дешевле. У многих дорога на работу только в один конец отнимает до двух часов. Люди устают. Поэтому там так ценят минуты, даже мгновения отдыха, когда можно расслабить уставшие мускулы, чуть сберечь или восстановить силы.

В обеденный перерыв, съев скромную порцию «гохана» — риса или — «мисосиру» — супа, человек здесь же, в кафе или закусочной, откидывается на спинку стула, закрывает глаза, отдыхает. Людей освежают несколько минут отдыха на скамейке в сквере или на траве в парке. Минуты отдыха ловят буквально на ходу, в метро, электричке, трамвае. Конечно, не в часы «пик», когда не то что сесть, но и стать негде, и молодые, здоровые ребята особой профессии, так называемые «толкачи», заталкивают пассажиров в вагоны, чтобы они не свалились под колеса.

По вечерам, когда большинство народа уже разъехалось по домам, в полупустых вагонах метро или электрички нередко можно увидеть лежащего на скамейке пассажира. Он снял обувь и аккуратно поставил рядом. Он отдыхает, даже дремлет. На нужной остановке он проворно встает, сует ноги в туфли и выходит. И это никого не удивляет, никто не обращает на него внимания.

Так же ценятся и минуты физкультуры, повышающие работоспособность, поддерживающие внешнюю форму и жизненный тонус. Ранним утром и в дневные часы на крыши домов выходят служащие контор, банков, учреждений. Они снимают пиджаки, ослабляют узел галстука и делают короткую зарядку.

Возможности отдыха и спорта на природе ценятся как высшее благо.

Любовь к природе прививается и воспитывается с детства. Школьники проводят много учебных часов в общении с природой. За городом, в парке или зоологическом саду они прилежно рисуют с натуры, рассматривают растения, листья, былинки, кормят рыб, птиц, животных. Так практически изучается география, ботаника, зоология, приобретается умение видеть красоту окружающей человека среды.

Сколько любви, старания и вкуса вкладывают поколения людей в традиционные японские садики с их прудами, островками, мостиками, укромными зелеными уголками, которые есть в каждом городе! И человек, у которого есть клочок земли, стремится украсить его деревцом, кустиком или цветком. Как бережно «бинтуют» стволы слабых деревьев, тщательно окапывают, опрыскивают, подрезают их! Даже пни не портят своим унылым видом пейзаж парков или скверов. Их умело используют как подставки, на которые помещают ящики с цветами или вьющимися растениями, каскадами спускающимися вниз.

Характерная особенность Японии, которая сразу бросается в глаза,— это огромное количество экскурсантов. Они в разных направлениях бороздят страну, охваченные любознательностью и стремлением увидеть свою родину, знать ее историю, культуру. Это стремление поддерживается и поощряется школами, университетами, муниципальными органами.

И школьников, и студентов, и взрослых, даже очень пожилых экскурсантов особенно много в Наре и Киото — двух бывших древних столицах Японии.

Нара и Киото — города-музеи. Их храмы, дворцы, пагоды, парки — самые знаменитые исторические памятники. Толпы людей нескончаемым потоком движутся через храм «Тодайдзи» в Наре, построенный в VIII веке. Входя в одно из главных и самых больших храмовых строений — «Дайбуцудэн», они становятся как будто меньше ростом рядом с громадной черной бронзовой статуей Будды, который считается самым большим в мире. Высота ее — 16 метров, длина глаза — 1 метр 20 сантиметров, каждый завиток сложной прически больше головы человека. Вес статуи — 500 тонн. Говорят, если бы Будда вдруг встал, распрямился и пошел шагами, соответствующими его росту, он смог бы дойти до Токио за семь часов.

В Киото любителей национальной японской живописи привлекает Музей искусства. В нем нет постоянной экспозиции, а периодически устраиваются выставки. Нам посчастливилось попасть на выставку известного художника XIX века Андо Хиросигэ. Его великолепные цветные гравюры открывают целый мир.

Впервые было собрано и показано людям почти все, что создал художник за свою долгую жизнь,— колоссальное наследие, заполнившее несколько залов. Серии «69 видов Кисокайдо», «8 видов озера Оми», гравюры с пейзажами, жанровыми сценками, изображениями птиц, рыб, растений, цветов представили многообразную и драматическую жизнь японского народа.

У киоска, где продавались репродукции с широко известных гравюр Хиросигэ, была невероятная толчея. Многие хотели унести с собой на память образец подлинного, высокого искусства. А вот на выставке современной скульптуры, что расположилась напротив Музея искусства в сквере под открытым небом, людей почти не было. Действительно, человек с нормальной психикой здесь вряд ли мог надолго задержаться. Трудно понять и принять как художественное произведение, например, камень с нарисованным громадным глазом, или кусок помятого и сплющенного железа, или нагромождение металлических квадратов, выкрашенных голубой и желтой краской, названное «Птица позвала меня».

Поразительно, как в Японии умеют расширять туристские маршруты, пополнять их новыми объектами, «делать» достопримечательности.

Курортное место Унзэн на юге страны известно не только своей роскошной природой и целебными ваннами, но и так называемой «Дорогой в ад». Горячие серные источники здесь используются в лечебных целях и служат забавной, остроумной выдумке предприимчивых людей.

На окраине городка, среди громадных каменных валунов, выведены трубы разного диаметра и высоты, через которые из-под земли выбивается пар и горячая вода. То тоненькие струйки, то плотные, непроницаемые клубы пара, то ручейки, то целые озера почти кипящей, пузырящейся воды. И среди этого причудливого, хаотического нагромождения камней, воды и пара проложена неширокая асфальтированная дорога. В каких-то местах ее всю заволакивает пар, преграждает вода. Слышится смех, вскрикивания наиболее впечатлительных экскурсантов. Затем — оазисы для отдыха, участки густо растущих деревьев. В их тени можно прийти в себя от пережитых страхов и опять продолжить путь по «Дороге в ад»...

Совершенно исключительное место, обладающее огромной силой притяжения и воздействия, место паломничества сотен тысяч людей — Хиросима.

Заново построенный город. Восставший из пепла. Но и сегодня в нем камни вопиют о самом страшном злодеянии, какое когда-либо совершалось на земле. Оплавившиеся, искрошенные камни так называемого «Атомного дома» — единственного частично уцелевшего здания, сохраненного как вечная память. И камень, на котором осталась лишь тень от человека, сидящего на ступенях дома в то ясное летнее утро 6 августа 1945 года, когда взорвавшаяся атомная бомба затмила солнце.

На месте бывшей главной площади города — эпицентра взрыва — мемориальный Парк мира. В нем, как и во всех парках на земле, бегают, смеются, играют дети. Живому живое... А вот посетители, которые приходят сюда, чтобы отдать день жертвам атомной бомбардировки, чувствуют себя потрясенными. В скорб-

ном молчании стоят у обвешанного гирляндами бумажных журавликов Памятника погибшим детям. Приносят венки, букеты, цветы к центральному памятнику, где под каменной плитой — книга с именами жертв. Их число продолжает расти. В Атомном госпитале Хиросимы и сегодня от облучения умирают люди. Зараженность радиацией выявляется у последующих поколений.

Страшное впечатление производит мемориальный Музей мира. Ржавые, с искривленными стрелками часы, отметившие роковое время — 8 часов 15 минут. Изменившиеся, невероятной формы бутылки, расплавившиеся пиалы, черный рис. Спаявшиеся кости, изъязвленные куски человеческой кожи в банках со спиртом, жуткие останки того, что когда-то было жизнью.

В Нагасаки, пережившем через три дня после Хиросимы ужас атомной катастрофы, тоже есть Музей атомной бомбы и Парк мира — место паломничества людей. Они собираются у памятника — грандиозной человеческой фигуры, высеченной из гранита. Человек сидит в традиционной позе Будды. Его правая рука поднята вверх и как бы предупреждает об угрозе атомной войны. Левая, вытянутая на уровне плеча, ладонью вниз, символизирует мир, покой, жизнь.

Здесь, как и в Хиросиме, миллионы простых людей Японии устраивают митинги, проводят демонстрации — клянутся вести решительную борьбу за запрещение ядерного оружия, за мир на земле.

* * *

Друзья у нас появлялись в каждом городе. Многие из них бывали в СССР и увезли с собой из нашей страны добрые воспоминания. Советским людям, которые приезжают в Японию, они со своей стороны хотят оказать гостеприимство, проявить внимание, выразить дружеские чувства. Немало среди наших друзей было активных членов Общества японо-советской дружбы. Они очень много делают для взаимопонимания между японским и советским народами, для установления добрососедских отношений, для укрепления мира на земле.

Особым путем пришли в это общество госпожа Уцусигава Каёко и ее муж — врач, доктор медицинских наук Уцусигава Дзиро. Два года назад они потеряли единственную дочь. Семнадцатилетняя Томойо умерла внезапно от болезни, перед которой медицина бессильна. Она заканчивала полную среднюю школу и готовилась ехать в Советский Союз, чтобы поступить учиться в Университет имени Лумумбы. В течение последних лет Томойо самостоятельно изучала русский язык, читала все, что могла достать о нашей стране, принимала участие в работе Общества японо-советской дружбы. Сначала отец и мать противились решению дочери ехать в далекую и незнакомую страну. Но Томойо была непреклонна. Совсем немного времени отделяло ее от осуществления мечты...

Супруги Уцусигава решили поехать в СССР, чтобы познакомиться со страной, которую так и не пришлось увидеть их дочери. Видимо, многое перечувствовали, передумали они во время своей поездки.

«...Нам кажется, что хоть немножко мы делаем для того, к чему она стремилась,— для укрепления дружбы между Японией и СССР, для укрепления мира во всем мире,— написала потом госпожа Уцусигава в журнале «Советская женщина».— Я понимаю теперь, почему Томойо так хотела поехать в Советский Союз, в вашу страну...»

Последним городом, где размещалась выставка А. М. Горького, был Кумамото на Кюсю.

Шесть минут по туннелю Камон, проложенному на дне пролива,— и с центрального острова Японии мы переезжаем на самый южный. Трудно поверить, какая толща воды над нами! Лишь немного сильнее ощущается быстрый ход поезда, зажатого стенками туннеля, да слегка закладывает уши. Кюсю поражает красотой и богатством природы. Раньше это был сельскохозяйственный район. Теперь на Кюсю стремительно развивается промышленность — машиностроительная и металлообрабатывающая, судостроительная, химическая. Заливы Омура и Ариакэ знамениты своими громадными плантациями жемчуга, который составляет немалую статью японского экспорта. Здесь несколько известных университетов, научных медицинских центров.

На Кюсю советские люди — чрезвычайно редкие и вместе с тем желанные гости. Здесь никогда не устраивались выставки, подобные горьковской в Кумамото. На ее долю выпал большой успех.

В день открытия экспозиции люди с утра стояли в очереди, чтобы купить билет и попасть на выставку. Радушные и приветливые жители Кумамото и окрестных мест проявляли настоящий, искренний интерес к русской культуре, к нашей советской действительности, о которых они знают еще немного, но хотят знать больше.

Здесь посетители задавали самые разнообразные вопросы не только о Горьком и советской литературе, но и о положении женщины в СССР, о достижениях медицинской науки, о космических полетах...

В выставочных анкетах зафиксированы многочисленные отзывы и впечатления посетителей. Вот, например, запись, которую оставила 17-летняя школьница: «До сих пор я не очень хорошо знала Горького и его произведения... Эта выставка вызвала во мне интерес к Горькому». Сорокалетняя домохозяйка дает очень высокую оценку выставки А. М. Горького. «Меня очень тронул этот великий писатель, который увидел в жизни несправедливое и плохое и активно действовал против этого... Горький чувствовал боль другого, как свою... Передо мной предстала личность Горького, Горького — человека...»

В Кумамото выставка функционировала неделю. Но закончить ее в назначенный час, на седьмой день, не удалось. Люди все шли, и нельзя было закрыть перед ними дверь.

Последнему посетителю было решено вручить сувенир — портрет Юрия Гагарина. Этот портрет вместе с автографом первого в мире космонавта, в котором он называет Горького одним из самых любимых своих писателей, завершал экспозицию, свидетельствуя о непреходящей ценности книг Горького, о завоевании им новых читателей — людей сегодняшнего дня.

Последним гостем оказался студент коммерческого факультета Кумамотского университета Ямакути. Желая чем-то отблагодарить за подарок, он вынул из портфеля лист белой бумаги и быстро, искусно сделал из него птицу — голубя. Мы приняли этот простой подарок как символ дружбы и мира.

Опять ночь напряженной работы: демонтаж и упаковка экспонатов. И выставка, погруженная в специальные автомашины с изображением черной кошки на кузове — эмблемой известной упаковочно-транспортной компании «Ямата»,— в сопровождении полицейского эскорта отправилась в Токио, чтобы оттуда через несколько дней отбыть домой — в Москву.

...Последнее впечатление. Фудзияма. Мы все-таки увидели ее перед отъездом. Даже поэты, ее воспевшие, даже художники, в том числе и Хокусай в своей знаменитой серии «36 видов Фудзиямы», не могут передать всей ее поразительной, чарующей красоты.

Трудно было отвести от нее глаза. Под лучами солнца снег на вершине казался розовым. Величественный силуэт со срезанным конусом как бы медленно поворачивался, меняя свои очертания, и наконец растаял.

На выставке А. М. Горького в Японии.

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото Д. УХТОМСКОГО.

Доктор технических наук, профессор В. М. Шляндин.

Кто в выигрыше? И наука и промышленность

ПРОФЕССОР В. М. ШЛЯНДИН УТВЕРЖДАЕТ: целиком оправдал себя метод подготовки инженеров по такой схеме: курсовой проект — выбор проблемы, дипломный проект — изготовление опытного образца прибора, кандидатская диссертация — внедрение его в серийное производство.

Представьте пульт управления электростанции, химического или металлургического завода. Вокруг приборы-самописцы с лентами, со стрелками. Случается, они застревают и ставят кляксы, стрелки дрожат, а точность их показаний зависит и от того, с какой стороны на них посмотришь: справа — против стрелки — одно деление, слева — другое.

Ну, а если установить приборы, имеющие только цифры, без стрелок, вроде часов на станциях метро и некоторых вокзалах. Точность — высокая, надежность — тоже, и, главное, полученные данные без всякой обработки можно запускать в счетные машины.

— Всевозможных цифровых измерительных приборов мы изготовили немало. Некоторые сейчас даже серийно выпускаются на заводах,— говорит доктор технических наук, заведующий кафедрой информационно-измерительной техники Пензенского политехнического института профессор Виктор Михайлович Шляндин.

На первый взгляд может показаться странным, что в высшем учебном заведении разрабатывают конструкции сложнейших приборов. Ведь основная задача вуза — обучение, и заведующий кафедрой больше всего должен думать о качестве лекций, своевременном приеме зачетов и экзаменов, а профессор В. М. Шляндин порой занимается заключением договоров с заводами.

— Но это, разумеется, не в ущерб учебному процессу,— замечает Виктор Михайлович.— Меня всегда волновали не только оценки на экзаменах, но и способность студента мыслить самостоятельно, если хотите, профессионально, настолько, чтобы еще в институте создавать свои, оригинальные работы. И вот для того, чтобы помочь студентам проявить себя в настоящей научно-исследовательской работе, пять лет назад у нас было организовано студенческое конструкторское бюро. Принцип работы такой: заключаем хоздоговор на выполнение того или иного заказа с министерством или непосредственно с заводами. Темы выбираем наиболее важные, предпочитая исследовательские, поисковые... В прошлом году, например, выполнили таких работ на 220 тысяч рублей. Деньги идут на оснащение лаборатории, на приобретение аппаратуры, инструмента и поощрение студентов. Наиболее способных оформляем на полставки лаборанта, при этом они не теряют и права на стипендию,— наглядное проявление новой системы планирования и материального стимулирования в вузовских условиях. Сейчас эти полставки получают пятнадцать человек. Мы даже на практику никуда не отправляем: в КБ всегда много работы, по-настоящему интересной, перспективной.

Чтобы убедиться в этом, достаточно пройтись по институтской технической выставке,— здесь выставлены работы студентов всех кафедр. Вот, например, универсальный цифровой измерительный прибор, изготовленный А. Рыжевским. На Всесоюзном конкурсе студенческих научно-исследовательских работ он был отмечен золотой медалью. Рядом — серийный вариант этого прибора, выпущенный Львовским заводом электроизмерительных приборов.

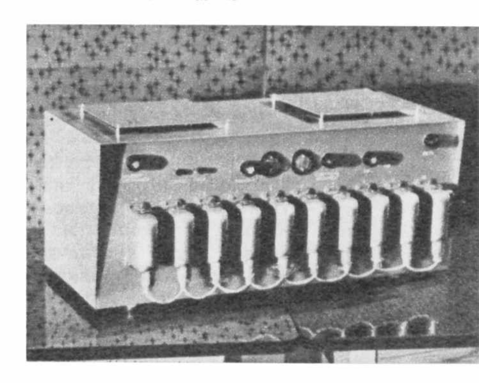
Мне не раз приходилось бывать на заводах, выпускающих радиоприемники и счетные машины, и я видел, каково приходится сотрудникам отдела технического контроля. Включит контролер машину, а она не работает. В чем дело, где поломка? Возвращают машину в цех, ищут неисправность... А вот если проверять те же аппараты с помощью прибора автоматического контроля, разработанного преподавателем А. И. Мартяшиным и студентами Г. Чернецовым и Г. Митяковым, то в течение считанных минут можно установить не только место, но и характер поломки. На Пензенском заводе вычислительных электронных машин давно пользуются этим прибором и даже выпускают его серийно.

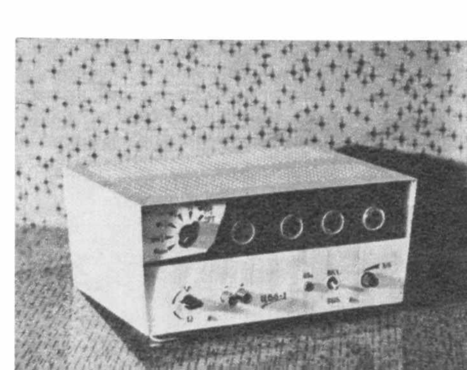
Очень интересный прибор сконструировали К. Сафронова, А. Севущин и А. Гудин. Следящий аналогоцифровой преобразователь предназначен для обработки результатов сейсмической разведки нефти. До сих пор данные сейсмического взрыва наносились самописцами на бумажную ленту. Бывали при этом и искажения, да и обработка ленты требовала немалого времени. Теперь результаты взрыва сразу «преобразуются» в цифры и запускаются в счетную машину, которая делает окончательный вывод о наличии нефти.

...Что дает такой метод подготовки специалистов? Не отвлекает ли студентов узкотематическая исследовательская работа от более широких проблем?

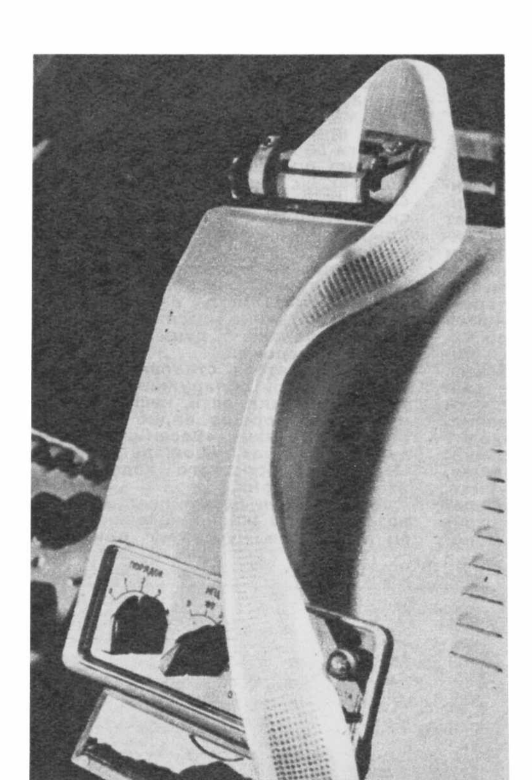
— Во-первых, мы всегда помним о нашей главной задаче — повышении качества подготовки специалистов,— отвечает В. М. Шляндин.— Поэтому выполнение заказов для промышленности не самоцель, а лишь средство повышения знаний и практических навыков будущих специалистов, которые еще на вузовской скамье нацеливаются: вот они, рубежи технического прогресса! Во-вторых, за время работы в КБ студент осваивает несколько рабочих и технических профессий. Ведь он не только разрабатывает схему, но и с паяльником в руках воплощает ее в изделие. Приходит такой специалист на завод, ему не нужно начинать с нуля. Теперь дипломники представляют не только чертежи, но и изготовленные по ним приборы... Такой метод подготовки специалистов более рационален. Поэтому меня не удивляет, что наши выпускники очень быстро становятся начальниками лабораторий, главными инженерами и даже директорами заводов. Ну, а те, кто интересуется чисто исследовательской деятельностью, поступают в аспирантуру и потом защищают диссертации. Мне кажется, что за последние годы целиком оправдал себя метод подготовки инженеров по такой схеме: курсовой проект — выбор проблемы, дипломный проект — изготовление опытного образца прибора, кандидатская диссертация — внедрение его в серийное производство. Когда студент проходит такой путь, то выигрывает и наука и промышленность.

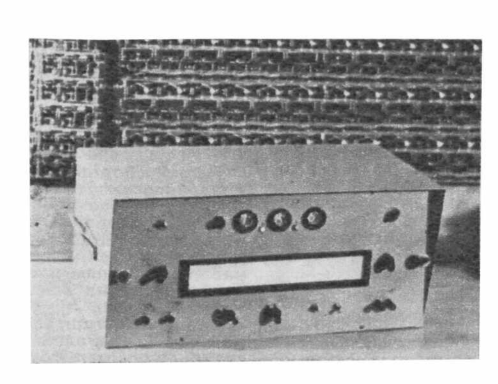
Приборы, сконструированные и собранные студентами-политехниками.

Пример творческого содружества: студенты Ю. Борисов (справа) и К. Уланов, инженер Л. Гарин обсуждают конструкцию прибора, разработанного по заказу обнинского института.

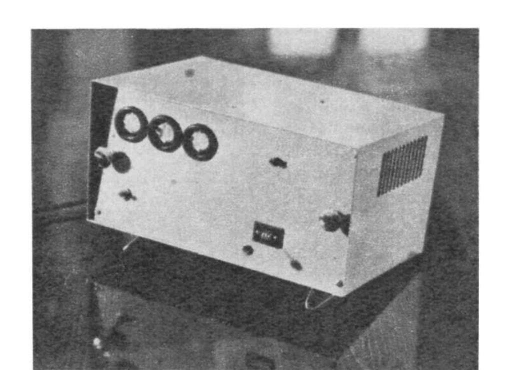

Схема разработана, прибор собран, но ассистент кафедры К. В. Сафронова снова и снова испытывает его в лаборатории.

Валентин СИДОРОВ

Светлый день

* * *

Запели за столом славяне,
Речам отдавши дань сполна,
И задрожали, как в тумане,
Полузнакомые слова.

И что-то давнее напомнил
Припева звонкий перелив,
И то, что сразу я не понял,
Протяжный прояснил мотив.

И думалось мне в ту минуту:
«Какая ложь и бред какой —
Все то, что в оно время круто
Нас разобщало меж собой!»

И песня в тихий час заката
Звучала в предвечерней мгле
С таким же плавным перекатом,
Как в Ярославле иль в Орле.

И то, что скрыто за словами,
Угадывалось наперед...
И пели вновь и вновь славяне,
И был не нужен перевод.

* * *

О, бескорыстие России,
Незамутненный твой родник!
И вновь страдания чужие
Неотделимы от своих.

И снова все тревоги мира
В твоей судьбе скрестились, Русь,
И, не творя себе кумира,
Я снова у тебя учусь,
В урочный час спокойно встретив
Грозу, сквозящую в дыму,
Не уповая на бессмертье,
Ему служить лишь одному.

* * *

Мы снова возвращаем имена
И городам и задымленным весям,
И снова обретают времена
Утраченное в грозах равновесье.

И неподвижны тени облаков
Над неподвижно-тихим
Городищем.
И отдаленный перезвон веков
В моей душе все явственней и
чище.

И я шепчу, не в силах отвести
Глаза от синей высоты курганов:
— Прости, земля российская,
прости
Своих родства не помнящих
Иванов!

* * *

Разрезав надвое кустарник,
Слегка поблекнув от жары,
Колеблет медленно татарник
Свои колючие шары.

С неукротимою отвагой
Над порыжевшею травой,
Над рыхлой кромкою оврага
Он изогнулся тетивой.

Ах, боже мой, какая малость! —
Кривая тень. Сухой репей.
Но это все, что нам осталось
От дикой вольности степей.

* * *

Хоть раз в году, но надо, надо
Отбросить все дела свои.
Да осенит тебя прохлада!
Да оглушат тебя ручьи!

И вновь стремительно и слепо
Над полем мечутся стрижи,
И снова небо, небо, небо
Да светлая полоска ржи.

Пусть тает день белесым дымом,
Пусть повторяюсь я опять,
Но это так необходимо,
Что трудно словом передать.

* * *

Я устаю от наших расставаний,
Наполовину выдуманных мной.
Замкнулась цепь моих
воспоминаний
Лишь на тебе, лишь на тебе одной.

Тобой, тобой осенними ночами
В часы разлуки дышит каждый
стих,
И мне печально от твоих печалей,
И мне тревожно от тревог твоих...

* * *

Мы в тишину врезаемся с разбега.
Теснимый лесом, гаснет узкий путь.
Оцепененье голубого снега
С твоих волос так просто
не стряхнуть.

И все вокруг замедленно и тихо,
Не тронут следом жесткий,
снежный наст.
И лишь галчиха, грузная галчиха
С неодобреньем косится на нас.

* * *

Уже становится историей
Любви тревожное начало.
В те дни была консерватория
Для нас единственным причалом.

Ах, боже мой, с какой готовностью
Она распахивала двери,
Когда, гонимые бездомностью,
Мы проникались к ней доверьем.

Афиши с буквами застывшими
Мы в сотый раз с тобой читали.
Мы в коридоре под афишами
Толпу и шум пережидали.

Толпа текла тропой изученной
И в отдаленье замирала.
И глохли в стенах обеззвученных
Сонаты, фуги и хоралы.

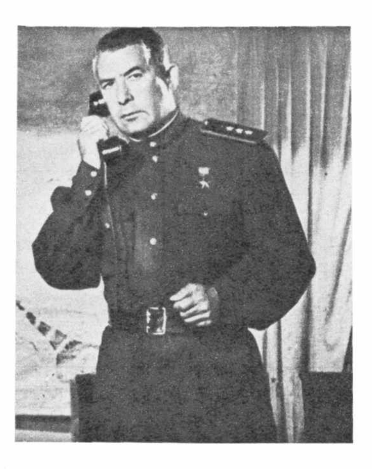
За окнами машины шаркали,
Снег мутной пеленою реял.
А здесь опять волною жаркою
Нас обдавали батареи.

Ты на стекле чертила рожицы,
И длилась вечность наша вахта,
И можно было не тревожиться
Еще минуту до антракта.

* * *

Лукавить я себя не заставляю.
Благословляю и добро и зло,
Все то, что было, я благословляю,
Все то, что нас друг к другу
привело.

И тайным светом ныне обозначен
Мой каждый шаг и каждый
перевал...
Неужто я роптал на неудачи
И вообще на что-нибудь роптал?

ПОДВИГ МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЯ

Он вдумчив, нетороплив. Умные, с хитринкой глаза. Добродушная улыбка. Но порой он суров, и тогда не мягко, убеждающе, а непреклонно, с волевыми, металлическими нотками звучит голос... Таким предстает перед нами генерал Сабир Рахимов в исполнении артиста З. Мухамеджанова в новом фильме узбекских кинематографистов.

Фильм так и называется: «Генерал Рахимов». Фильм — о подвиге генерала, который не закрывает своим телом амбразуру дзота, не бросается со связкой гранат под вражеский танк, не таранит фашистский самолет. Его подвиг — вся его трудная, повседневная боевая жизнь. Этот подвиг — в раскрытии замыслов врага. В умелом направлении действий командиров и бойцов, осуществляющих волю советского командования.

Генерал Рахимов предложил свой план штурма прусского города, где враг сосредоточил мощные силы. Подходы сюда труднодоступны... К решению сугубо профессиональных военных проблем привлекают авторы внимание зрителей! И мы убеждаемся в правоте Рахимова, его стратегических, тактических замыслов. Они оказались умнее, глубже, чем планы и действия его противника, гитлеровского генерала Фрике (играет В. Стржельчик).

Итак, образ и подвиг военачальника. Такова интересная тема, которую решают сценаристы К. Яшен, И. Луковский и З. Сабитов, режиссер З. Сабитов. Они вносят в киноэпопею о Великой Отечественной войне свою немаловажную лепту.

Мих. БЕЛЯВСКИЙ

НЕ ТОЛЬКО О ПРОШЛОМ

Николай Равич известен читателю как мастер литературного портрета. В новой книге он опять демонстрирует умение несколькими штрихами рисовать образы людей. На страницах воспоминаний мы увидим многих друзей писателя: З. А. Абсалямова, П. И. Берзина, И. А. Залкинда, М. Е. Кольцова, Ш. Элиаву, найдем меткие характеристики врагов. А с ними в те годы приходилось встречаться чаще.

Книга убедительно свидетельствует о том, что, установив дипломатические отношения с Советской

МИР ГЕРОЕВ — МИР СОВРЕМЕННИКОВ

Новый сборник рассказов ленинградского писателя Сергея Воронина «Роман без любви» подкупает читателя доверительной интонацией авторского повествования. И чем дальше длится беседа с умным и наблюдательным рассказчиком, тем становится она все более интересной. Тонкость и безошибочность наблюдений, тщательный отбор характерных деталей украшают писательскую палитру С. Воронина.

Сергей Воронин — поистине современный художник слова. Радости века, его тревоги и противоречия, сомнения и надежды — все находит в его произведениях чуткий отзвук. Он горячий патриот своей Родины, ее верный гражданин, коммунист, думающий и тревожащийся о судьбах людей. Он любит духовно стойких героев. Он пишет о них с пониманием всей сложности жизни и характеров. Ему ненавистны жестокость, ложь, разрушительство. Он за любовь, которой чужда беспринципность, он за красоту в душе человека, в искусстве, в природе.

Сложные мысли вызывает мягкий по тону и острый по идее рассказ «Как живой». Перед нами Анна Семеновна, у которой сын Гриша пал смертью храбрых в боях на Курской дуге. Прошло с тех пор много времени, и мать, простая крестьянка, вызвав в своей памяти образ сына, сумела нарисовать на простой бумаге углем его портрет, с которого он теперь смотрит на нее, как живой. И висит этот портрет в простенке, «прикрытый, как водой, зеленоватым стеклом».

С таким же проникновением написан и другой рассказ о матери — «Будьте счастливы», в котором автор увлекательно и психологически тонко отображает душевные переживания героини.

Перо писателя становится гневным, когда он обнаруживает в людях самонадеянность, несправедливость. Это хорошо видно в таких рассказах, как «Весенние раздумья», «Саша», «Лошадь убили», «На трассе бросового хода», «За второй скобкой».

Перу Сергея Воронина подвластна не только жизнь человеческая, он прекрасно чувствует природу,

НА РЕАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Человек идет по городу... «Клик» — звучит спуск затвора фотоаппарата. Человек садится в машину. Еще раз: «клик». Человек останавливается у гостиницы, входит в холл, берет ключ от номера... «Клик», «клик», «клик»... На тревожных, настораживающих нотах начинается фильм «Мертвый сезон». Картина эта посвящена сегодняшней работе советских разведчиков.

Разумеется, удача фильма всегда зависит от таланта исполнителей. Стендейлу — Ладейникову, герою «Мертвого сезона», образ которого создает Д. Банионис, веришь с первых секунд, с первой же фразы, которую он произносит про себя, замечая слежку: «Меня никогда так много не фотографировали...»

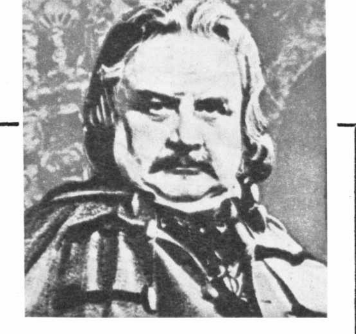
Д. Банионис в этой роли точно угадан молодым режиссером Саввой Кулишем. Стендейл — Ладейников с новым, трудным заданием попадает в провинциальный городок; здесь ему может помочь только случай. Но ведь и случай зависит от таланта советского разведчика! Так, будто случайно, приходит на помощь Ладейникову патриот родины, человек, которого живо, сильно и вместе с тем с хорошим тонким юмором играет Ролан Быков. Вдвоем друзья действуют против опытного врага — западногерманской разведки. В фильме убедительно звучат документальные кадры, снятые в лагерях фашистской Германии. Эти страшные кадры потрясают зрителя...

«Мертвый сезон» выходит далеко за рамки стандартного детектива, это особая заслуга студии «Ленфильм», сценаристов В. Владимирова и А. Шлепянова. Рассказывая историю одного из советских разведчиков, основанную на реальных фактах, фильм «Мертвый сезон» учит любить родину и мир так, как любили Зорге, Кузнецов и другие невыдуманные герои.

А.. ИГНАТОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ЧУЖИХ ОЧКАХ...

Рассуждая на страницах «Комсомольской правды» о фильме «Ошибка Оноре де Бальзака», мой коллега-студент из Киева В. Туровский сообщил, заключая свое гневное письмо: «...в начале Роден и в конце Роден. В середине же — пустота».

Меня, честно скажу, такое заключение озадачило. Неужели, подумала я, В. Туровский,— возможно, утомленный тяжкими студенческими заботами,— продремал картину, зрячим оком увидев лишь первые и последние ее кадры! И такое с нами бывает. Но куда смотрели работники нашей «Комсомолки», доверчиво поделившиеся недавно с многомиллионным читателем отрывочными и мимолетными впечатлениями В. Туровского!

Иначе как можно было не заметить блестящей игры В. Хохрякова в роли Бальзака, не заметить созданного им масштабного образа великого писателя! Как можно было бдительно уловить какие-то альковные акценты в картине, установить равнодушие Бальзака к трагедии крепостных и при этом не заметить глубоко драматические сцены, в которых ярко отражены душевные муки и терзания Бальзака — Хохрякова при виде мучений крепостных рабов Эвелины Ганской.

Но, как говорится, что запомнил, то и оценил. Однако зачем же сердиться и браниться!.. Может быть, мой коллега по рассеянности чужие очки надел, а редакция «Комсомольской правды», не заглянув в святцы, бухнула в колокол!

Н. Ефремова, студентка V курса Московского полиграфического института

Россией, правительства капиталистических стран вовсе не отказались от мысли продолжить борьбу с ней другими средствами. Началась новая война — война без фронта.

Обладая даром увлекательного рассказчика, автор передает подлинную атмосферу, в которой с величайшим мужеством и достоинством несли свои обязанности первые советские дипломаты. Диверсии, шпионаж, бешеная антисоветская пропаганда, изготовление фальшивок, организация контрреволюционных выступлений — все коварные методы тайной войны были брошены против первого в мире социалистического государства.

В то время Н. Равич возглавлял консульство в пограничном с Советским Союзом Артвинском районе и повседневно работал по развитию всесторонних связей с дружественной Турцией. Он был очевидцем того, как империалистические разведки не раз пытались проникнуть на территорию Советского Закавказья.

Воспоминания раскрывают истинную роль меньшевистских главарей в подготовке контрреволюционного мятежа 1924 года. Однажды на советскую пограничную заставу явился человек и заявил, что он порывает с грузинским эмигрантским правительством. Это был один из двух курьеров, направлявшихся из Парижа в Тифлис. В полевой сумке, переданной пограничникам, помимо разных секретных писем, оказалось около тридцати шифровок. Эти и другие материалы, попавшие в руки советских властей, неопровержимо доказали, что грузинские меньшевики ради достижения своих контрреволюционных целей были готовы продать Кавказ английским и французским империалистам.

Книга «Война без фронта» является пример органичного введения документов в художественно-литературную ткань, усиливающего и достоверность и эмоциональное воздействие воспоминаний. Этой же цели служат уникальные документальные фотографии, иллюстрирующие текст.

Нам хочется закончить рецензию словами из книги «Война без фронта»: «История не только рассказывает о прошлом, она учит, обобщает наш опыт. Материалы и документы, вошедшие в эту книгу, напоминают о том, что каждая страна, строящая социализм или ведущая борьбу за свое национальное освобождение, должна сохранять величайшую бдительность в условиях непрекращающейся идеологической борьбы на мировой арене между социализмом и капитализмом».

А. МИХАЙЛОВ

Н. Равич. Война без фронта. Издательство «Советская Россия», 1968.

она живет и дышит на страницах его рассказов, сообщая им особую прелесть. Вот как, например, он описывает в рассказе «Времена жизни» березу во время грозы, убеждая нас в многообразии художественного видения автором жизни:

«...А потом налетела гроза. Она весь день кружила возле моего дома, все мрачнела, глухо — где-то внутри себя — погромыхивала и к вечеру разразилась. Было время белых ночей. Сначала ветер словно попробовал ее — как она, крепка? Устойчива? В ответ она затрепетала листвой, не то чтобы боясь, но как бы волнуясь в предчувствии беды. И тогда ветер взвыл и налетел, как разъяренный бык, и ударил ее в ствол. И тут она пошатнулась и всю листву, что была на ней, откинула по ветру, чтобы ей легче было выстоять. И ветви, как сотни зеленых ручьев, потекли от нее... Она знала, как ей себя вести, чтобы выстоять, сохранить жизнь».

Сборник рассказов «Роман без любви» еще раз подтверждает крупное художественное дарование автора.

Виктор ШИШОВ

Сергей Воронин. Роман без любви. Рассказы. Издательство. «Советский писатель». 1968 г.

КРАЙ РОДИМЫЙ, КРАЙ РУССКИЙ

Первый поэтический сборник поэта и ученого Василия Ноздрева «Верность отчему дому» появился в свет в то время, когда в рабочих, сельских и студенческих клубах, на страницах наших газет и журналов велись жаркие литературные споры, кто важнее: физики или лирики и вообще нужна ли лирика в век атома и космоса? Недавно издательство «Московский рабочий» выпустило новую книгу В. Ноздрева «Я обойду мой край родимый». Новые стихи поэта свидетельствуют, что ему близки и ломоносовская вера в силу человеческого разума, и жажда деяний, и необычайное чувство поэзии жизни.

Лирический герой Василия Ноздрева — человек сильного характера, человек, не отступающий ни перед какими трудностями и опасностями, смело находящий выход из самого сложного положения. Свою силу, мужество, отвагу он черпает из неиссякаемого родника народной жизни и своего чувства Родины. Это патриотическое чувство глубоко и всеобъемлюще: в нем слились и русская национальная гордость, и любовь к родной природе, и, главное, безграничная преданность советскому строю, верность высоким коммунистическим идеалам, во имя которых советский человек свершает дерзновенные открытия в науке, с коммунистическим бесстрашием защищает завоевания Октября.

Большинство стихотворений первого и второго сборников В. Ноздрева посвящено любимым с детства русскому лесу, колхозным лугам и полям, зеркальным озерам и быстрым рекам.

Удачные поэтические находки, выразительные детали встречаются во многих пейзажных стихах В. Ноздрева, но это не самое сильное достоинство его лирики. Эмоциональная сила его поэзии определяется его умением конкретно и просто выразить характер и правду своих чувств, передать дыхание жизни, своей эпохи. Он умеет найти такие поэтические слова и образы, согретые личным чувством, которые не могут не вызвать в душе читателя сердечного отклика.

...Пусть подождут меня в Унече.
И я иду сквозь бурелом,
Чтобы прикрыть березке плечи,
Согреть ее своим теплом.
Пусть хоть на миг ей улыбнется
Веселым паводком Десна,
Пусть к ней устами прикоснется
Моя далекая весна.

Высокое сознание общественного долга, страстное стремление к новому, жажда открытий неизведанных тайн, мужество и целеустремленность — вот те качества, которыми щедро наделен лирический герой Василия Ноздрева. В его стихах звучит патриотический порыв того героического поколения советских людей, которое в смертном бою с фашизмом отстояло свободу своей Родины, спасло народы Европы и Азии от фашистского порабощения.

Лиризм этих стихотворений В. Ноздрева волнующе драматичен. Слово его о войне выстрадано, выхвачено из самых глубин народной жизни в трудную годину.

У В. Ноздрева есть свое поэтическое видение мира. Он любит неожиданные сравнения, а подчас и парадоксальные определения. Он стремится убедить читателя, привлечь его на свою сторону правдой чувств и мыслей, выраженных естественно, просто, ярко.

А. МИГУНОВ

Василий Ноздрев. Я обойду мой край родимый. «Московский рабочий», 1968.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Артистизм, пластика, простота

МОЛОДОЙ РЕЙКЬЯВИК.

Было время, когда превосходные рисунки Ореста Верейского не сходили со страниц журнала «Огонек». Художник вскоре после войны пришел работать в наш еженедельник и принес с собой большой запас жизненных наблюдений, молодой энергии, неиссякаемой жадности к творчеству.

Работы Ореста Георгиевича той поры отличает изящество почерка, острота силуэта, яркость характеристики персонажей, действующих в журнальных рассказах, повестях, отрывках из романов. Особо запомнились его небольшие рисунки к стихам, в которых он развивал традицию, присущую русской классической школе в графике,— необычайную отобранность и точность языка.

Сегодня можно сказать с полной ответственностью, что Верейский создал целую школу прекрасных журнальных рисовальщиков.

Рисунки художника с самой ранней поры всегда отличала высокая культура и профессионализм. Здесь сказалось влияние среды, в которой он вырос и воспитывался. В доме его отца, выдающегося ленинградского художника Георгия Семеновича Верейского, служение искусству было той мерой, которой определялась цель и заданность всей жизни. И это качество, настоящая преданность искусству, истинная увлеченность и влюбленность в мир людей, в природу получили свое яркое, своеобразное отражение в творчестве Верейского-младшего.

Художник создает ряд великолепных иллюстраций к книгам, среди которых наиболее монументальной и значительной предстает перед нами серия рисунков к эпопее Шолохова «Тихий Дон». Верейский выступает в этих листах как подлинный соавтор, сопереживатель. Его многотрудная подготовка к созданию оригиналов, его эскизы и рисунки, исполненные на Дону, дали желанный результат: иллюстрации к «Тихому Дону» — подлинный вклад в золотой фонд нашей советской графики...

Верейского отличает еще одна характерная особенность, поражающая человека, изучающего его искусство, его жизнь. Среди напряженного труда над созданием иллюстраций и работой над произведением станковой графики художник, однако, находит время для удовлетворения своей неуемной любви к странствиям. Ведь за сравнительно небольшой жизненный срок ему удалось побывать в ГДР, Польше, Чехословакии, Египте, Сирии, Ливане, Италии, Финляндии, США... И это были не туристические поездки, в которых перед глазами путешественника порою мелькают в пестром калейдоскопе страны, города и люди. Художник каждый раз тщательно готовился к этим поездкам. Он глубоко изучал историю и культуру стран, которые собирался посетить. Возможно, именно это помогало ему сразу же всмотреться в незнакомую природу, в лица новых людей, в непривычную ему жизнь. И тут-то и раскрывался весь огромный арсенал имеющихся в распоряжении художника средств изображения.

В этих поездках были созданы листы, в которых с особой ясностью проявились качества, ставшие присущими Верейскому в последние годы. Он научился более углубленно проникать в существо увиденного. Он заставляет порой сдерживать в себе милую и привычную его сердцу жадность художника-репортера и путем напряженного отбора и отбрасывания ненужных деталей более близко подходить к самому сложному и трудному в искусстве — к простоте.

Вглядитесь в исландские пейзажи, опубликованные на наших цветных вкладках. Маленький поселок с аккуратными домиками, прижавшимися друг к другу на берегу синей Атлантики. Как конструктивно и предельно просто решено пространство в этом листе и в то же время как тонок колорит этой акварели, как правильно определено состояние пейзажа, как изысканно очерчены фигуры идущих рыбаков и как верно и в то же время общо назначены цветовые отношения: розоватой земли, розово-сиреневых стен домиков, фигур людей.

Совсем другое, тональное, валерное решение в другом пейзаже. В сыром воздухе тает очертание огромной скалы, отгородившей фиорд от просторов океана. У подножия прилепились пестрые домики, а рядом с ними у берега стоит океанский лайнер, очерченный с присущим художнику артистизмом.

Артистизм, точность акцентов, лаконизм, изысканность цветовых отношений, построенных в присущих Исландии суровых серых и землистых тонах и контрастирующих с ними красках ярко расцвеченных кораблей, машин, нейлоновых сетей — вот характерные черты творческой манеры Ореста Верейского сегодня.

«Ожидание» — так можно было бы назвать рисунок, опубликованный на нашей вкладке. В этом листе проявляется еще одно качество мастера, тоже получающее все большее развитие в его последних натурных работах. Это, пожалуй, умение увидеть и изобразить духовное состояние человека. Посмотрите, сколько тонких нюансов предлагает нам художник, изображая характеры старушки, девушки-подростка, моряка с трубкой, девчушки с книгой и мужчины, читающего газету. Можно было бы исписать не одну страницу, рассказывая о судьбах этих людей. Пристальное изучение жизни и многолетняя работа над иллюстрациями воспитали в художнике умение особо вдумчиво изучать характеры персонажей своих композиций.

Героями рисунков и акварелей Ореста Верейского давно стали его соотечественники, его современники. В великолепных сериях: «Ангара», «Берега Енисея», «Смоленщина» — с необычайной остротой и своеобычностью предстает герой нашего времени — строитель будущего, наша молодежь...

— Исколесив много дорог по земле,— рассказывает художник,— и посетив много далеких и близких стран, я каждый раз по возвращении особенно остро вижу и чувствую прелесть и красоту моей Отчизны.

Моя мастерская — за городом, под Москвой. Она стоит среди берез и елей. Я выхожу из дому в лес и иду по тропе, истоптанной лосями. Слышу весеннее пение синиц, стук красноголового дятла и стрекот шустрых сорок. Встанешь среди берез, как в белом, озаренном февральским солнцем храме, и ощущаешь, какое ни с чем не сравнимое чувство пробуждает в тебе Россия...

И художник все больше и все чаще обращается в своих работах к раскрытию этой благородной и прекрасной темы.

...Сегодня Верейский работает над большой серией рисунков к книге Марии Прилежаевой о жизни Ленина, издаваемой в Детгизе. Семьдесят цветных иллюстраций готовит он к великой ленинской дате.

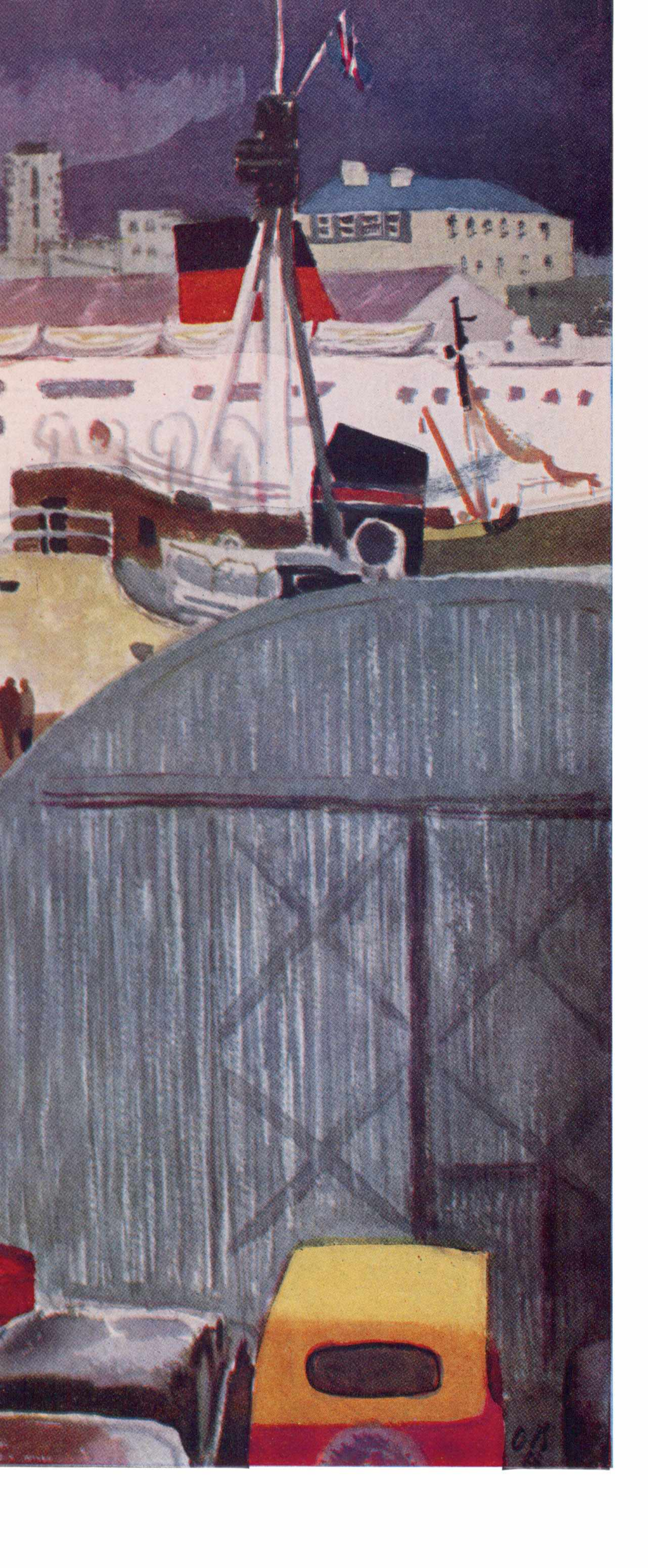
И надо думать, что эта большая работа будет новой ступенью в творчестве заслуженного деятеля искусств РСФСР, члена-корреспондента Академии художеств СССР Ореста Георгиевича Верейского.

О. Верейский. ИСЛАНДИЯ. РЫБАЧИЙ ПОСЕЛОК.

ЧИНЯТ СЕТИ.

О. Верейский. ПОРТ В РЕЙКЬЯВИКЕ.

СНОРРИ.

О. Верейский. КИРКЬЮФЭЛЛ.

НА АВТОБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ.

В. ВИКТОРОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Санеев открыл глаза и удивился: утро! Проспал всю ночь на одном боку. Ну, а Ян? Ян, оказывается, до сих пор еще не проснулся. Вот нервы! Кто не знает, что Ян Лусис любит поспать! Но спать сегодня? У него же сегодня не квалификация, а последний, решительный бой!..

Квалификация! При мысли, что скоро и ему приступать, Санеев совсем проснулся и взглянул на часы. Уже восьмой! Через каких-нибудь три часа они с Колей Дудкиным и Сашей Золотаревым начнут прыжки.

Итак, нужно взять 16 метров 10 сантиметров. Подумаешь, расстояние! Ведь мировой рекорд — 17 метров 3 сантиметра. Но он стоит непобитым уже 8 лет.

Надо отдать должное Виктору Санееву (возраст — 23 года, спортивный стаж — 5 лет, место рождения — Сухуми, специальность — агроном субтропических культур), лишь в эти несколько первых минут после пробуждения утром 16 октября в олимпийской деревне не смог он удержать на пороге своего сознания тревоги. Во всяком случае, Акоп Самвелович Карселян, когда-то угадавший в долговязом мальчике будущего победителя и приехавший в Мехико только для того, чтобы быть рядом с ним, даже растерялся, натолкнувшись на эту непробиваемую броню его спокойствия...

Акоп Самвелович продолжал следить за своим учеником и после того, как Санеев попал в сборную и стал тренироваться у Витольда Креера. Конечно, школьный учитель не так глубоко разбирался в тройном прыжке, как двукратный олимпийский призер, но Креер всегда считался с его мнением и, встретившись с Акопом Самвеловичем в олимпийской деревне, подробно рассказал ему, как прошли двадцать тренировок и два соревнования на мексиканской земле.

— А какой был лучший прыжок? — спросил Акоп Самвелович. И, узнав, что Санеев 5 октября прыгнул на 16 метров 71 сантиметр, удовлетворенно кивнул головой.

Когда Акоп Самвелович впервые заметил смуглого мальчишку? Как будто бы в четвертом классе. Мальчик прыгал великолепно, и даже директор школы Таисия Петровна Малыгина, как-то заглянувшая на урок физкультуры, сказала Карселяну: «Да это же будущий чемпион!» Но очень скоро Виктор ушел из школы, и история его исчезновения оказалась достаточно грустной. Отец Санеева много лет пролежал парализованным, а матери его, работнице сухумского парка, трудно было одной содержать семью. Вот она и решила, хоть сынок и помогал ей, чем мог, отдать его в интернат на все готовое. Когда же мальчик вернулся в Сухуми, то Акоп Самвелович сразу же включил его в свою группу.

Витя Санеев с детства привык к труду. Он помогал матери работать в парке, на земле. Может быть, поэтому и понял мальчик, что земля создана для того, чтобы углубляться в нее, проникать в ее недра. И Акоп Самвелович не стал скрывать трудностей, которые неизбежно ожидали его ученика.

У Санеева хватило сил и на долгие тренировки и на подготовку к экзаменам. Именно в том, 1963 году, когда юноша стал всерьез заниматься легкой атлетикой, он поступил в институт субтропических культур. И он занимался там, как все, без всяких скидок, переходил с курса на курс, а когда пришло время, успешно провел практику в совхозе под Сухуми. (Именно в этом совхозе, где он когда-то помогал главному агроному контролировать качество сбора мандаринов, и снял его наш фотокорреспондент Л. Бородулин, когда Санеев, вернувшись из Мексики, приехал в гости к рабочим.)

Акоп Самвелович Карселян всегда видел в Викторе Санееве трудолюбивого, скромного паренька, заботливого сына, но был и другой Санеев, тот, с которым столкнулся двукратный олимпийский призер Витольд Креер...

Креер впервые услышал о молодом прыгуне из Сухуми летом 1964 года, когда еще сам выступал. Санеев был очень сильный прыгун. При росте 1 метр 88 сантиметров он весил всего 78 килограммов, обладал сильными мышцами спины, которые так важны при тройном прыжке, а главное, отличался тем бесстрашием, которое позволяло ему использовать сорокаметровый разбег, не опасаясь огромных перегрузок, которые при этом возникают. Но вскоре Креер заметил у своего ученика опасный недостаток: уж слишком жадно он стремился к победе. Слишком нетерпелив был на тренировках.

Она была очень опасна, эта жадность, нетерпеливость, торопливость. Особенно опасна в тройном прыжке, который требует тщательно подготовленных мышц и связок. И вот на мемориале братьев Знаменских в 1965 году произошло то, чего так боялся Креер: Санееву удался прыжок на 15 метров 80 сантиметров, но при этом он серьезно повредил ногу. Заключение врачей было категорично: не прыгать год. Целый год! Но в этот год Санеев и стал по-настоящему прыгуном. Акоп Самвелович не спускал с него глаз, о прыжках не могло быть и речи, но Санеев тщательно тренировался, поднимал штангу, выполнял сложный комплекс гимнастических упражнений. И весной 1967 года, снова выйдя на дорожку разбега, он сразу же совершил прыжок на 16 метров 32 сантиметра.

Санеев прыгал все дальше и неизменно проигрывал. Он проигрывал и Александру Золотареву, и Николаю Дудкину, и Владимиру Кравченко. Санеев проигрывал и каждый раз снова выходил на старт. Вот почему и Креер и Карселян так высоко оценивали результат Санеева, показанный им на товарищеских соревнованиях в Мехико. 16.71 были хорошей заявкой, но только заявкой.

Для того, чтобы победить, надо прыгнуть за 17 метров — это Санеев понимал совершенно отчетливо... Но кто же ждал, что мировой рекорд Шмидта будет побит уже на утренних, квалификационных соревнованиях? Для чего же растрачивать силы, которые так пригодятся для решающей борьбы? Санеев с первой попытки выполнил квалификацию. Но в это время на другой дорожке, где прыгала вторая группа, итальянец Джузеппе Джантиле приземлился на черте 17 метров 10 сантиметров, побив мировой рекорд Шмидта. И тут же Санеев узнал, что его товарищ, Золотарев, выступавший в той же группе, повредил ногу, сошел и не попал в финал.

Вот как завершились прозаические квалификационные соревнования, проведенные утром 16 октября. Что же будет на этом стадионе вечером 17-го? Об этом не надо сейчас думать. Конечно, Джантиле пожалеет о своем расточительстве, но это уже его дело.

Санеев проспал и эту ночь, как младенец, и день прошел довольно быстро в сборах и в беседе с Креером. Они еще раз трезво оценили шансы всех тринадцати прыгунов, которые попали на основные соревнования, а потом повторили заранее продуманную сигнализацию. Было условлено, что когда Креер будет поднимать один палец — значит, слаб разбег, когда два — значит, Санеев семенит, когда три — торопится с приседанием, четыре — не доходит до бруска, а если он поднимет кулак, то все в порядке, соберись и прыгай.

— Прыгай сразу хорошо. Не рассчитывай на то, что у тебя впереди будет еще пять попыток,— сказал Санееву на прощание Креер.

— Я буду прыгать так, будто у меня все попытки последние,— сказал Санеев.— А там как получится. Как это говорится в поговорке?.. Попытка не пытка!

— Да, попытка не пытка,— сказал Креер,— но и спрос не беда... Так вот, не забывай о нашем спросе. Ты должен прыгнуть за семнадцать. Правда, Акоп Самвелович?

...Два его тренера сидели рядом, его юность и его зрелость... Ну и людей на трибунах! Как на открытии Олимпиады... Еще бы, Джантиле подсыпал перца.

Санеев окинул взглядом своих соперников. Вот он, Джузеппе Джантиле. А вон и американский негр Уокер, и бразилец Пруденцио, и Коля Дудкин. Тридцать пять сильнейших «тройников» мира начинали вчера борьбу, сегодня их только тринадцать. Вот тебе и легкая квалификация! Ну, посмотрим, на что способен Джузеппе Джантиле после своего вчерашнего рекорда.

И снова итальянский прыгун заставил обомлеть трибуны. Первый его прыжок, и снова мировой рекорд — 17 метров 22 сантиметра. Вот, оказывается, для кого все попытки последние. Итальянцу, наверное, и прыгать больше не надо?

Никому не удалось даже приблизиться к Джантиле. А что Креер? Он поднял вверх указательный палец. Вот и все, чем может помочь ему сейчас Креер. Ну что же. Надо готовиться ко второй попытке, надо получше использовать разбег...

Но и вторая попытка ничего не дала Санееву. Он смог прыгнуть только на 16.84. А у Джантиле заступ. Должен же быть предел его силам! Зато Пруденцио прыгнул на 17.05. А ему, Санееву, что делать? Только одно: заглушить волнение. Все буднично, обычно. Ну да, он не использовал разбега. Вон Креер и грозит ему пальцем. Но сейчас все будет хорошо.

Санеев взял старт... И вдруг громовое «ах» стадиона догнало его уже в яме. Сколько же?.. 17.23!..

Какое совпадение! Ведь Леонид Щербаков в свое время прыгнул на 16.23 и на 1 сантиметр улучшил мировой рекорд да Сильвы! А потом Санеев вспомнил слова своей сестры, когда собирался в Мехико. «Тебе там исполнится двадцать три года,— сказала она,— вот я тебе и желаю прыгнуть на семнадцать двадцать три». Вот он и прыгнул и перекрыл на 1 сантиметр мировой рекорд Джузеппе Джантиле. А земля неслась ему навстречу? Нет, как будто нет. Но Креер утверждает, что при настоящем прыжке, который удается раз в жизни, земля всегда несется...

Санеев отыскал глазами Креера и Карселяна и увидел их поднятые кулаки. Как, им этого мало?.. Да, они правы, этого мало. Санеев это чувствовал, хотя четвертая попытка не принесла ничего нового. У Джантиле снова заступ, и у Пруденцио тоже, а Диа никак не может вырваться из предела 16.73...

Но после пятой попытки все пришлось начинать сначала: Пруденцио прыгнул на 17.27...

Последний прыжок — это пытка. Последний прыжок, чтобы победить, надо обязательно завершить новым мировым рекордом. Взошла звезда нового бразильского феномена. Ну да, конечно, сейчас все будут называть Пруденцио учеником да Сильвы. Кто знает, что да Сильва здесь, в Мехико? Что он беседовал с Креером и сказал, что не имеет ничего общего ни со спортом, ни с Пруденцио? Легенда уже создана. Игра сделана. Кто может после такого прыжка спрашивать с него новый рекорд? Сейчас спрос — это беда. Его беда. И от этого не уйти.

Санеев посмотрел на трибуны, но там, где сидели Креер и Карселян, их больше не было. Куда ж они девались? Но он тут же увидел двух тренеров внизу, тут же услышал сквозь гул и грохот стадиона слова Витольда Креера: «Не бойся заступа, беги во всю силу». Да, сейчас сигнализацией ничего не добьешься, и они это понимают. Ну, а словами чего добьешься? Последняя попытка... Последний шанс, чтобы попытаться, постараться, попробовать... Только один шанс. И Санеев знал, что он сможет использовать этот шанс только в том случае, если сперва раззадорит себя, а в последний момент успокоит и совершенно ясно представит себе весь свой прыжок — от первых его шагов до приземления на брусок. Это и называется психологическим настроем, и это так же трудно, как бежать быстро, а прыгать медленно. Парадокс? Возможно. Но именно так надо прыгать на тартане.

Вот о чем думал Виктор Санеев, повернувшись спиной к дорожке разбега, к огромному, затаившемуся стадиону, к двум своим тренерам, к Нельсону Пруденцио, лжеученику знаменитого да Сильвы. А когда Санеев начал разбег, он вдруг почувствовал, что земля несется ему навстречу...

Креер и Карселян успели увидеть, что Санеев сантиметров на двадцать не дошел до бруска, и ужаснулись. Такой прыжок испортить!.. А сам Санеев, уже врезавшись всем телом в песок ямы, ахнул: «Проиграл»,— но тут же на него рухнули стены трибун, и он понял: «Выиграл!..»

Когда Санеев выскочил из ямы, на табло уже горело: 17.39. Креер и Карселян не то плакали, не то смеялись, и ликующий Лусис обнимал его, а Санеев поймал себя на совершенно трезвой мысли: «Смотри-ка, Янис радуется моей медали больше, чем своей». И сказал, словно извиняясь:

— Я бы прыгнул на семнадцать пятьдесят, если бы дошел до бруска...

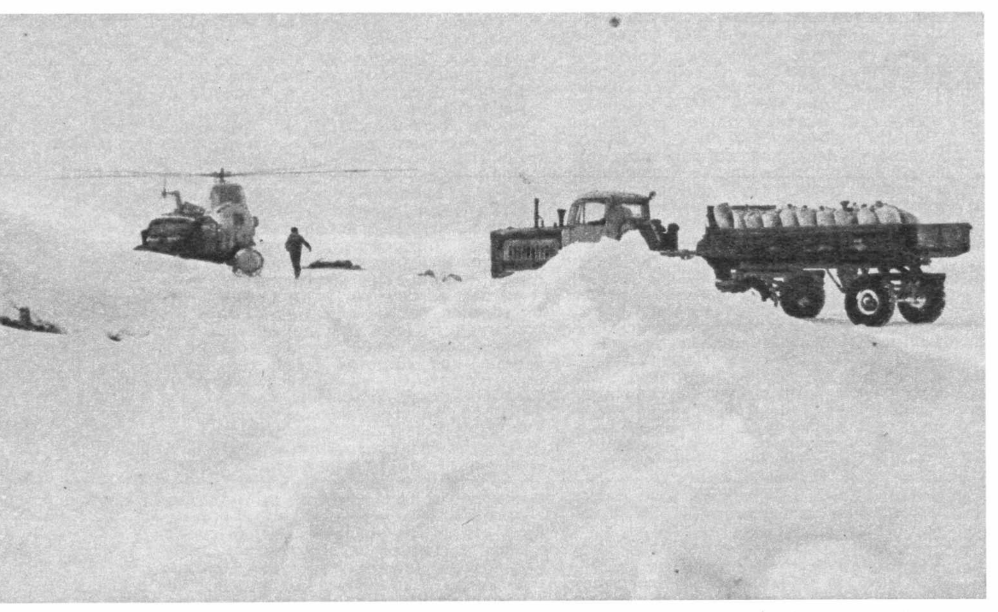
Снег на сыртах — личное горе Марусы Жаныбаевой, чабана колхоза «Кызыл-Жылдыз», депутата Верховного Совета СССР. И главный зоотехник этого колхоза Окентай Жусубалиев это понимает...

Фоторепортаж с места события ведет специальный корреспондент «Огонька» Алексей ГОСТЕВ

Белый плен

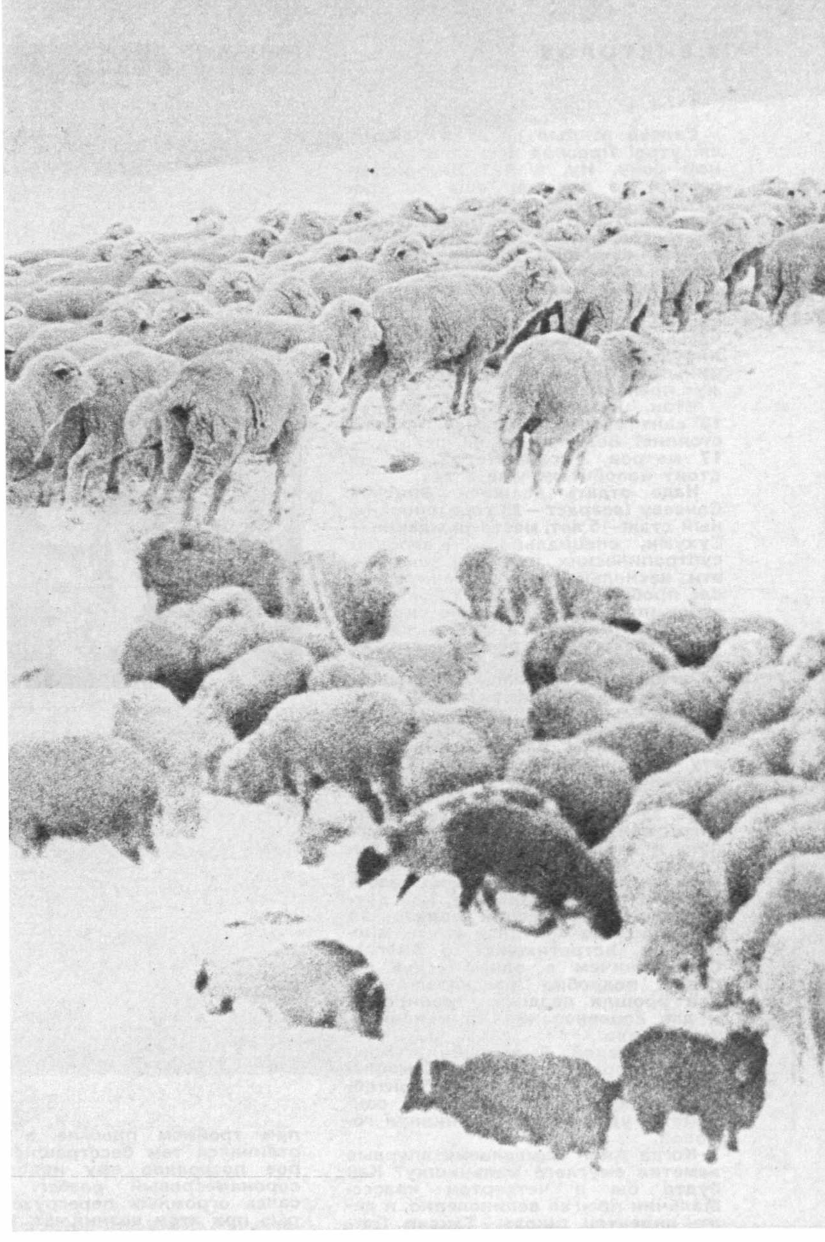
Вертолетчики грузят фураж.

Беда... Она обрушилась на сырты — зимние пастбища Киргизии. Снег, лютая стужа, ураганной силы ветер и снова снег, снег — так уже много дней, так более ста дней, начиная с ноябрьских снегопадов... Все живое жмется к человеческому жилью; даже пугливые горные куропатки, обезумев от белой беды, пробираются в кошары и ближе к жилью чабанов. Человеку не легче, но у человека — воля, машины, дружба. Когда в белом плену оказались бесчисленные отары Киргизии, был создан республиканский штаб по проведению зимовки. К урочищам, где в снегах тонули овцы, лошади и даже яки, двинулись санно-тракторные поезда с сеном, с тюками соломы, с зерном и концентратами, с солью и углем. На помощь к чабанам Кенес-Анархая и Ак-Сая вылетели вертолеты. День и ночь в горах и сейчас еще гудят заиндевелые бульдозеры, экскаваторы, скреперы. Люди пробивают снежные тоннели, спасая тысячи и тысячи обессилевших животных.

Беда? Да... Но это и проверка чабанов, шоферов, трактористов, пилотов, испытание на стойкость, на мужество, на дружбу! Они и это бедствие осилили!

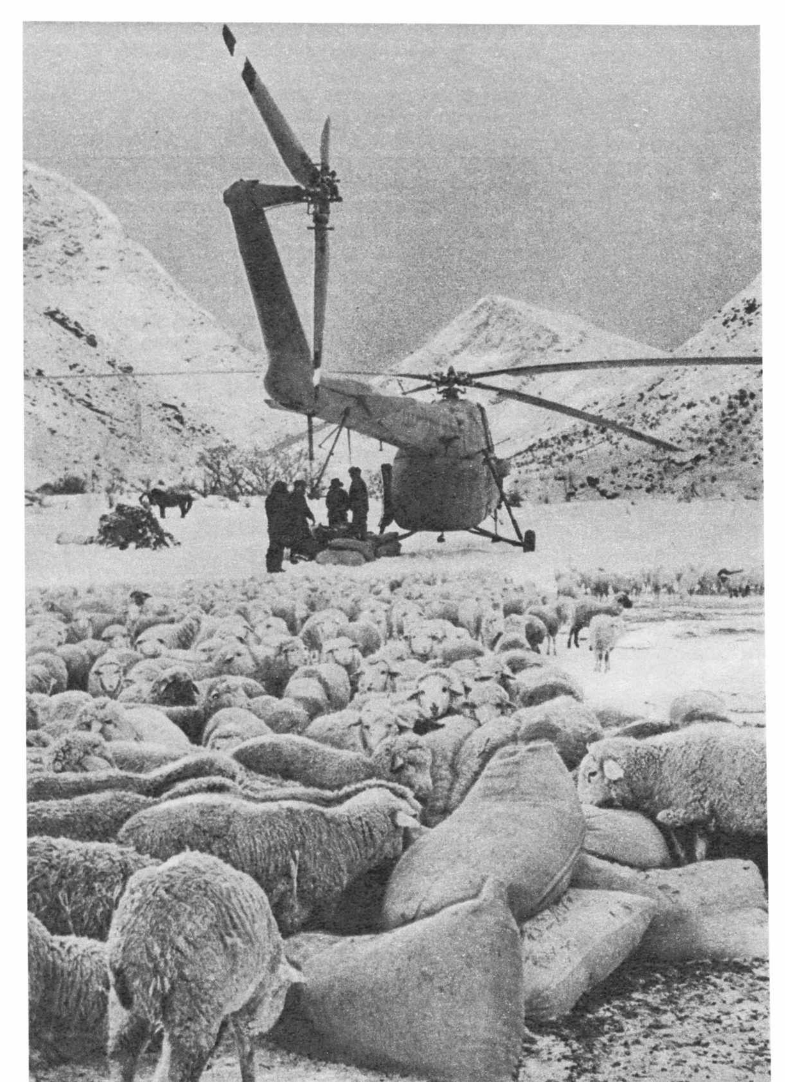
...Отгрохотали в отрогах Тянь-Шаня свирепые снегопады. Нынче там бухают мирные взрывы — это группы горноспасателей обрушивают снежные лавины. Дороги в долины открыты, белый фронт прорван!

Ураган отступил...

Еще один рейс пилота Б. И. Бондарчука в далекий Тогуз-Тороуский район.

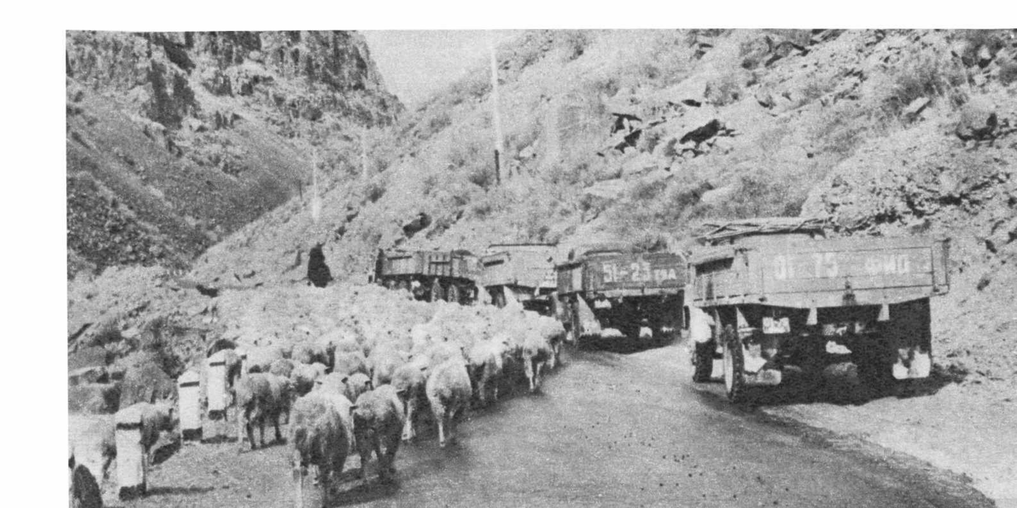

После кормежки объявят посадку.

Им лететь в долину.

Чуйский тракт. Снега остались в горах...

Музыка

Исидор ШТОК

Рассказ

Рисунки И. УШАКОВА.

Как он мне надоел, этот шкаф! Впрочем, шкафом он только назывался. На самом же деле это была довольно уродливая постройка, весившая не менее пятидесяти пудов, состоящая из фанерных щитов, металлических стоек, двойных петель, железного основания и огромного количества шарикоподшипников. Шкаф можно было поворачивать, разворачивать, открывать щиты и к ним приставлять другие, из щитов вынимать фанеру, и тогда они превращались в окна, и в двери, и в киноэкраны. По мысли конструкторов и строителей, на сборку и разборку нужны были мгновения. На самом же деле для того, чтобы приладить все его части, привинтить петли, поставить на стержень, уходили долгие часы. Шкаф этот должен был являть идеальную портативную театральную универсальную конструкцию. Он должен мгновенно трансформироваться в фасад дома и в кабинет, в большой зал и в будуар, а при соответствующем освещении в дремучий лес, в завод, во внутренность самолета или дирижабля, в мастерскую художника, в ресторан и в тюрьму. Таков был замысел.

Шкаф был гордостью руководства Московского пролеткульта и фабрики Мосдрев, где был построен.

Может, сперва он, этот шкаф, и был приближенно похож на задуманное. Не знаю. Я познакомился с ним через полгода после того, как он был построен, и застал его в период упадка. Он весь иссохся, петли не держались в гнездах и вываливались, щиты не раскрывались, а когда раскрывались, из них летели щепки и шурупы. Шарикоподшипники не вертелись, электролампочки, вмонтированные в крышку и в рампу шкафа и долженствующие создавать иллюзию улиц, площадей и заводов, вылезали из патронов и не зажигались... Чем дальше, тем этот проклятый шкаф становился все тяжелее, и тяжелее, и бессмысленнее — его вполне могли заменить обыкновенные легкие ширмы и сукна. Но отступать от принципа «искусство в быт» нельзя. И я таскал этот проклятый шкаф вместе с ломовым извозчиком, моим другом Аликом Батищевым, из клуба в клуб, с этажа на этаж, по всей Москве, по самым ее дальним закоулкам. А ломовые лошади с извозного двора Казеннова везли этот скарб по тем улицам, где допускалось движение гужевого транспорта. Некоторые милиционеры все равно не хотели нас пропускать, но у нас было удостоверение на беспрепятственный пропуск во все клубы, где запланированы спектакли Передвижной рабочей театральной мастерской Московского пролеткульта.

Спектакль назывался «Обезьяний суд» и в сатирической форме бичевал Соединенные Штаты Америки, где был устроен процесс над школьным учителем, осмелившимся преподавать детям эволюцию Дарвина. Это был тот самый сюжет, который послужил основой для превосходного фильма «Пожнешь бурю». Отличие нашего спектакля от фильма, выпущенного через тридцать с лишним лет после нас, в том, что у нас все события были поданы в плане гротеска. Прогрессивного учителя судили не люди, а человекообразные обезьяны. Этим спектаклем мы раз и навсегда заклеймили мир капиталистов и их обезьянью мораль.

Колька Обухов играл председателя суда. В старомодном лапсердаке, согнув ноги и ставя их пальцами внутрь, руками почти касаясь земли, он залезал на стол, чесал себе ногой подбородок и, взяв в руки библию, повисал на стенках трансформирующегося шкафа. И почему-то при этом лаял.

Два негра — Витька Гуляев и Ленька Фридман — орудовали со стенками шкафа, вертели, открывали, закрывали, стучали палками и помогали шкафу трансформироваться. Поставленный талантливым молодым мейерхольдовцем, спектакль был наполнен трюками, фортелями, набит буйной режиссерской фантазией. Смесь площадного балагана, самодеятельного цирка и политического фарса именовалась «монтаж аттракционов» и продолжала линию «Великодушного рогоносца» и «Мудреца», от которых, впрочем, создатели их — Всеволод Мейерхольд и Сергей Эйзенштейн — ушли уже далеко вперед. Первый из них создал «Лес» и «Мандат», второй уже выпустил «Стачку» и «Броненосец «Потемкин»...

Я играл маленькую роль трусливого друга учителя. Приходил уговаривать отказаться от эволюционных идей, передавал угрозы судьи. Волосы на моей голове становились дыбом, я ронял от страха шляпу, очки падали на пол, я в поисках их шарил по полу, стукался головой о трансформирующийся шкаф, в ужасе перед собственной тенью терял штаны и на карачках уползал за кулисы.

Наверно, это было смешно, потому что публика смеялась. Но все-таки знакомых я на этот спектакль не приглашал...

Ночами после спектаклей мы репетировали пьесу-агитку «Деритесь, как черти!» — о забастовке шахтеров, вылившейся затем в всеанглийскую стачку. На репетициях сидели автор — журналист и бывший актер Аркадий Позднев — и его редактор и соавтор Александр Афиногенов. Они тут же, в зрительном зале, переделывали и дописывали пьесу. Заглядывал сюда и руководитель всего Пролеткульта Валериан Плетнев, мужчина огромный, сияющий, добрый.

Теперь Плетнев осознал свои левацкие ошибки, понял, что нельзя отказываться от того, что создано мировой культурой. Наверно, он устыдился своей примитивной, вульгарной схемы: «Тезис — буржуазная классовая культура; ее антитезис — классовая культура пролетариата, и лишь за порогом классового общества, в социализме их синтез: культура общечеловеческая».

Спектаклем «Деритесь, как черти!» Валериан Федорович хотел дать понять английскому пролетариату, что мы глубоко сочувствуем его борьбе с буржуазией и в любой момент готовы прийти на помощь.

Высокий, светловолосый, похожий на северянина-лесоруба, с большой головой и большими руками, Плетнев дни и ночи проводил вместе с нами в Морозовском особняке на Воздвиженке...

Пьесу «Деритесь, как черти!» мы часто репетировали ночами: днем студийцы работали у себя на заводах, вечером играли «Обезьяний суд».

Я получил роль племянника лорда Чемберлена, молодого балбеса, который вместе с другими волонтерами-аристократами пытается заменить на шахте бастующих горняков. Володя Лавровский и Гриша Мерлинский изображали двух клоунов-полицейских и сами себе написали клоунский текст. Все остальные были бастующими рабочими и хором выкрикивали различные лозунги и пели английские песни.

Утром, перетащив вместе с Аликом Батищевым трансформирующийся шкаф, ящики с костюмами и реквизитом из одного клуба в другой, мы подделывали расписки грузчиков, якобы нанятых нами. Полагалось брать в помощь еще двух грузчиков. Но мы все таскали вдвоем, а деньги делили. В перерыве между переездом и спектаклем я спешил к отцу, жившему невдалеке от Самотеки. А деньги мне тогда были очень нужны.

Отец мой заболел. Он задыхался, с трудом ходил по лестнице, иногда терял сознание... Практиковавший на Долгоруковской улице частный доктор Спиридонов осмотрел папу, внимательно выслушал, простукал...

— Жить вам осталось недолго, маэстро,— сказал доктор,— если не будете выполнять моих указаний. Лежать, месяц лежать в постели. Пить эти капли. Не волноваться. Ничего не делать. Не читать. Затем через месяц или два поедете в санаторий.

А потом, оставшись со мной вдвоем, спросил:

— Кто за ним смотрит? У него есть жена?

— Конечно,— сказал я.— Это моя мать. Но она живет пока в другом городе.

— Ее нужно вызвать сюда. Катастрофа может произойти в любую минуту. Сердце его...

Отец написал маме.

Я был очень рад. Кончится наконец наша жизнь на три адреса, мы опять соединимся, будем вместе, отец поправится, мать ликвидирует нашу квартиру там, на Украине, и приедет сюда. Может быть, поступит в какой-нибудь театр или на курсы и будет преподавать пение. Я буду наконец сыт каждый день и не буду бегать днем к отцу, а ночевать в другое место. Правда, денег у нас не было совершенно. Папа покинул музыкальную студию Немировича-Данченко и служил на полставки на курсах военных капельмейстеров. А теперь из-за болезни ничего не получал. Единственным источником нашего существования был трансформирующийся шкаф.

Ухаживала за отцом квартирная хозяйка, пожилая женщина, отягощенная большой семьей, категорически возражавшая против того, чтоб я жил вместе с отцом. Да, в общем, двоим здесь тесно, комната махонькая, не более восьми метров. Мотался я из Пролеткульта в Марьину Рощу, затем по клубам, затем снова в Пролеткульт. Да вдобавок еще связался с театром «Метла», помещавшимся в клубе Коммунистического университета трудящихся Востока на Страстной площади. Там под руководством молодого преподавателя турецкого языка и поэта Назыма Хикмета и режиссера-мейерхольдовца Экка мы решили открыть новый, невиданный доселе театр — соединение эстрады, кино, митинга и живой газеты. Творческая деятельность в Пролеткульте меня совсем не радовала.

— С «Метлой» у тебя брак по любви, а с Пролеткультом по расчету,—говорил отец, которому я подробнейшим образом рассказывал обо всех моих делах. При этом довольно сильно выдавал желаемое за действительное. Я и сам хорошо не понимал, почему мне так не нравится сценическая деятельность. Да и вообще плохо разбирался в целях Пролеткульта.

Там были парни и девушки, попавшие прямо из цехов московских заводов. Они пели, сочиняли стихи, импровизировали целые пьесы, устраивали выставки, занимались хоровой декламацией, спорили о новых постановках... Там бывали Фурманов, Луначарский, Халатов. Туда забегали по старой памяти Сергей Эйзенштейн и Григорий Александров, Эдуард Тиссе, Максим Штраух. Там, в бывших морозовских конюшнях, был открыт манеж, где мы занимались акробатикой и боксом. Стояли спортивные снаряды, а мы крутили «солнце», делали сальто и рундаты, ходили на руках, дрались, как завзятые боксеры. На стенах было углем размашисто написано: «Больше куражу!»

На Чистых Прудах в кинотеатре «Колизей», отданном Пролеткульту под Первый рабочий театр, шли пьесы Плетнева, Афиногенова и Глебова, и мы иногда участвовали в массовках. Это были молодецкие, стремительные, наивные, но искренние и от всей души разыгранные спектакли... Метались по сцене разноцветные блики прожекторов, гремели ударные инструменты в оркестре, развевались алые флаги, раздуваемые электрическими вентиляторами, восторгали юные артисты: Глизер, Янукова, Ханов...

Когда мы с Аликом Батищевым приходили за жалованьем, старший бухгалтер с моржовыми усами ворчал:

— Зачем вам деньги? Девочек у вас нет, в «Колизей» вы ходите бесплатно...

Рядом с Пролеткультом, в Доме печати на Никитском бульваре, частенько выступали Маяковский, Жаров, Безыменский, Уткин, Бабель, Фадеев, Клычков, Артем Веселый. Пролеткультовская библиотекарша нам охотно давала читать новинки советской литературы, а желающим — интимную переписку семьи Саввы Морозова, найденную на чердаке.

Отец не видел наших спектаклей. Все грозил, что посмотрит «Обезьяний суд», заглянет на репетицию, познакомится с моими товарищами и режиссерами, пожмет руку Плетневу. Так и не собрался. А я был этому весьма рад. Представлял себе, как он бы возмутился, увидев Кольку Обухова в роли судьи, а меня в роли друга учителя. Как бы он в гневе обрушился на режиссера и автора. Как был бы огорчен, увидев мое участие в этом предприятии. Он, воспитанный на старом оперном искусстве, точном, грандиозном, веками традиционном.

Нельзя сказать, чтоб отец был ретроградом. Он с удовольствием смотрел «Лес» у Мейерхольда, очень смеялся на «Мандате», любил ходить на вечера Маяковского...

Но были спектакли, и книги, и выступления, которые отец считал халтурой и профанацией. Тут он цитировал Пушкина:

— Мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля.

Как бы он во время «Обезьяньего суда» не начал вслух декламировать эти стихи!

Под разными предлогами я все оттягивал его посещение Передвижной мастерской. А теперь вот и оттягивать уже не нужно.

Снабдив рассказ о будущем спектакле «Деритесь, как черти!» изрядной дозой выдумки, приукрасив его сценами, которых не было и в помине, рассказав о потрясающей встрече Чемберлена с забастовщиками, во время которой зрители будто бы бились в истерике, и показав довольно неубедительные фотографии, я вдруг заметил, что отец не слушает меня. Он смотрит на крыши деревянных домиков в переулке, на замерзавших голубей.

Я не записал его слов ни тогда, ни позднее. Однако уверен, что говорил он именно так.

— ...Когда мне было девять лет, я жил под роялем, на котором играл мой отец, твой дед. Он был аккомпаниатором на танцах, на свадьбах, на балах, учил детей богатых музыке. В девятьсот пятом году после погромов, поджогов, восстаний и преследований он вторично уехал из России к своим братьям в Вену и оттуда уже не вернулся. Умер, когда ему минул девяносто один год. Стал известным австрийским композитором. Когда заходил в кафе или в ресторан, оркестр в его честь исполнял один из вальсов его сочинения... Я был вундеркиндом, а в семнадцать лет окончил Киевскую консерваторию. С тех пор я всегда служу в опере. Оркестрантом, концертмейстером, хормейстером, дирижером... В Петербурге мне предлагали пойти на императорскую сцену. Для этого я должен принять православие. Ты знаешь, что я человек неверующий. Вернее, я не желаю никого посвящать, во что и как я верую. Мне одинаково далеки и православные, и католики, и иудеи, и магометане. Но казалось унизительным провозглашать для карьеры принятие какой-либо религии. Зачем? Я свободный художник, потомственный почетный гражданин, дирижировал в высочайшем присутствии всей царской фамилии, служил в Народном доме принца Ольденбургского, проходил партии с великими певцами, дружил с артистами императорских театров, ездил с ними в гастрольные поездки, был постоянным посетителем ресторана «Вена»... Когда произошла революция и большевики взяли власть, я, подобно многим моим друзьям, говорил, что это на три или на пять недель, не больше. Но очень скоро, очутившись на Украине, в самом центре гражданской войны, я понял: к старому возврата не будет никогда, это невозможно. Множество моих товарищей покинули Россию. Они звали меня с собой. Сулили, угрожали, подкупали. Я остался. Мне была противна мысль бросить страну, где я прожил всю жизнь. Если бы мне предложили одно из двух: покинуть Россию или принять яд,—я бы, не задумываясь, принял яд. Я был прав. И они, которые смалодушествовали и остались в живых, завидуют мне сейчас. Ты на сорок лет моложе меня, но ты тоже кое-что испытал. Мы с тобой пережили много тяжелых дней. Не знаю, долго ли пролежу в этой постели. Когда никого нет и я в этой комнате один, я думаю... Хотел бы я сейчас поменяться с тобой? Чтоб мне было восемнадцать, как тебе? Пожалуй, нет... Я видел Чайковского и слушал его. Был знаком с Львом Толстым и с Римским-Корсаковым, с Шаляпиным и с Куприным, с Рахманиновым и со Скрябиным... Выступал вместе с Собиновым, Смирновым, Дидуром, Тартаковым, Ершовым, Фигнерами, Пироговым, Сибиряковым, с великими певцами моего времени. Они были все разные, все были трудные, с тяжелыми характерами, порой мелочны и придирчивы. Но всех их роднило одно — отношение к теат-

Матросский театр...

Слава о театре Краснознаменного Северного флота гремит по всему Заполярью: его любят, знают, и ждут с нетерпением на кораблях, подводных лодках, в гарнизонах.

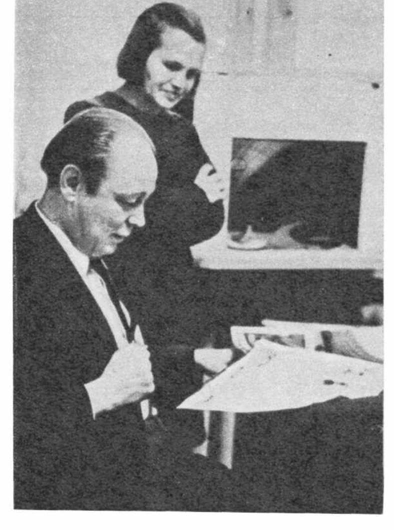
Нет дня, чтобы актеры театра Северного флота куда-нибудь не выезжали. А не каждый выдержит кочевую жизнь: сегодня тебя в грузовике бросает по кочкам, завтра пурга заметает дороги, и глохнет мотор, и все актеры стоят в кузове, согревая теплом друг друга, или толкают свой автобус через перевалы... После пяти-шестичасовой тряски, загримировавшись, с веселыми, бодрыми лицами они выходят на сцену, и вид переполненной радостью публики, молодых матросов, буквально преображает артистов. Они уже подтянуты, в форме. А ведь после спектакля или концерта предстоит нелегкий путь обратно...

Театр бывает в таких отдаленных и безлюдных уголках, где, кроме скал и моря, ничего вокруг нет. Матросы, которые несут здесь вахту на КП, встречают актеров как самых дорогих гостей.

Это театр энтузиастов, талантливых и увлеченных людей. Здесь каждый «все может», и дарование каждого раскрывается полно и глубоко. С кем ни поговори, любой скажет, что именно здесь он вырос творчески.

Г. СМЕТАНИНА

Фото Г. САНЬКО.

Режиссер Г. Эрнст и главный художник А. Мещанинова обсуждают оформление спектакля «Лейтенант Шмидт».

Антифашистская пьеса Брехта о Швейке — премьера театра. В роли Швейка — выпускник Ленинградского театрального училища М. Уржумцев; немецкий солдат — артист А. Вербец.

Героинь Марины Скоромниковой зрители принимают, как близких, плачут и радуются вместе с ними.

Артист Сергей Садиков в прошлом — штурман звена бомбардировщиков, на его счету 546 вылетов. Он освобождал Ленинград и Варшаву, закончил войну в Германии. Сейчас он готовится сыграть роль лейтенанта Шмидта.

ру. Если меня спросят, в чем моя религия, я скажу: мы служили музыке и театру с рождения. Ради них мы отказывались от всего. Мне не нравится твой Пролеткульт. Мне кажется, что это не то, чему следует служить. Бетховену служить нужно. И Мусоргскому служить нужно. И Вагнеру и Моцарту. А Пролеткульту служить не нужно. То, что ты мне рассказываешь, мне кажется очень несерьезным, недостойным. Ради чего умирали люди, ради чего они жили? Я много ошибался в жизни, часто бывал несправедлив, заносчив, эгоистичен. Сегодня приезжает сюда твоя мама. И перед ней я виноват. Я знаю, она меня простила, написала мне... Потому что она всегда меня понимала лучше других людей. Много лет прожила она со мной и знает меня лучше всех.

И, как бы читая мои мысли, он сказал:

— Поезд приходит вечером. Ни ты, ни я не сможем ее встретить. У тебя спектакль. Я в постели. Она сама доберется с вокзала. Мне сразу станет легче. Может быть, я поправлюсь. И мы снова заживем, как раньше...

Он откинулся на подушки. Задремал. Потом вдруг открыл глаза, как после долгого сна.

— Обещай мне, что никогда не покинешь ее. Будешь с ней. Ты искупишь мою вину перед ней...

Я старался отвлечь его. Посмеялся над его тоном, упрекнул, что он нарочно пугает меня.

Но он был серьезен.

— Я знаю, что ты ни о чем не думаешь, кроме театра. Ты ничего так на свете не любишь, как театр. Все мои усилия отвлечь тебя, запреты, угрозы, мольбы ни к чему не привели. Что ж, будь по-твоему. Об одном только ты должен помнить: ты никогда не должен предавать театр. Предав его, ты предашь и нас: и меня, и мать, и деда, всех, отдавших ему жизнь. Сцена любит сильных, талантливых, одержимых... Если поймешь, что нет у тебя силы, веры, таланта, уходи. Сам уходи, пока тебя не выгнали. Я очень хотел стать певцом, у меня для этого были и темперамент, и внешность, и музыкальность. Но был скверный голос. И тут уж ничего не поделаешь. Я старался вложить то, что знал, в других, в моих учеников, в молодых...

Он опять замолчал.

— Папа,— сказал я. Я так давно уже не называл его.— А как отличить дурное от настоящего? Как сделать так, чтоб не обманываться?

— Не знаю... Нужно слушать музыку.

— Ходить на концерты?

— Нет. В самом себе. Если она в тебе, если ты сам часть музыки, ее тема и мелодия и не различаешь, где ты, где она... Вот нахлынет и поет, и кажется, что иначе и не может быть. А когда замолкнет, оборвется, и ты начинаешь думать. О чем угодно, о чужом, о мелком... Тогда плохо... Проверяй себя музыкой. Она совесть артиста, его смысл...

Я не понял тогда слов отца. Вернее, понял, но слишком поверхностно. Ну, он музыкант, думал я. А меня это не касается, я ведь принадлежу драматическому театру...

Отец заснул. Я ушел.

В клубе почтамта мы играли «Обезьяний суд». Я переставлял шкаф, терял брюки, стукался головой о щиты, уползал за кулисы, потешал публику. И было мне несмешно, было противно и пусто на душе. Музыка во мне молчала.

Закончив спектакль, мы побежали на Воздвиженку, на ночную репетицию. Там уже все готово для изображения сцены аристократов-штрейкбрехеров в шахте. Мы поджигали шнур для взрыва породы, и в лепной потолок с визгом взвивалась ракета и там рассыпалась маленькими звездочками. Мы по ошибке били кирками друг друга по голове и с криками «караул!» разбегались в разные стороны. Автор и постановщик были нами довольны.

А когда во втором часу ночи кончилась репетиция, трамваи не ходили, к отцу нельзя, а возвращаться пешком в Марьину Рощу далеко, наш второй режиссер Вася Боголюбов пригласил меня к себе.

Боголюбову было не более двадцати четырех лет. Несмотря на это, он был участником гражданской войны, старым коммунистом и редактором Главреперткома. Жил он в гостинице «Метрополь», часть комнат там была отведена работникам Наркомпроса, куда входил и Главрепертком.

Мы сидели у Васи Боголюбова, с ним, с его молодой женой, тоже режиссером из самодеятельности, с администратором Володей Поваровым, пили горячий чай. Вася Боголюбов говорил без умолку. Он был очень возбужден. Позавчера состоялась генеральная репетиция «Дней Турбиных» в переделанном варианте. Репертком снова запретил спектакль. ЦК разрешил его. Члены реперткома подали в отставку. Два дня шло совещание в Наркомпросе. Спорили до хрипоты. В репертком всякий день приходили люди, бывшие участники гражданской войны, показывали шрамы от ран, возмущались романтизацией белогвардейцев, стремлением вызвать жалость к врагам. Они требовали суда над Булгаковым, Станиславским и художественниками, оскорбившими память людей, погибших от «этих самых Турбиных». Были и другие, и их было большинство. Они ломились на спектакль МХАТа, стояли с утра в очереди, устраивали овации участникам.

В Театральном обществе, в союзах писателей (их было тогда несколько), в Пролеткульте, в Доме печати, на партийных собраниях шли споры, зачитывали коллективные письма, выносили резолюции...

Я много раз смотрел этот спектакль. И каждый раз мне не хотелось уходить из театра. То, что показывали художественни-

На спектакле в городе Полярном.

ки, совсем расходилось с тем, что показывали другие театры и писали другие драматурги. Здесь не было шаржа, лубка, указующего перста режиссера, масок площадного театра. Была гибель заблудившихся людей, неминуемый ход истории... Теперь, через четыре десятилетия с лишним, пьеса все еще идет с успехом во многих городах и во многих странах.

Вася Боголюбов вместе с семнадцатилетним сыном редактора Главреперткома, недавно приехавшим из Ярославля, писал пьесу — ответ Булгакову.

Пили чай, спорили, читали отрывки из «Белого дома», говорили о реперткоме, о Булгакове, о Плетневе, о новой пьесе Билль-Белоцерковского — продолжении «Шторма» под названием «Штиль». Там матрос Братишка, попавший в условия мирной жизни, никак не мог смириться с нэпом, пил, громил нэпманов... Не знали, что делать с этой пьесой. Плакали, когда ее читали, сочувствовали Братишке. Читали новое стихотворение молодого поэта Светлова, которое кончалось строками:

Молчаливо проходит луна.
Неподвижно стоит тишина.
В ней — усталость ночных сторожей,
В ней — бессонница наших ночей.

— Напиши, товарищ,— кричал мне Вася Боголюбов,— пьесу под названием «Усталость ночных сторожей», расскажи о том, как некоторые люди предали революцию! Я дам тебе материал.

Но я тогда еще пьес не писал, хотя все вокруг их писали. Настроения Васи мне были понятны. Я и сам ненавидел нэпманов, их экипажи на дутых шинах, их попойки в Петровском парке, их жен с бриллиантами на толстых пальцах...

В три часа утра пришел заместитель начальника Главреперткома, знаменитый критик Иван Иванович Берендей, живший тоже в «Метрополе», в соседней комнате. Он был автором нескольких статей против «Турбиных» и инициатором демонстративной самоотставки членов реперткома до тех пор, пока ему не сообщили, что подобные методы борьбы являются анархизмом и партизанщиной.

Поговорили еще, поспорили, покричали и легли спать. В семь я оделся и тихонько ушел. Перевозил трансформирующийся шкаф из клуба почтамта у Мясницких ворот в клуб у Рогожско-Симоновской заставы. Разбирал, таскал, собирал, готовил сцену к вечернему спектаклю. Освободился только в два часа дня. И сразу побежал к отцу.

Мама мне открыла дверь и сказала шепотом:

— Папе плохо...

Я прошел в комнату, где лежал отец. Он умер ночью. Может быть, в тот момент, когда я репетировал в Пролеткульте. Может быть, когда я спорил в «Метрополе». Дождался маму. И умер на ее руках.

На третий день его хоронили.

За катафалком, запряженным лошадьми из двора Казеннова, управляемыми Аликом Батищевым, шел духовой оркестр, составленный из слушателей капельмейстерских курсов. Они играли Шопена и Бетховена.

Немногочисленная наша процессия шла от Петровского переулка, где помещались курсы капельмейстеров, мимо театра Корша, по Воздвиженке, мимо Пролеткульта, по Арбату, мимо «Праги», мимо «Карнавала», мимо арбатского «Арса».

Дорогомилово. Там, где сейчас пролегает широкий Кутузовский проспект. Но тогда еще не было ни высоких, красивых домов, ни асфальтовой мостовой, ни тоннеля, ни светофоров. Лежал снег. Оканчивался тысяча девятьсот двадцать шестой. У порога стоял новый, переломный для всей страны, для каждого из нас год.

Мы шли с матерью за катафалком. Каждый из нас думал о своем. А вместе — как будем жить дальше. В эти дни мы трое бросили сцену навсегда. Отец отслужил свое. Теперь он будет жить в воспоминаниях учеников, изредка в театральных мемуарах, в рассказах о нем. Мать в ночь смерти отца потеряла голос. Она говорила шепотом, потому что не могла говорить громко. Никогда ее теплый, серебряный голос уже не звучал больше со сцены. Она пережила своего мужа на сорок один год. Но я думаю, не было дня, когда бы она не думала о нем. Я еще некоторое время выступал в Пролеткульте и в «Метле», но все-таки я уже бросил сцену. Простился с мечтой стать актером. После каждого спектакля мне было томительно плохо, я плакал ночами, стыдился себя. Думал о Пролеткульте, о Васе Боголюбове, об усталости ночных сторожей. На кладбище горели костры, от огня оттаивала земля. За дымом вставали силуэты нового города. И музыка играла.

И даже когда все было кончено, засыпана земля и на ней поземкой легла тонкая пелена и курсанты — будущие капельмейстеры — зачехлили свои трубы, выпили спирту и пошли к себе в общежитие, музыка все равно играла.

Звучит она и до сих пор. А когда замолкает, становится тревожно. Тогда я стараюсь вспомнить юность, театр, отца, город на Неве, где родился и начал свое детство, и город на юге, где жил потом, профшколу строительной специальности, драматические курсы, первую мою любовь и Москву, город, где прошла почти вся моя сознательная жизнь, где нашел друзей, и снова любовь, и снова театр... И я жду. Когда же она снова зазвучит? Жду. Немного волнуюсь: а вдруг... Нет, вот она. Вступительные аккорды, начало мелодии. Сперва едва-едва. Потом все увереннее, наступательнее, властнее. Вот она снова со мной. И я, я снова с ней. В ней. Я часть ее.

Неужели вы ее не слышите?

«ТИХИЙ ДОН» СРАЖАЕТСЯ

Недавно в Ростовском областном музее краеведения открылась литературно-документальная выставка, которая сразу привлекла внимание всех, кому дорога литература.

Казалось бы, ничего особенного, выставка как выставка: книги, рукописи, письма, фотографии, исторические документы, связанные с произведениями Михаила Александровича Шолохова. Выставка так и называется «Тихий Дон» сражается».

Но вот тут-то и необычность и значительность этой совершенно оригинальной, я бы сказал, уникальной экспозиции.

С судьбами книг М. А. Шолохова, изданных в разное время в нашей стране, мы знакомы. Известно нам и то, как тянутся к романам и рассказам Михаила Александровича зарубежные читатели. На семидесяти трех языках мира изданы произведения писателя. Тиражи шолоховских книг исчисляются десятками миллионов экземпляров. Сколько волнующего написано и прочитано о жизни «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека» на иных континентах!.. И все же такой выставки, как вот эта, открывшаяся в Ростове, нет ни в одном другом городе. Собранные воедино из тридцати различных стран книги М. А. Шолохова, отзывы о них, одни — добрые, благоговейно признательные, другие — исполненные страха перед этой великой и неподкупной Правдой, письма, фотокопии, снимки первых переводчиков и издателей, газетные и журнальные статьи, высказывания о Михаиле Шолохове знаменитых иностранных писателей и выдающихся деятелей международного коммунистического движения,— представленная в одном зале эта многоликая жизнеутверждающая, революционная судьба «Тихого Дона», какая выпала этой могучей книге, и делает выставку единственной в своем роде.

Стенды выставки, словно страницы захватывающей книги, рассказывают нам о том, что было с «Тихим Доном» в Германии, Франции, Англии, Венгрии, Китае, Японии, Австралии, Швеции, Польше, Чехословакии...

Сколько преград ставила буржуазная цензура перед романом! Налагала арест, прятала в каземат, сжигала на кострах, жестоко расправлялась с переводчиками, но все безуспешно! «Тихий Дон» продолжал свою удивительную жизнь, триумфальное шествие по нашей планете. Перед ними были бессильны железные занавесы, он властно вступал на новые земли, неудержимо шел через континенты — к сердцам людей всего мира.

А кто же подготовил эту удивительную экспозицию? Ростовский журналист К. И. Прийма, отдавший этому благородному делу много лет. С помощью сотрудников Ростовского музея краеведения он и открыл эту волнующую шолоховскую выставку.

Михаил **АНДРИАСОВ**

Ростов-на-Дону.

АДРЕС ПОДСКАЗАН ЧИТАТЕЛЕМ...

Ю. ЛУШИН
Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька».

Есть в Сибири город, в который всегда приезжаешь с удовольствием, искренней радостью. Это Тобольск, старинный русский город. У него богатая история, но у него и много забот сегодня. Не заглянут ли туда ваши корреспонденты?..

В. АЛЕКСЕЕВ,
научный сотрудник Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР

„ГРАД СТОЛЬНЫЙ...“

...Я вышел на улицу из малышки церковки, огляделся, и меня вдруг глубоко поразило несоответствие только что виденного вот этим веселым деревьям в куржачке, и кремлевским белокаменным постройкам, и рокоту самолетов в небе, и стайке разноцветных лыжниц, и парням на тарахтящем мотоцикле... Но ведь и это и то — все Тобольск. И это и то — все мое, Отечество, Русь...

...Как-то незнакомо и невольно приглушенно звучали наши голоса в ризнице старого Софийского собора, где находится мастерская художника Остапа Шруба. Сюда я и шел вначале, да по незнанию забрел в другую церковь, действующую. Собор стар. Это одна из первых каменных построек в Сибири — 1686 год. К сожалению, росписи на стенах храма не сохранены, да и сам он долгое время был в забвении, запустении. Лишь совсем недавно купола Софии перекрывали заново.

— Тобольск меня покорил сразу,— негромко говорил Остап Шруб,— как только я поднялся по крутой деревянной лестнице Прямского взвоза к Рентерее — хранилищу казны. А потом шел по пандусу в узком ущелье между высокими каменными откосами кремля, вверху над головой постепенно вырастали величавые купола соборной колокольни и Софии, и горло перехватывало от восхищения. Я готов целый день бродить по кремлю, или под горой, возле похожего на сказку деревянного терема драматического театра, которому 265 лет, или среди могил декабристов... Такой вот город Тобольск. Тысячи раз смотрел я на эти купола на заре, на закате, в белые весенние черемуховые ночи, в белые зимние дни, а все не надоедает...

Когда я услышал эти слова Остапа Шруба, мне вспомнился человек, который жил еще в петровские времена. Я много о нем читал — о первом архитекторе Тобольска и строителе кремля Семене Ульяновиче Ремезове.

Через два года после гибели Ермака у Алафейской горы, на месте нынешнего Тобольска, возник острог, крепость. Место выбрали удачно: «жить можно было бесстрашно». Да вот беда: деревянный город постоянно страдал от пожаров и наводнений. Он 14 раз выгорал дотла! И когда со дня основания крепости прошло чуть поболе века, то в Москву был вызван Петром боярский сын Семен Ремезов. Вскорости двинулся он в обратный путь с грамотой Сибирского приказа, коя повелевала ему «быть у каменного строенья в городе Тобольске для того, чтоб ему всякие чертежи делать за обычай; и как сваи бить, и глину разминать, и на гору известь, и камень, и воду, и иные припасы втаскивать и о том ему на Москве пространно и довольно сказано». Семен Ремезов не успел до конца воплотить свои замыслы, но до конца был у каменного строения, и город построен по его проекту. «От сердца умер, сердца много расходовал, щедр на труды был человек»,— сказал народ после его смерти.

Примерно в то время город получил славное звание стольного града Тобольска, принимал иностранных послов наравне с Москвой, вел торговлю с Бухарой, Хивой, Дальним Востоком и странами Западной Европы, строил множество каменных церквей. Архитектура их непохожа ни на какую другую, и потомки назвали ее Тобольским барокко.

С развитием железных дорог время безжалостно отобрало у Тобольска гордое звание стольного, и присвоило ему другое, пренебрежительное — захолустный. Таким и вошел он в наш атомный век. Но нельзя забывать, что он дал России немало славных: поэта Ершова, художника Перова, композитора Алябьева, химика Менделеева... А можно ли забыть «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» — первый сибирский литературный журнал, выходивший в Тобольске. Или первые в Сибири почту, типографию и славяно-русскую школу. Или, наконец, первый же в России провинциальный драматический театр.

Отрадно, что не забыт и первостроитель Тобольска — Ремезов. На крепостной стене — его мозаичный портрет с гербом Тобольска и надписью по сторонам: «Славному сыну земли русской Семену Ремезову — зодчему, художнику, картографу, летописцу благодарные тоболяки». А мозаику сделал бывший старший лейтенант родом с Украины, уже знакомый нам художник Остап Шруб.

Этот город вобрал в себя такое богатство русской архитектуры, какого, пожалуй, нигде больше нет. Есть, может, красивее, но похожего — нигде. Да вот беда — не очень-то пекутся о всех этих ценностях в бывшем «граде стольном». Мне рассказывал почетный гражданин Тобольска, заслуженный врач России Алексей Григорьевич Тутолмин, как удалось спасти от сноса дивной красы Спасскую церковь. Художники размножили и распространили по городу «Воззвание Совета рабочих и крестьянских депутатов» первых лет революции: «Граждане, старые хозяева ушли. После них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу. Граждане, берегите это наследство, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших...» Так ставили вопрос наши отцы в трудные первые годы Советской республики.

С памятью народной обращаться надобно бережно. В Тобольске же о настоящей охране памятников пекутся лишь немногие энтузиасты. И кое-что им удается. Восстанавливаются сторожевые башенки и зубчатые стены кремля. Добрый десяток лет на помощь приезжает инженер Центральных реставрационных мастерских Федор Григорьевич Дубровин. Между тем давно уже назрела необходимость открыть в самом Тобольске реставрационно-художественную мастерскую.

А «почему нельзя в соборе разместить планетарий, антирелигиозный музей (в Тобольске он нужен позарез), картинную галерею? Кстати, такая галерея была в Тобольске, но картины из нее вывезли в Тюмень и сложили в подвал областной галереи». Слова эти писаны почти что три года назад тюменским писателем К. Лагуновым. Но ведь не сделано с тех пор ничего. В конце концов в том же соборе можно открыть великолепный Дом культуры, как предлагает Шруб. Громадный зал получился бы с превосходной акустикой.

Срочного ремонта требует уникальный деревянный театр. Ремонт займет минимум два года, а другой сцены в городе нет. Если же строить новый, то на это уйдет лет семь. А как быть с труппой?

Мне рассказывали о Татьяне Дорофеевне Рожковой, лучше которой никто не знает богатейший, редкостный Тобольский архив. В нем собраны рукописи и старопечатные книги, начиная с XV века. Огромное богатство, большая часть которого еще не изучена. Сюда приезжают исследователи из многих городов российских и не только российских. Так вот, Татьяна Дорофеевна организовала на общественных началах бригаду по изучению истории Тобольска — это студенты педагогического института. Они разыскивают схемы планировки парка Ермака, хлопочут о его восстановлении и по мере сил своих охраняют архитектурные ценности. А краеведческий музей! В его библиотеке хранятся редчайшие документы, а обнародовать их негде. И лежит нетронутым ценнейший капитал, хотя раньше музей издавал «Ежегодник» объемом 10—12 печатных листов... Но надо надеяться, что все это наладится, ибо уж очень любят свой город тобольчане. С гордостью рассказывают они о его будущем. По генеральному плану население тут увеличится к 1980 году с 53 тысяч до 200 тысяч человек. Целый день возил нас по Тобольску его главный архитектор Борис Федорович Козлов и показывал:

— Здесь встанет большой речной порт, тут выстроим новую косторезную фабрику — будем и дальше развивать старинный тобольский промысел. Скоро войдет в строй фанерный комбинат... Главное же, что определит судьбу города,— это развитие гигантских нефтехимического и лесопромышленного комплексов.

...Для русского человека символ Отечества — Красная площадь. Для сибиряка символ Сибири — Тобольск, хотя есть города и больше и главнее его. И следует со всей заботливостью отнестись к нему, к его ценностям, к его тревогам сегодняшним, думам о будущем. И тут нельзя не вспомнить мудрые слова поэта: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки...»

На диком бреге Иртыша... Со всех сторон, со всех дальних подъездов виден величественный Тобольский кремль.

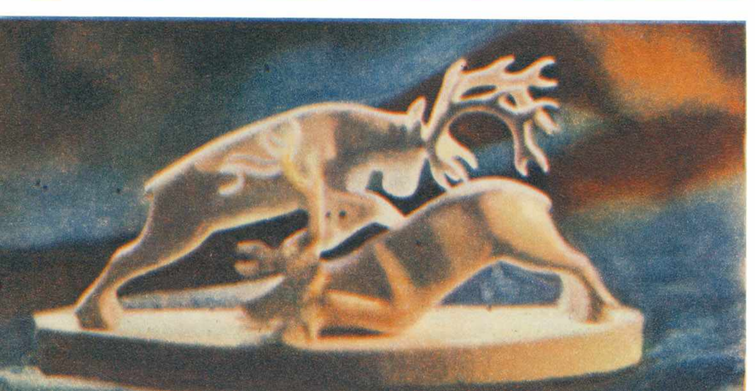
Фото Л. Шерстенникова.

Сограждане великого сказочника Ершова — юные артисты из детского театра «Петрушка».

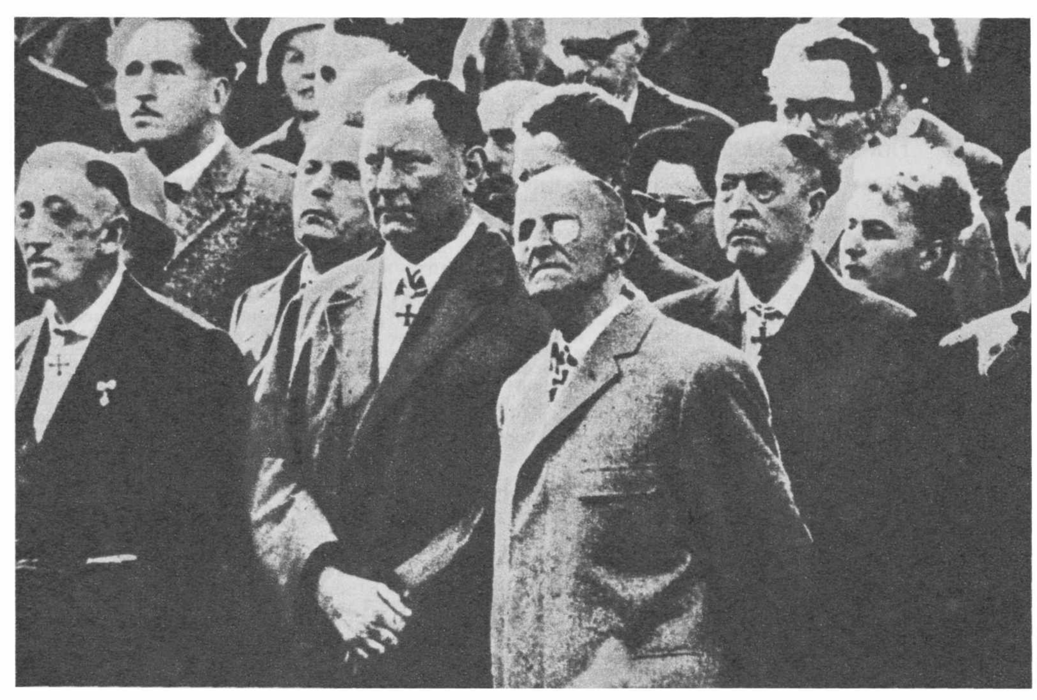

Кость, ожившая под руками тобольских мастеров Г. Хазова, И. Терехова, В. Синицких.

Бывшие нацисты, с гордостью нацепившие гитлеровские «железные кресты», будут только рады новому провокационному шагу боннского правительства: проведению выборов президента ФРГ в Западном Берлине.

Дурной пример кайзера Вильгельма

Генрих ГУРКОВ,
Константин САВВИН

Над крышей сверкающего небоскреба, вознесенного в сумеречное зимнее небо, лениво, торжественно крутится неоновая эмблема автомобильной компании «Мерседес-Бенц». Если взобраться на смотровую площадку под неоновым обручем, то увидишь поблескивающие спины автомобилей, приткнувшихся нескончаемым рядом на стоянках вдоль Курфюрстендамм, витрины магазинов и магазинчиков, рекламы, людской муравейник на пешеходных переходах. И еще увидишь в самом центре площади церковь. Называется она «церковь памяти кайзера Вильгельма» — того самого, который был в свое время прусским королем, а в 1871 году стал кайзером германской империи. Империя эта, как известно, была провозглашена не в Берлине, а в Париже, в Зеркальном зале Версальского дворца. Прусская военщина и восхищенные обыватели неистово орали «хох!» — это было так упоительно нагло, так вызывающе, так великогермански — короновать главу государства в чужой, поверженной столице.

Впрочем, оказалось, что это дурная примета. Империя, столь самоуверенно и высокомерно шагнувшая в историю, на протяжении жизни одного поколения была дважды разгромлена в мировых войнах. И, вероятно, символично, что весной сорок пятого на месте церкви памяти кайзера Вильгельма дымились руины, и лишь обгоревший перст колокольни предупреждающе поднимался над увешанным белыми флагами городом. С тех пор колокольню почистили, подлатали, окружили супермодерной пристройкой, похожей на голубые соты. Как-то ночью здесь везли в черном «мерседесе» одного известного в прошлом архитектора. И он очень одобрительно отозвался об этом сооружении. Архитектора звали Альберт Шпеер, по совместительству он был министром вооружений (третьего рейха), и приговор, вынесенный в Нюрнберге, на двадцать лет оторвал его от архитектурных упражнений. Эти двадцать лет Шпеер провел за стенами союзнической тюрьмы в Шпандау в Западном Берлине. Утром первого октября 1966 года тогдашний правящий бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт послал букет цветов дочери Шпеера, а ровно в полночь из ворот тюрьмы выехали «мерседесы». В одном был экс-архитектор, в другом — его коллега по Нюрнбергу и Шпандау шеф «Гитлерюгенда» Бальдур фон Ширах.

Мы были той ночью у ворот Шпандау, и мы видели, как многие из собравшейся толпы аплодировали вслед промчавшимся черным машинам. И еще мы видели, как толпа теснила английский караул, как кто-то начал, а другие подхватили слова гимна штурмовиков: «Мы будем маршировать дальше, и пусть все разлетится в клочья, ведь сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир».

Пройдет месяц-другой после той октябрьской ночи, и в ландтаги Гессена и Баварии замаршируют первые депутаты неонацистской НДП. Пройдет еще полтора года, и число голосов, поданных за неонацистов на земельных выборах, перешагнет двухмиллионную границу. И на Курфюрстендамм возле кайзеровской церкви под неоновой эмблемой, раскручивающей минуты и часы 1968 года, появятся кровавого цвета плакаты с белым кругом посредине и словами: «НДП уже здесь!» И герр Рудольф Кендзиа, местный западноберлинский фюрер неокоричневых, будет излагать журналистам план победоносного вступления в Шенебергскую ратушу. И, нарушая законы ГДР, запрещающие проезд через территорию республики неонацистам и провоз их литературы, фон Тадден и его люди будут летать в Западный Берлин и отправлять в киоски города свой листок «Дойче Нахрихтен»...

Неумеренность амбиций во все времена была свойственна правителям государства, рожденного в Зеркальном зале Версаля. Но когда в эти дни с берегов Рейна на берега Шпрее в Западный Берлин, никогда не принадлежавший идейному преемнику рейха, собираются доставить федеральных депутатов федерального собрания, чтобы избрать здесь президента,— это не просто продолжение тех, старых традиций, завершившихся руинами сорок пятого. Это вызов новой Германии, Германии социалистической, навсегда покончившей с милитаризмом и шовинистскими бреднями. Вызов, брошенный ГДР и ее союзникам.

В связи с тем, что в здании бывшего рейхстага, как говорят, еще не высохла штукатурка, выборы 5 марта было решено провести в зале «Восточная Пруссия», возле радиобашни. «Восточная Пруссия» — это, конечно, очень подошло двадцати двум депутатам тадденовской партии во главе с самим Адольфом II, которые намерены принять участие в федеральном собрании. Решено было, что коричневая фракция заблаговременно соберется в Западном Берлине и проведет манифестацию с местными единомышленниками. Кстати, названия пивных, в которых любят собираться Кендзиа и его собратья, говорят сами за себя: «К Мекленбургу», «Барбаросса», «К Восточной Пруссии», «Звезда кайзера». Нет, там уже не просто оплакивают, как прежде, «печальную судьбу отечества», скупая мужская слеза все реже падает в пивную пену. В комнатах, на дверях которых вывешены таблички «Закрытое общество», идет разговор о конкретных вещах: как проникнуть в ряды сенатской администрации и западноберлинской полиции, как пробиться в районные ратуши, как завоевать новых единомышленников. Коричневая эскалация...

Задачи, которые ставит западноберлинская организация НДП, увы, отнюдь не утопичны. Разве мало чиновников городской администрации и полиции явно или скрыто симпатизирует идеям и лозунгам неонаци? Разве провокация с выборами президента Западной Германии за пределами территории ФРГ не могла родиться с таким же успехом не во дворце Шаумбург, а на Мариенштрассе в Ганновере, где расположено правление НДП, или в пивной «Звезда кайзера»?

— Нет, мы не хотим быть втянутыми в шумиху, поднимаемую вокруг федерального собрания, потому что созываем общегерманское собрание членов нашей партии после 5 марта, после выборов федерального президента,— это заявил нам господин Кендзиа, когда мы позвонили в его бюро и поинтересовались, что намерена предпринять западноберлинская организация НДП в ближайшее время.

Кендзиа лгал. Не в отношении срока городского собрания, нет. В другом — в вопросе о «непричастности» НДП к мартовской провокации Бонна. «С помощью большой мамы в Федеративной республике,— сказал недавно тот же Кендзиа, назвав так в интервью со «Шпигелем» партию фон Таддена,— наша организация быстро встанет на ноги». Здесь лидер западноберлинских коричневых уже не кривил душой.

Забыт устроенный в конце прошлого года спектакль с «самороспуском» западноберлинской НДП. Используя обострение напряжения, вызванное официальным Бонном, клан Кендзиа снова вышел из кратковременного подполья. С помощью «большой мамы из ФРГ» при попустительстве, если не поддержке, господ из Шенебергской ратуши НДП Западного Берлина вновь готова с открытым забралом промаршировать по набережным Шпрее. Уже разработан и ждет своего претворения в жизнь поэтапный план «крестового похода». На пятнадцатое марта объявлено проведение общего собрания местной НДП, на апрель — «ее земельный съезд», на май — пропагандистская агитация с громким названием «День НДП в Западном Берлине». Вожак местного неокоричневого воинства не любит вспоминать о неприятном эпизоде с «самороспуском». Его взгляд устремлен вперед. Он объявил об участии своей партии в предстоящих в 1971 году выборах в берлинское городское собрание депутатов. Герр Кендзиа рвется в Шенебергскую ратушу, справедливо полагая, что раздуваемая вождями ФРГ провокационная возня в Западном Берлине льет воду на его мельницу. Реваншизм и неофашизм всегда шли в ногу.

...Крутится над Западным Берлином неоновый обруч. Крутится, отсчитывая минуты и часы 1969 года. И бьют куранты на побитой колокольне церкви памяти кайзера Вильгельма, который очень любил короноваться в городах, ему не принадлежавших, что обычно плохо кончается...

Западный Берлин
(по телефону).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Итак, я ничего не сказал и на этот раз, мне помешал Трэнт. Возвращаясь на такси домой, я все время цеплялся за это обстоятельство, внушая себе, что так уж случилось и я здесь ни при чем. К стыду своему, должен признаться, что я тут же начал придумывать всякие причины, которые и в дальнейшем оправдывали бы мое молчание. В конце концов все затеяла сама Анжелика. Вероятно, у нее есть какой-то план, и она намерена доказать, что действительно была в кино и что все, что случилось, не имеет и не может иметь ко мне никакого отношения. Во всяком случае, нелепо пороть горячку и выбалтывать все, что мне известно, по крайней мере до разговора с Анжеликой. Она не виновна, и я уверял себя, что людей не судят за преступления, которые они не совершали. Возможно к тому же, что Трэнт скоро найдет настоящего убийцу, и Анжелику освободят. Если она сама нашла нужным умолчать обо мне, почему же я, рискуя потерять так много, должен протестовать?

Я почти уговорил себя и почти усыпил свои сомнения к тому моменту, когда вернулся домой и открывал дверь в квартиру. В будущем, в каком-то отдаленном будущем я, возможно, предприму что-нибудь решительное, а пока самое разумное — всячески тянуть время. Конечно, придется сказать Бетси об аресте Анжелики, тем более что сообщение об этом обязательно появится в газетах. Но и только. Все обойдется, если я не потеряю самообладания, как уже едва не потерял в кабинете Трэнта.

Бетси я застал дома, она переодевалась в спальне, чтобы поехать к Ч. Д. Я рассказал ей об Анжелике, и ее лицо от изумления стало почти глупым. Видимо, обманывая жену, я настолько преуспел, что она не сразу сообразила, о какой Анжелике я говорю. Она считала, что Анжелика давным-давно живет в Европе.

— Подожди, но почему же Джейми никогда не говорил об Анжелике, если он ее действительно знал и она проживала в Нью-Йорке?

— Ну, видимо, потому, что она взяла с него слово молчать... Бетси, сегодня ее должны привезти в Нью-Йорк, и Трэнт говорит, что я могу ее навестить. По-моему, я обязан это сделать. Ты не возражаешь поехать к Ч. Д. одна?

— Конечно. Пожалуй, мне следует рассказать ему об этом, ты не находишь? Пока он сам не прочтет в газетах. Старик страшно разозлится, ведь газеты постараются на весь свет раструбить, что она твоя бывшая жена и все такое.— С подавленным видом Бетси взглянула на меня.— Это ее рук дело?

— Откуда же мне знать!

— И зачем только ей вздумалось вернуться в Нью-Йорк? Неужели она не могла... Извини, Биль. Мне ее жаль, и ты обязан сделать для нее все, что можешь.

Бетси села на кровать и стала надевать чулки.

— Представляю, как все это неприятно тебе. И какие...— Она на мгновение остановилась, но потом решительно закончила:— ...и какие неприятности это сулит Рикки. Что бы ни случилось, мы обязаны держать Рикки в стороне. Он не должен ничего знать. Ничего!

В самом дурном настроении я болтался в спальне, пока Бетси одевалась. Закончив сборы, она сходила на кухню и дала кухарке указания, чем покормить меня на ужин. Я проводил ее до выхода. У двери она поцеловала меня.

— Постарайся успокоиться, любимый.

Продолжая обнимать Бетси, я заметил недоуменную морщинку у нее на лбу.

— Ты говоришь, Анжелика сама купила пистолет?

— Да.

— Почему же Трэнт не сказал тебе об этом тогда, по телефону?

— Вероятно, она назвала другую фамилию.

— Ты так думаешь?— Бетси улыбнулась, удовлетворенная моим ответом.— До свидания, милый. Я постараюсь сделать с отцом все, что смогу. Надеюсь, у Анжелики все кончится... хорошо. Скажи ей об этом от моего имени.

Трэнт позвонил в половине одиннадцатого.

— Она здесь, в главном управлении полиции, и готова встретиться с вами.

— Хорошо, еду.

— На вашем месте, мистер Гардинг, я бы не стал так переживать. Мы сейчас подбираем для нее защитника и всячески стараемся облегчить ее положение.

Главное управление полиции Нью-Йорка наводило такое же мрачное уныние, как и отделение, в котором я недавно побывал, с той лишь разницей, что тут человек чувствовал себя еще более подавленным. Я ожидал встретить Трэнта, но его не оказалось, хотя о моем визите здесь знали. По бесконечным коридорам полицейский привел меня в какую-то скверную комнатушку и ушел. Вскоре другой полицейский привел Анжелику и тоже ушел, оставив нас с глазу на глаз. Впрочем, я знал, что он стоит у двери, знал, что Анжелику доставили сюда из камеры, что между нами возвышается Закон, который почему-то представлялся мне в образе Трэнта.

На Анжелике был тот же самый поношенный черный костюм, что и в день ее отъезда из Нью-Йорка. Я всегда считал, что душевные переживания накладывают на человека отпечаток. Но Анжелика совсем не изменилась, разве что выглядела несколько бледной и утомленной. Ее яркая, чувственная красота, казалось, была неподвластна времени.

Анжелика даже не поздоровалась со мной; на ее лице застыло выражение упрямства, столь хорошо знакомое мне по прежним временам и означавшее: «Я знаю, что делаю».

— Я ничего им не сказала и не скажу.

— Я так и понял.

— Собственно, мне нечего сказать и тебе, но попробую, а потом ты уйдешь. Я много передумала и многое поняла. Ты не имеешь никакого отношения к тому, что случилось, всю ответственность должна нести я. Если бы я не позвонила тебе в тот вечер, ты бы вообще ничего не знал. Какой смысл впутывать тебя, тем более что ничего страшного не произошло. По закону я невиновна, пока моя вина не доказана. Ну, а смогут ли доказать полицейские, что я не была в кино? Уж ты-то знаешь, что я никого не убивала. Полицейские могут продержать меня здесь день-другой, и на том все кончится.

У Анжелики была с собой сумочка. Она хотела открыть ее, но раздумала.

— У тебя есть сигареты?

Я закурил сигарету и, передавая пачку Анжелике, не без смущения сказал:

— Можешь оставить себе.

Анжелика спрятала пачку в сумочку, не спуская с меня спокойного взгляда.

— Да ты и сам это понимаешь. Скорее всего, полицейские в ближайшие дни найдут убийцу, и все кончится. А пока мам не надо говорить ничего лишнего, иначе ты всю жизнь будешь ненавидеть и себя и меня. Ну вот. А теперь отправляйся домой и предоставь остальное мне.

Анжелика повторила те самые аргументы, которыми чуть раньше я пытался успокоить себя. Теперь они казались мне еще более убедительными, поскольку исходили от Анжелики и поскольку я вовсе не возражал, чтобы меня убедили. Все сильнее мне хотелось согласиться с ней, и в то же время я презирал себя за такие мысли.

С какой-то сверхъестественной проницательностью Анжелика добавила:

— Ты глубоко заблуждаешься, если думаешь, что я поступаю так ради тебя. Совсем нет. Ради себя.

— Ради себя?

— Не так уж трудно понять. Что я делала все прошедшие годы? Чарльз Мэйтленд, Джейми Лэмб... Жила вздорной надеждой, что могу спасать людей своей любовью. Мне бы давно следовало понять, что все это глупое тщеславие, попытка как-то оправдать тот факт, что приходится общаться с разными подонками. Пора с этим кончать. Я нашла Джейми — я и должна нести ответственность. Вот уже сколько лет я напрашивалась на добрый пинок — наконец-то я его получила.— Анжелика грустно улыбнулась.— Так что, Биль, пусть тебя не мучают угрызения совести. События развиваются так, как я сама хотела. Если ты мне понадобишься, я позову тебя. Но я уверена, что этого не произойдет, и потому — прощай!

Не дав мне собраться с мыслями, Анжелика быстро вышла из комнаты. Некоторое время я стоял, не зная, что предпринять, раздираемый противоречивыми чувствами. Какой-то внутренний голос твердил мне, что Анжелика права, что надо последовать ее совету. Права, что сама себе испортила жизнь. Права, что потрясение, связанное с арестом, открыло ей глаза и послужит своего рода возмездием. Права, что ничего страшного ей не угрожает.

И все же я не мог обмануть самого себя. По-моему, Анжелика и сама не понимала, что не могла бы поступить лучше, чем поступила. Несмотря на свои возвышенные слова, она ни в чем не изменилась. Перед Чарльзом Мэйтлендом и Джейми Лэмбом она выступала в роли матери-утешительницы всех страждущих и скорбящих, а теперь хотела облагодетельствовать меня. Я был для нее человеком, которому она могла продемонстрировать свое благородство; я был тем, кто нуждался в ее утешении.

Анжелика нашла еще один повод указать на мою человеческую слабость, и я не мог не злиться на нее. Я не хотел и думать, что чем-то обязан ей. Глубокое отвращение вызвала у меня внезапно появившаяся мысль, что вся моя дальнейшая жизнь с Бетси будет возможной только благодаря героическому жесту Анжелики. Если бы я послушался голоса совести, мне следовало бы выбежать в коридор вслед за Анжеликой и ее конвоиром, втащить их обратно и выпалить полицейскому всю правду. Я поступил иначе: взял такси и уехал домой.

Бетси еще не вернулась. Я налил себе вина. Снова и снова я принимался уверять себя, что все в порядке, что я поступил так, как поступил бы каждый в моем положении, но убедить себя не мог.

Бетси возвратилась около двенадцати часов. Не снимая пальто, она вбежала в гостиную.

— Биль, что произошло?

— Ничего. Я повидался с ней, вот и все.

— И она ничего не сказала?

— В сущности, ничего.

Бетси сняла пальто и бросила его на кресло.

— Я рассказала отцу, и он сначала чуть не полез на стены, а потом несколько успокоился и стал звонить своему другу, начальнику главного полицейского управления Нью-Йорка. Он попросил его не сообщать газетам, что Анжелика когда-то была твоей женой, и тот, по-моему, обещал.

Очень озабоченная, Бетси подошла ко мне и села на подлокотник кресла.

— Биль, дорогой, не мучайся так! Ты сделал для нее все, что в твоих силах. Я понимаю твое состояние. Но ты не думаешь...

Она помрачнела и замолчала.

— Что именно?

— ...Что ты все еще ее любишь? Я понимаю, она не может быть тебе совсем-совсем безразлична, но, Биль...

Бетси прижалась своим лицом к моему. И только тут я сообразил: она весь вечер страдала от мысли, что во мне вновь вспыхнет старое чувство к Анжелике.

— Бетси, крошка, ты же хорошо знаешь, что я люблю только тебя!

Бетси наградила меня горячим поцелуем.

— Мне ее жаль. Честное слово! Но ты и Рикки — главное для меня. Я беспокоюсь о тебе.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—8.

Бетси уже давно спала, а я, лежа рядом, все еще ворочался, думая о ней, о Рикки, об Анжелике и ее камере в тюрьме. Я пытался проникнуться благодарностью к своей бывшей жене и не мог.

Наконец я уснул, но сон не принес мне облегчения. Кое-как я отсидел в кабинете рабочее время. У меня даже хватило сил поговорить с Ч. Д. Он сообщил о своей беседе с начальником нью-йоркской полиции и напыщенно заявил, что не ставит мне в вину мой брак с Анжеликой. Я чувствовал себя измученным и усталым, словно только что перенес тяжелую болезнь. Вечер, проведенный с Бетси, был для меня настоящей пыткой, как и последовавшая за этим бессонная ночь. Так прошли и следующие двое суток.

Газеты сообщили об аресте Анжелики, но во всех сообщениях она фигурировала под именем Анжелики Робертс и потому не привлекла особого внимания. Для публики она осталась неизвестной особой, задержанной по подозрению в каком-то заурядном убийстве. Взятое вне связи с семейством Кэллингхемов, это происшествие не представляло никакого интереса для прессы и не заслуживало подробного описания. Трэнт не давал о себе знать. Я не сомневался, что он подозревает меня, но по каким-то причинам выжидает, и это тем более ужасно действовало на нервы. Много раз, доведенный до крайности, я был готов позвонить ему и сознаться во всем, но в самую последнюю минуту инстинкт самосохранения и мысль о Бетси удерживали меня.

Трэнт позвонил мне сам, утром на третьи сутки, когда я уже собирался идти на ленч. Странно, но я почти с облегчением услышал его голос.

— Извините, мистер Гардинг, у меня плохие новости. Адвокат мисс Робертс, так же как и мы, сделал все возможное, чтобы доказать, что она в тот вечер действительно была в кино. К сожалению, никаких доказательств получить не удалось, и районный прокурор сегодня утром принял решение передать дело в суд.

— Иначе говоря, предстоит процесс?

— Совершенно верно. К сожалению, она не захотела нам помочь. Районный прокурор убежден в ее виновности. Он не сомневается, что без труда добьется обвинительного приговора.

Конец наступил внезапно.

— Я должен немедленно с вами повидаться,— вырвалось у меня помимо моей воли.

— Конечно, мистер Гардинг. Я звоню вам со службы. Приезжайте.— Он помолчал, потом добавил:— Я рад, что вы наконец приняли решение. В конечном счете так будет лучше для всех.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я никогда бы не подумал, что смогу принять подобное решение, не посоветовавшись с Бетси и не предупредив Ч. Д. Но сейчас не это меня волновало, я испытывал лишь непреодолимое желание избавиться от всего, что меня угнетало. Я даже не пытался понять загадочное замечание Трэнта, отныне главным для меня было одно: уплатить долг Анжелике, раз и навсегда избавиться от этого тяжелого бремени.

В главном полицейском управлении на Сентр-стрит полицейский провел меня в ту же самую или точно такую же комнату, что и прошлый раз. Вскоре пришел Трэнт. Как всегда, он приветливо улыбался, и, как всегда, его улыбка казалась мне пугающей.

— Надеюсь, вы не передумали, мистер Гардинг?

— Нет, не передумал.

В комнате стоял деревянный стол и стул. Не спуская с меня взгляда, Трэнт сел.

— Видимо, я должен кое-что объяснить, чтобы укрепить вас в этом решении. К сожалению, до сих пор я не был с вами вполне откровенным, полицейские не могут позволять себе подобную роскошь. Большую часть всей этой истории я знал с самого начала. Вы понимаете, как только мистер Кэллингхем упомянул вашу фамилию, я сразу спросил себя, не тот ли это Уильям Гардинг, который написал «Полуденный зной»? Перед тем как встретиться с вами, я, естественно, раздобыл книгу и взглянул на вашу фотографию, напечатанную на суперобложке. К тому времени я только что вернулся из квартиры Лэмба, и кольцо с дельфином лежало у меня в кармане. Я сразу же опознал в нем то самое кольцо, с которым ваша бывшая жена снята на фотографии. Вывод напрашивался сам собой: она причастна к убийству Лэмба, да и вы, по всей вероятности, имеете к нему какое-то отношение. Ваше утверждение, будто вы не знаете никакого кольца, навело меня на мысль, что вы что-то скрываете. Но что именно — это я понял позже, когда предъявил миссис Шварц вашу фотографию и она узнала в

вас человека, который дрался с Лэмбом в вестибюле.

Со слабым любопытством, как о чем-то постороннем, я подумал: «Должно быть, это та самая блондинка с зубами, как у бобра, которую я видел во время первого визита к Анжелике».

Трэнт, все такой же добродушный и терпеливый, наклонился ко мне через стол.

— Конечно, я мог бы сразу уличить вас во лжи. Но я читал «Полуденный зной», и это помогло мне составить о вас довольно полное впечатление. Я бы сказал, мистер Гардинг, что вы романтик и вместе с тем человек с высоко развитым чувством ответственности. Вы не любите, когда вам пытаются навязать чужую волю, и в конечном счете всегда поступаете так, как считаете правильным. Вот я и решил, что ничего не добьюсь, если начну вас торопить. Более правильным казалось мне предоставить вас самому себе и время от времени осторожно подливать масла в огонь, и тогда в конце концов долг гражданина превысит в вас всякие нелепые романтические представления о благородстве.

Я слушал Трэнта и, с трудом преодолевая невероятную усталость, пытался понять его. Трэнт по-прежнему не сводил с меня умных глаз, и в его взгляде, по-моему, теперь можно было прочитать явное удовлетворение от собственной ловкости.

— А ведь так и получилось, правда? Несколько позже, чем я ожидал, но получилось. Вы решили сказать правду, как только узнали, что ее дело все равно передадут в суд и что вы ничем не сможете ей помочь. Уверяю вас, районному прокурору очень пригодятся ваши показания, теперь все окажется значительно проще.

Ровный, совсем не официальный голос Трэнта доносился до меня словно сквозь туман.

— Вы все время встречались со своей бывшей женой после ее возвращения в Нью-Йорк, не так ли? Вы даже пытались помочь ей наладить отношения с ее сумасбродным, опасным и ничтожным возлюбленным. Услышав о смерти Лэмба, вы сразу же поняли, что его убила она. Я вовсе не утверждаю, что вы располагаете конкретными доказательствами или, употребляя юридическую терминологию, являетесь недоносителем. Отнюдь нет. Я только хочу сказать, что вы хорошо знали, какие отношения сложились между Лэмбом и мисс Робертс, и потому не сомневались, что его убила она. Далее. Вы считали, что Лэмб вполне заслужил своей участи, и потому решили встать на сторону своей бывшей жены, помочь ей бежать и, разумеется, скрыть все от полиции.

Теперь и я не отрывал глаз от его лица, с которого не сходила вежливая, довольная улыбка.

— Видите ли, я даже знал, что на следующий день вы побывали в гостинице «Уилтон» — вероятно, дали мисс Робертс денег и, вероятно, усадили ее в поезд. Вам, наверно, удалось бы обеспечить ей алиби (такой уж вы человек!), если бы в ночь убийства вы были одни, а не с мисс Кэллингхем.

Только теперь, когда он поставил все точки над «и», до меня дошел смысл его слов. Я был потрясен тем, что он так блестяще все раскрыл, а потом так нелепо все перепутал.

— И вы думаете, я пришел к вам давать показания против Анжелики? — наконец спросил я.

— Конечно, мистер Гардинг.

— Бог мой! А я-то считал вас умным человеком. Нет, я пришел заявить, что Анжелика невиновна. В два часа, как раз в то время, когда был убит Лэмб, она находилась со мной, в моей квартире.

Я рассказал Трэнту все: о том, как Элин застала меня с Анжеликой, как я солгал Ч. Д. по телефону, как это поставило меня в безвыходное положение и вынудило засвидетельствовать мнимое алиби Дэфни, подробно описал взаимоотношения между Дэфни и Джейми, изложил ее собственную версию того, что она делала в тот вечер и в ту ночь, и, наконец, высказал убеждение, что Джейми убил некто, с кем у него в тот вечер было назначено свидание. Мой рассказ доставлял мне самому мстительное удовлетворение, меня радовало, что я могу доказать Трэнту, как он заблуждался. И пока я говорил, меня неотступно преследовала мысль, что в эти минуты я отказываюсь от всего — от службы, от Кэллингхемов, возможно, даже от Бетси. Но в то же время я чувствовал, как ко мне возвращается самоуважение, и это оправдывало все. Парадоксально, но факт: отклоняя жертву, которую собиралась принести Анжелика, и принося в жертву самого себя, я наконец-то освобождался от всяких обязательств перед ней.

Во время своего рассказа я ни разу не взглянул на Трэнта, он перестал существовать для меня, я видел в нем лишь человека, способного выслушать меня.

— Вот как обстоит дело, — закончил я. — Величайшая глупость с моей стороны, что я молчал до сих пор.

— Вот как обстоит дело, мистер Гардинг, — повторил Трэнт. Это были его первые слова с той минуты, как я начал свое показание.

Я взглянул на него, но не мог определить, смущен ли он тем, что поставил себя в нелепое положение, и что вообще думает обо мне. Его лицо ничего не выражало.

— Следовательно, мисс Кэллингхем лгала?
— Да.
— И мистер Кэллингхем тоже лгал?
— Да.
— И Элин солгала?
— Да.
— И мисс Робертс тоже лжет, хотя и рискует оказаться осужденной за убийство?
— Конечно. Из каких-то донкихотских побуждений Анжелика считает нужным оберегать меня. Она понимает, как воспримут все это и мистер Кэллингхем и особенно моя жена, если выяснится, что тут замешан и я.

— Да? — Некоторое время Трэнт сидел молча, потом встал. — Извините, я скоро вернусь.

Я остался один. Меня не интересовало, куда он ушел, я думал только о том, что самое трудное теперь позади. Да, нелегко мне придется при встрече с Ч. Д. и с Бетси, но сейчас это не имело для меня никакого значения.

Вернулся Трэнт.

— Я только что виделся с мисс Робертс. Она хочет поговорить с вами. Сейчас ее приведут.

Я не готовил себя к новой встрече с Анжеликой, и слова Трэнта вызвали у меня досаду. Я сделал все, что требовалось, я вытащил ее из пропасти — о чем же мне еще разговаривать с ней?

— Можете беседовать, сколько захотите, мистер Гардинг. Не думайте, тут нет никакой ловушки. Никто вас подслушивать не будет, вы останетесь в комнате вдвоем.

Открылась дверь, и вошла Анжелика в сопровождении полицейского. Трэнт и конвоир сейчас же вышли, и Анжелика подбежала ко мне.

— Биль, ты ничего не сказал, да? Трэнт хотел обмануть меня!

— Я рассказал все.

— Но почему? — По глазам Анжелики я видел, что она мне не верит.

— Твое дело решено передать в суд.

— Знаю, ну и что? Они могут судить меня, но для обвинительного приговора у них нет никаких оснований. Сколько раз повторять тебе одно и то же? — Она помолчала, и на лице у нее появилось то самое упрямое выражение, которое всегда приводило меня в бешенство. — Я заявила Трэнту, что все, что ты ему якобы рассказал, — сплошная ложь, что тебя преследует сознание мнимой вины и ты пытаешься искупить ее, надевая на себя венец мученика.

Я взглянул на Анжелику с изумлением, смешанным с негодованием.

— Ты что, с ума сошла?

— А что тут сумасшедшего? Единственное твое желание — жить под крылышком у Кэллингхемов, верно? И ты отчаянно, изо всех сил пытаешься осуществить свое желание. На самом-то деле ты ничего не хотел рассказывать Трэнту, но, когда узнал, что дело на меня передается в суд, совесть у тебя зашевелилась. Спасибо и на том, Биль, но в подобных жестах я не нуждаюсь.

Вот она, Анжелика, в своей излюбленной позе, с нелепым упрямством желающая во что бы то ни стало играть роль единственной и неповторимой великомученицы! Но зачем ей нужно перечеркивать искренний и чистосердечный порыв, первый раз охвативший меня за все последние недели? Как-то сразу я перестал ее ненавидеть, потому что ее чары уже не действовали на меня. Наконец-то я почувствовал себя свободным. Анжелика теперь казалась мне обыкновенной женщиной — глупенькой, запутавшейся, начиненной благими намерениями и ужасно надоедливой — не больше.

— Спорить бесполезно, да и не о чем. Сейчас я позову Трэнта. Ты сможешь отказаться от своего смешного утверждения, будто я действовал под влиянием какой-то донкихотской идеи о своей мнимой виновности. Отказаться и сказать ему правду.

Анжелика долго смотрела на меня, словно видела впервые.

— Ты серьезно?
— Вполне.
— Но зачем, зачем?

Мне хотелось крикнуть: «Чтобы никогда больше, даже в мыслях, ты не преследовала меня!», — но я ограничился тем, что спросил:

— Это имеет сейчас какое-нибудь значение?
— Ты хочешь сказать...

Лицо у нее обмякло, выражение упрямства и гордости исчезло с него. Тихо и нерешительно она сказала:

— Биль...

Недоумевая, испытывая неловкость, я взглянул на Анжелику, и она быстро шагнула ко мне.

— ...О Биль, я так боялась! Теперь я могу признаться. Там, в одиночке, мне было так страшно. Я нисколько не сомневалась, что ты не пойдешь ни на какой риск ради меня. Клянусь, я не собиралась толкать тебя на такой шаг. Боже, как я могла так ошибаться!

— Ошибаться? — с беспокойством переспросил я.

Анжелика улыбнулась, и эта ослепительная улыбка совсем изменила ее.

— Так ошибаться три последних года. Если бы ты только знал, что я передумала, когда ушла от тебя в Портофино, и позже, когда увидела, как ты склоняешься перед своим новым восходящим светилом — Кэллингхемами. Мне показалось, что наконец-то я поняла тебя, и даже похвалила себя за такую проницательность. Я решила, что ты не хочешь стать писателем, что ты хотел им стать только под моим влиянием. Ни я, ни мой образ жизни тебе не нужны. Тебе нужна лишь пусть паршивенькая, но спокойная маленькая работа под надежным крылышком да надежная и солидная жена под боком. Смотрела я на тебя, смотрела, потом решила, что поняла, и сказала себе: мне тут делать нечего. Пусть уж лучше Чарльз Мэйтленд.

Анжелика подошла ко мне и взяла за руки.

— Но я ошиблась, правда? Ведь все же не зря я тебя полюбила. Ты только вообразил, что тебе нужна подобная жизнь. Ты пошел одной неправильной дорогой, а я другой. Однако сейчас мы оба увидели свои ошибки. После того как мы поцеловались в тот вечер в моей квартире, я уговаривала себя не обманываться, твердила, что это ничего не означает — всего лишь похмелье прошлого. Но потом, в ту ночь, когда был убит Джейми... О Биль, я не хотела этого! Клянусь, я хотела, чтобы между тобой и Бетси все шло хорошо до тех пор, пока ты сам того хочешь. Клянусь, я не стремилась вмешиваться в вашу жизнь. Но теперь, когда ты понял, что ошибался, теперь, когда ты готов бросить все...

Чувствуя, что даже прикосновение ее рук, когда-то такое желанное, вызывает у меня отвращение, я спросил:

— Надеюсь, ты не думаешь, что я поступаю так из любви к тебе?

Анжелика отпрянула, словно от удара, и улыбка на ее лице сменилась выражением мучительного смущения.

— А я думала... Когда ты сказал, что я... Но тогда почему ты рассказал все Трэнту?

— Потому, что хочу жить в мире с самим собой и не хочу в присутствии Бетси чувствовать себя самым подлым из всех подлецов.

Я понимал, что поступаю жестоко. Но я понимал и другое — что не могу поступить иначе, если хочу избавиться от соблазна укрепить Анжелику в ее заблуждении. Однако я уже не испытывал недавнего удовлетворения собой. Дальнейшие объяснения с Трэнтом казались мне тяжелой, унылой и безрадостной обязанностью.

Анжелика ссутулилась, сразу как-то постарела и казалась теперь очень усталой. Почти шепотом она сказала:

— В одиночке я подумала, что опустилась на самое дно. Как бы не так! Только сейчас я начинаю туда опускаться. — Она взглянула на меня. — Ну, хорошо. Зови Трэнта. Я скажу ему все, что ты хочешь. Низкий тебе поклон! Из всех благородных мучеников ты самый благородный.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я вышел из комнаты и попросил конвоира позвать Трэнта. Он ушел, а я остался ждать в коридоре, мне не хотелось снова оставаться с глазу на глаз с Анжеликой. Вскоре появился Трэнт. Мы вместе возвратились в комнату, и я сказал, что Анжелика готова подтвердить мой рассказ. Трэнт по-прежнему был невозмутим. Он заявил, что должен записать наши показания, вызвал стенографиста и попросил меня выйти. Спустя некоторое время лейтенант приказал конвоиру увести Анжелику. Она даже не взглянула на меня, когда проходила мимо, — впрочем, как и я на нее. Потом я вернулся в кабинет Трэнта и повторил свой рассказ для стенографиста. Времени на это потребовалось немного, но оно показалось мне бесконечным.

— Теперь, надеюсь, вы ее отпустите? — спросил я у Трэнта, как только стенографист вышел.

— Не так это просто, мистер Гардинг. Вначале нужно выполнить некоторые формальности. Ну, скажем, получить показания мисс Ходжкинс — она, конечно, не откажется подтвердить ваши слова. Мне предстоит ее повидать.

Разумеется, он обязан был это сделать, и я без труда представил себе лицо Элин, ее злорадную улыбку, когда ей наконец представится возможность «нехотя» разоблачить, вывести на чистую воду «скверного и никчемного мистера Гардинга». С Элин начнется новый этап моих мучений.

— Может, мне ей позвонить? — спросил я.

— Нет, мистер Гардинг. Если хотите, отправимся вместе.

Мы приехали к нам на полицейской машине. Трэнт был сдержан и замкнут, но это меня не беспокоило. На мое счастье, Бетси еще не вернулась из канцелярии фонда. Элин оказалась одна в детской. Она тотчас же встала и, опустив глаза, приняла почтительную позу.

— Как вам известно, мисс Ходжкинс, Анжелика Робертс, бывшая жена мистера Гардинга, арестована по подозрению в убийстве мистера Лэмба. Мистер Гардинг только что дал некоторые показания в главном полицейском управлении. Он утверждает, что вместе с мистером Кэллингхемом упросил вас утаить правду о том, что произошло в действительности в ночь убийства.

Элин подняла голову, ее голубые глаза пытливо скользнули по моему лицу, потом остановились на лице Трэнта.

— Утаить правду, сэр?

— Мистер Гардинг утверждает, что примерно в то время, когда произошло убийство, здесь была не мисс Кэллингхем, а мисс Робертс. Больше того, он заявляет, что вы застали их в тот момент, когда он обнимал свою бывшую жену. Надеюсь, вы понимаете, насколько это важно для мисс Робертс, поэтому прошу вас сказать правду, только правду, и не опасайтесь, пожалуйста, что это грозит вам какими-то неприятными последствиями.

На лице Элин проступил румянец. Наблюдая за ней без особого интереса, я все же ждал, что в глазах у нее вот-вот появится злорадный огонек, однако она сделала вид, что озадачена и смущена.

— Извините, сэр, но я не совсем понимаю. Мистер Гардинг говорит...

Она умолкла и заломила руки.

Трэнт терпеливо повторил свою просьбу, и, как только он кончил, Элин бросила на меня взгляд, полный боязливого недоумения.

— Извините, лейтенант, но я не понимаю мистера Гардинга. Конечно, мисс Кэллингхем была здесь, я сама подавала ей ужин. Что касается другой леди и других обстоятельств... Боюсь, сэр, что если она и была здесь, я ее не видела.

В первое мгновение я не поверил собственным ушам, но потом подумал, что нечто подобное и следовало ожидать.

— Она лжет, — сердито сказал я Трэнту. — Это же совершенно очевидно. Мистер Кэллингхем дал ей взятку, пообещав за свой счет доставить сюда ее племянницу из Англии. Элин боится, что мистер Кэллингхем откажется от своего обещания, если она скажет правду.

Элин покраснела еще сильнее. Лицо Трэнта оставалось бесстрастным.

— Вы говорите правду, мисс Ходжкинс?

Элин разразилась потоком слов.

— Конечно, мистер Кэллингхем согласился оплатить приезд моей маленькой племянницы из Англии. Мистер Кэллингхем — добрый и заботливый человек, он относится ко мне, как к члену своей семьи. То же самое могу сказать о миссис Гардинг и мисс Дэфни. Все они такие хорошие! Как же можно говорить, что он дал мне взятку и заставляет говорить неправду? Мистер Кэллингхем никогда ничего подобного себе не позволит!— Всем своим видом изображая оскорбленную невинность, Элин повернулась и взглянула на меня.— Ну, знаете, мистер Гардинг! Я всегда работала, не жалея сил... Я всегда старалась всем угодить. Но теперь...

Она разразилась рыданиями.

— Итак, вы утверждаете, что в заявлении мистера Гардинга нет ни слова правды?— спросил Трэнт.

— Да, да, да! Меня еще никто так не оскорблял. Если бы не мальчик миссис Гардинг, я бы...

Рукой в накрахмаленном рукаве она закрыла лицо.

— Хорошо, мисс Ходжкинс. Пока все,— сказал Трэнт.

— Послушайте, лейтенант...— начал было я.

— Пока все!

Трэнт вышел из детской, а следом за ним выбежал я — злой и разочарованный.

— Вы не должны ей верить. Вы же не идиот.

Трэнт сел на подлокотник кресла и спокойно ответил:

— Дело вовсе не в том, мистер Гардинг, верю я ей или не верю. Она не подтвердила ваших показаний — вот что важно. Вам придется искать какие-то другие доказательства, если вы хотите, чтобы я мог что-то предпринять.

— Мои показания подтверждает Анжелика.

— Ну, я бы не сказал, что этого достаточно. Ведь сначала мисс Робертс все отрицала. Она заняла другую позицию лишь после того, как вы повидались с ней и научили, как и что говорить. И потом, разве не в ее же интересах подтвердить ваши показания?

Я совершенно не понимал, о чем толкует Трэнт. На минуту мне показалось, что я сплю и вижу тяжелый сон.

— Вы, разумеется, ничего не сказали жене,— заметил лейтенант.

— Конечно.

— В таком случае вам придется искать других свидетелей.— Трэнт внимательно наблюдал за мной. Его взгляд выражал только легкое любопытство, не больше.— Ну, а как, например, с лифтером? По вашим словам, мисс Робертс пришла сюда с чемоданом и, следовательно, должна была воспользоваться лифтом.

Мне вспомнилось, что сказала Анжелика в тот вечер, как только вошла в квартиру: «Я предпочла лестницу, лифтеру вовсе не нужно меня видеть».

— Нет,— сказал я Трэнту.— Она поднялась по лестнице.

— Так высоко? Почему?

— Она решила, что будет лучше, если никто не заметит ее здесь в такое позднее время.

— Понятно.

Только в тот момент, когда я почти окончательно уверовал, что нахожусь в каком-то кошмаре, я вспомнил о Поле. И как-то сразу все вновь встало на свои места. Поль знал правду.

— На следующий день после убийства я рассказал о визите Анжелики Полю Фаулеру.

— Да?

— Если я приглашу его сюда и он скажет вам то же самое, этого будет достаточно.

Трэнт замигал.

— Что ж, приглашайте.

Я позвонил Полю и попросил его сейчас же приехать ко мне. Он, как всегда, не возражал, только заметил:

— Конечно, малыш. Надеюсь, ничего плохого?

— Приезжай.

Поль примчался минут через двадцать, жизнерадостный, ухмыляющийся. Я смотрел на него почти с нежностью, хотя и понимал, что сам рою себе могилу.

— Поль — лейтенант Трэнт. По делу Анжелики составлено обвинительное заключение, оно передается в суд и...

— Минутку,— резко остановил меня Трэнт.— Садитесь, мистер Фаулер.

— Слушаюсь, лейтенант.

— Мистер Фаулер, мистер Гардинг сообщил полиции некоторые обстоятельства, имевшие место в ночь убийства Лэмба, и утверждает, что на следующий день рассказал о них вам. Повторите, пожалуйста, что именно он говорил.

Поль быстро взглянул на меня.

— Да, да,— подтвердил я.— Расскажи ему все.

— Все?— Он снова повернулся к Трэнту и сделал горестную мину.— Я обожаю говорить все. Это одно из моих любимых занятий, лейтенант. Но скажите, ради бога: что «все» вы хотите услышать от меня?

— Мистер Гардинг заходил к вам на следующий день после убийства?

— Возможно. Он частенько заглядывает ко мне на службу.

— Он ничего не рассказывал о себе и мисс Робертс?

— Вот здорово!— Гримасничая, как простак из комедии, Поль почесал затылок.— Неужели я и в самом деле так глуп, как кажусь самому себе? Биль и Анжелика?! Разве они встречались после ее приезда в Нью-Йорк?

Я уже примирился с предательством Элин. В конце концов от этой женщины с ее продажностью и рабским преклонением перед Ч. Д. ничего иного и не следовало ожидать. Но Поль... В полном смятении я взглянул на честное, растерянное лицо друга.

— Поль, ради бога, скажи правду! Разве ты не понимаешь, что это единственная возможность спасти Анжелику?

Наши взгляды встретились, и в глазах Поля я прочитал теплоту и участие.

— Черт возьми, Биль! Почему ты не предупредил меня? Конечно, я сделаю все, чтобы помочь Анжелике. Но я же не умею читать чужие мысли, а хрустальный шар оставил дома. Однако...

— Вы не понимаете, о чем просит вас мистер Гардинг?— прервал его Трэнт.

— Видите ли, лейтенант, возможно, он и говорил мне что-нибудь. Я не помню. Люди всегда мне что-нибудь рассказывают, но у меня в одно ухо входит, а в другое выходит.— Он озабоченно наклонился к Трэнту.— Однако Биль прав, если утверждает, что Анжелика не совершала преступления. Она и не могла его совершить, она совершенно не способна на такое. Ваша полицейская братия способна довести меня до сумасшествия. Почему вы все делаете шиворот-навыворот? Ведь Лэмб был отъявленным мерзавцем, он жил на содержании у Анжелики, а потом решил переметнуться на содержание к Кэллингхемам. У каждого такого прохвоста есть враги, жаждущие его пристукнуть. Вероятно, Лэмб кого-нибудь шантажировал. Вероятно, он шантажировал человек десять. Вам остается лишь...

— Поль,— перебил я.— Скажи ему!

Поль умолк, робко взглянул на меня и отвернулся. Наступило долгое унылое молчание. Первым заговорил Трэнт.

— Ну что ж, мистер Фаулер,—сказал он, поднимаясь.— Извините за беспокойство. Пока все.

Поль тоже встал, подавленный и несчастный. Я же опять почувствовал, как погружаюсь в трясину.

— Не уходи,— обратился я к Полю.— Прошу тебя остаться и объяснить мне.

— Если мистер Гардинг хочет, чтобы вы задержались, это его дело,— вмешался Трэнт.— Но мне нужно переговорить с ним наедине. Подождите в другой комнате.

— Пожалуйста, я подожду, не могу же я отказать Билю.— Поль направился к двери, но остановился.— Черт возьми, как жаль! Мне жаль Анжелику не меньше, чем тебе, Биль. Но что тут может сделать такой парень, как я?!

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

— Разрешите побеседовать с ним хотя бы несколько минут,— повернулся я к Трэнту.— Я заставлю его заговорить.

— Не сомневаюсь. Он, как видно, очень хороший друг и охотно подтвердит все, что вы попросите его подтвердить.

— Но он лжет!

— Слова, слова! Мисс Ходжкинс лжет, по-вашему, потому что подкуплена мистером Кэллингхемом. Почему же лжет мистер Фаулер?

— Должно быть, вбил себе в голову, что меня надо спасать. Он прекрасно понимает, как все это воспримут мистер Кэллингхем и моя жена, и потому решил, очевидно, что пусть уж в ответе остается одна Анжелика. Если бы только вы разрешили мне...

— Почему все ваши друзья горят желанием защитить вас, мистер Гардинг?

В голосе Трэнта я не уловил никакой насмешки, он задал свой вопрос спокойно и поделовому. Однако его спокойствие, его упорная манера считаться только с фактами вызывали у меня озлобление.

— Вы мне не верите?

— Я бы так не сказал, мистер Гардинг. Больше того, по-моему, вы говорите правду, когда характеризуете взаимоотношения между Лэмбом и мисс Кэллингхем; я даже готов поверить, что она действительно не появлялась здесь в ночь убийства. Вряд ли вы позволили бы себе опровергать ее алиби, если бы оно не было фиктивным. Вполне допускаю, что мистер Кэллингхем подкупил мисс Ходжкинс. Но вот в том, что касается мисс Робертс...

— Прошу ответить только на один вопрос,— перебил я.— На кой черт я стал бы лгать? Зачем бы я стал притаскивать к вам свидетелей, если бы заранее знал, что они будут все отрицать? Для чего бы мне опровергать алиби Дэфни и брать на душу такой пошлый грех, как попытка изменить жене, если бы не...

— Мистер Гардинг, а вы знаете, сколько людей приходит к нам в полицию всякий раз, когда в Манхэттене происходит убийство, и «сознается» в преступлении? В среднем на каждое убийство приходится четыре таких «признания». На прошлой неделе в Бронксвилле нашли убитую девушку. В убийстве признался управляющий отделением банка на Мэдисон-авеню, а потом выяснилось, что он и в глаза не видел потерпевшую.

Трэнт не сводил с меня взгляда, по-прежнему терпеливого, спокойного и благосклонного.

— Боже, но это же сумасшедшие!

— Ну, не все, конечно, мистер Гардинг. К тому же вы-то ведь не относитесь к числу таких «убийц».

— Тогда почему же...

— Почему вы говорите неправду? — подхватил Трэнт.— По очень простой причине.

— По какой же?

— Вы любите ее!

Это были наиболее тяжелые минуты за все последние дни. Несмотря на поведение Элин и Поля, я верил, что справедливость рано или поздно восторжествует. Я знал правду, и мне казалось, что вслед за мной в нее поверят все. Но сейчас, глядя на Трэнта, стоявшего с самодовольным видом «все понимающего» человека, я попытался взглянуть на вещи его глазами. Я считал его до крайности наивным. Нет, наивным его не назовешь! Он был слишком уж ловок и циничен и не мог принять правду потому, что его версия являлась куда более хитроумной. Да и почему он должен соглашаться, если факты кричали о виновности Анжелики, если я мог давным-давно сказать все то, что сказал только сейчас, и если он (в довершение ко всему) так же, как и Анжелика, «установил» самую правдоподобную и самую ошибочную из всех причин, объясняющих мое поведение? «Вы любите ее!»

Но как бы то ни было, мне предстояло расплачиваться. Я построил настолько прочное здание лжи, что теперь сам не мог его разрушить. Единственное, чего я достиг,— это поставил под сомнение придуманное Ч. Д. алиби для Дэфни. Положение же Анжелики нисколько не изменилось.

Я гневно взглянул на Трэнта, но мой гнев был ослаблен ощущением полной беспомощности перед лицом обстоятельств.

— Вы считаете ее виновной?

— Районный прокурор считает, что она виновна. Начальник полиции Нью-Йорка считает точно так же. Что бы вы ни рассказывали мне о мисс Кэллингхем, имеющиеся данные свидетельствуют о том же,— разумеется, за исключением данных, которые вы сообщили в самую последнюю минуту.

— Неужели вы, полицейские, совершенно лишены ума? — закричал я, не в силах больше сдерживаться.— Почему эти последние данные обязательно должны быть фальшивыми? Для чего вы пускаете в ход глупый довод, будто я влюблен в Анжелику? Я люблю только жену. Я открыл вам правду не потому, что мне хотелось, а потому, что так было в действительности. Я не сделал этого раньше потому, что трусил. Почему вы не попытаетесь поверить мне? Займитесь Дэфни. Не думаю, что она убила Лэмба, но она может навести на какой-то след. Анжелика невиновна! Неужели вам доставит удовлетворение осудить невиновного?

Трэнт продолжал все так же внимательно наблюдать за мной. Хоть бы раз он вышел из себя!

— Не слишком ли много вы требуете от меня, мистер Гардинг? Вы говорите: «Займитесь мисс Кэллингхем»,— но не сообщаете ничего, что послужило бы основанием заподозрить ее. Да вы и сами говорите, что вряд ли она способна пойти на убийство. Кстати, у нее и не было причин убивать Лэмба. Она попала в неприятное положение, и вполне естественно, что ее отец хотел бы предупредить всякую огласку о ее связи с Лэмбом. Вы знаете, я вовсе не считаю себя гениальным детективом. Напротив, я рядовой служащий, который получает за свою работу жалованье и имеет своего босса. Мой босс—начальник нью-йоркской полиции и большой друг вашего мистера Кэллингхема. Начальник полиции уже звонил мне и приказал принять меры, чтобы в газеты не просочилось ни малейшего намека о связи мисс Робертс с семьей Кэллингхемов. Вот вам доказательство не только того, как мистер Кэллингхем стремится избежать скандала, но и того, насколько он влиятелен. Как, по-вашему, долго я удержусь на службе, если без всяких доказательств, за исключением ваших голословных утверждений, которые мисс Кэллингхем и мисс Ходжкинс будут упорно отрицать, начну обвинять мистера Кэллингхема в подкупе свидетелей и позволю репортерам выступить с такими, к примеру, заголовками: «Ч. Д. Кэллингхем, как заявляет его зять, пытается замять дело по обвинению его дочери в убийстве!!!»? Вы серьезно ожидаете, что я пойду на такой риск только потому, что вы заставляете меня поверить в невиновность женщины, против которой имеется столько улик?— Он пожал плечами.— Извините, мистер Гардинг. Я пытаюсь относиться по-человечески даже к несомненным убийцам, хотя мои коллеги частенько подсмеиваются надо мной. Вероятно, я еще не совсем очерствел. Я сделаю все, чтобы тактично расследовать ваши данные о мисс Кэллингхем. Обязательно сделаю, ибо считаю своей обязанностью расследовать все, что нужно расследовать. Однако мне хотелось бы дать вам совет. Если вы сказали правду, не обращайте на мои слова никакого внимания и поступайте, как находите нужным. Если же вы решили разыграть из себя рыцаря, бросающегося на спасение бедной женщины, выкиньте эту затею из головы, пока не поздно и пока вы не навлекли на себя серьезных неприятностей и не надоели всем и каждому. Ко мне вы можете относиться как к терпеливому простачку, но учтите, что районный прокурор и начальник полиции совсем другие люди. Если вы начнете упорствовать, станет известно, что вы умышленно не опознали кольцо, скрывали вероятного убийцу и помогли ему бежать из Нью-Йорка. Если за вас не заступится ваш тесть (а он вряд ли заступится), вас привлекут к уголовной ответственности как соучастника преступления. Вот почему я советую вам подумать, прежде чем продолжать. Подумать о вашем сынишке и о вашей чудесной жене.

Он читал мне нотацию, словно суровый седовласый мудрец, и я готов был убить его за это.

— И еще, мистер Гардинг. Вам хорошо известно, что я могу и чего не могу. Если вы говорите правду о мисс Робертс, запомните, пожалуйста, что бесполезно приходить ко мне без твердых доказательств. Но если вы добудете такие доказательства, буду рад, потому что и мне хочется, чтобы подлинный преступник ответил за свое преступление.

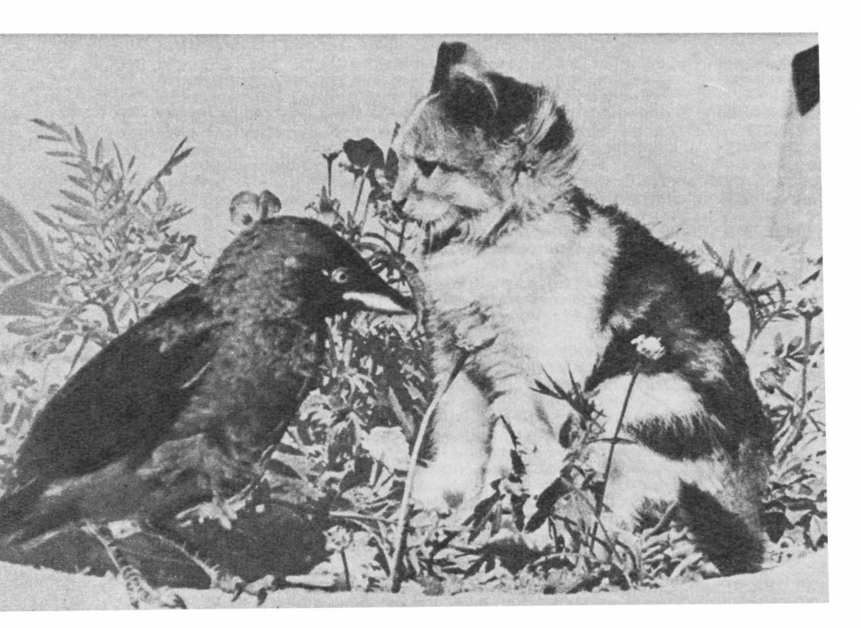
Он протянул мне руку, но его улыбка на этот раз была несколько натянутой.

— Вот, пожалуй, и все.

Я ответил на его рукопожатие. Какое это имело сейчас значение? Спокойно, словно выполнив самое заурядное поручение, Трэнт направился к двери.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

ЗНАКОМСТВО

Эту сценку мне удалось сфотографировать прошлым летом.

Н. ШАВША

Первое критическое замечание.

Рисунок О. Помочилина.

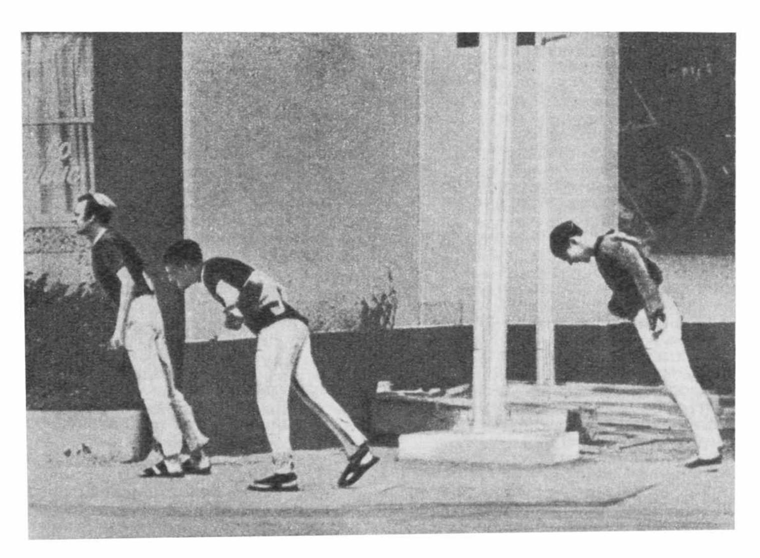
ПРОТИВ ВЕТРА

Трудно удержаться на ногах, когда ветер дует со скоростью 100 километров в час. Это могут подтвердить жители города Тампа (Флорида, США), пытавшиеся добраться домой во время такого урагана.

— Петрова! Вы на практике, а не в институте!..

Рисунок А. Алешичева.

ПЕСТРЬЕ

Первозакрыватели

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Фельетон

Любое существенное открытие человечество всегда встречало с величайшей признательностью. Даже какому-нибудь нахальному пирату, на общественных началах открывшему новый материк, оказывались прямо-таки королевские почести. Когда семимильными шагами двинулась вперед наука, благодарные люди не оставляли без знаков внимания и первооткрывателей по научной линии. То ученую степень присвоят, то премию вручат.

Словом, если после путешествий или опытов первооткрыватели оказывались живыми, без лавров они не оставались. Тем обиднее, что из поля зрения общественности как-то выпала целая плеяда их антиподов — ПЕРВОЗАКРЫВАТЕЛЕЙ. А между тем с результатами их деятельности нам приходится сталкиваться ежедневно.

...Шофер ведет машину по знакомой, наезженной дороге. Это не асфальтированная трасса и даже не утыканный булыжниками большак. Но, во всяком случае, вполне приличный проселок. Долгие годы — как говорится, всю дорогу — водитель ездил именно здесь. Когда до цели остается рукой подать, путь пересекает свежевыкопанная канава, из которой торчит палка с табличкой «Проезд закрыт!».

Почему закрыт? Кем?! Зачем?! Надолго ли? Где объезд? Аллах его ведает...

Герои сказок и былин оказывались в значительно более привилегированном положении. Витязь на распутье имел хоть право выбора. На придорожном камне всегда имелось вразумительное объявление: налево пойдешь, мол, коня потеряешь, направо — голову, прямо — еще чего-нибудь... Во всяком случае, чувствовалась чья-то заботливая рука. Наш злосчастный витязь на железном коне возле таблички «Проезд закрыт!» может только чесать затылок, благо на голове нет богатырского шлема.

А можно вообще ничего не писать. Достаточно на дороге вывесить знак, именуемый среди автомобилистов кирпичом. С недавних пор таким кирпичом встречают водителей у въездов во многие города. Кляня на все корки местных закрывателей, совершают современные витязи вокруг закрытых городов своеобразный круг почета по разбитой, захламленной дороге.

Собрат шофера — пешеход попадает порой в ситуацию не менее сложную. Всем памятна по школьным годам задачка о путешественниках из пунктов А и Б, идущих друг другу навстречу.

К сожалению, деловая активность закрывателей и здесь вносит свои коррективы. Иной раз время встречи пешеходов абсолютно не совпадает с ответом в задачнике.

Допустим, Иван Иванович (из пункта А) ходил на работу с Петром Петровичем, зайдя за ним в пункт Б. Следовал он всегда по тропиночке вдоль забора и, пройдя калитку, натыкался на поджидавшего дружка. Но, как поется в песне, жизнь идет не по учебникам, и однажды Иван Иванович стукается лбом в забитую калитку. Не особенно доверяя глазам, путешественник из пункта А ощупывает крест-накрест набитые доски. Замуровали начисто! Почему?! Зачем?

Видимо, местные первозакрыватели решили, что забор не оправдывает своего назначения, если в нем есть открытая калитка. Так или иначе, но прыгает по снежку, пытаясь согреться, пешеход из пункта Б, дожидаясь, пока друг «дает кругаля» вдоль забора в два-три километра.

Однако из области былин и учебников спустимся на грешную землю, в сферу торговли, где первозакрыватели завоевали особенно прочные позиции.

Автор этих строк однажды, около десяти часов утра, выехал в редакцию, забыв дома сигареты, легкомысленно решив купить их по

ЛЕТАЮЩИЙ ТОРЕРО

Так болельщики называют известного испанского тореадора Фиделя Сан Хусто, которому во время боя часто приходится взлетать в воздух от ударов быка.

— Надоело мне на него лаять...

Рисунок В. Тамаева.

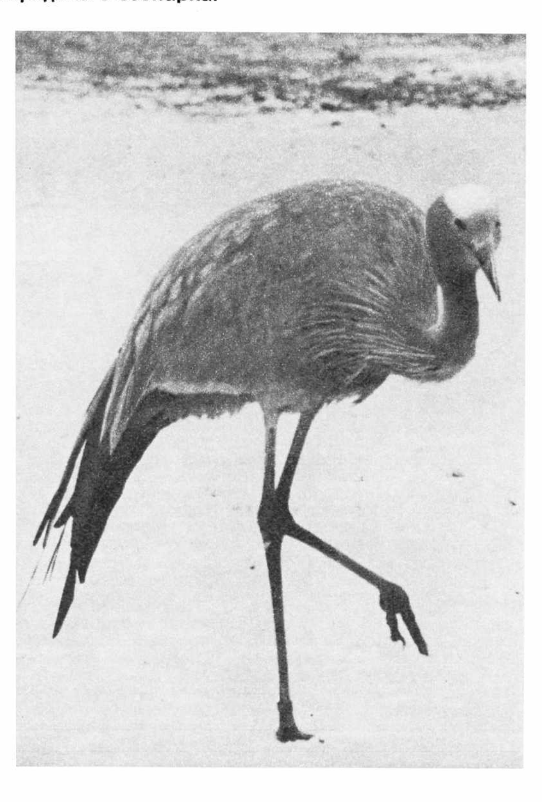
БОКСЕР НА ОПЕРАЦИОННОМ СТОЛЕ

Когда надо было оперировать боксера Джо Лучано из Сент-Луиса (США), ему, как и полагается, положили на лицо маску и велели считать. Показалось, что на цифре пять Джо уснул, и врачи приготовились начать операцию. Но больной все же вполголоса... продолжал счет. «Девять!» Джо вскочил и занял позицию для боя. Ибо, как известно, «десять» означает нокаут...

ХОЛОДНО

Зимой в Париже нечасто выпадает снег. Но когда это случается, нелегко приходится обитателям городского зоопарка.

— Знакомься, дорогая! Я позволил себе пригласить сотрудников нашего отдела на чашку чая!

Рисунок О. Теслера.

ПОБЕЖДАЮТ ПОСЛЕДНИЕ

«Дырявая регата» — так называется традиционное состязание, устраиваемое в Мексике. На старт выходят лодки с дырами в днище. Побеждает та команда, которая затонет последней.

СТРАНИЦЫ

дороге. Половину Садового кольца с прилегающими закоулками он объехал впустую. Все табачные киоски стояли наглухо закрытыми. Правда, на некоторых торчали утешительные объявления: «Скоро буду», «Меняю мелочь», «Ушла на базу».

Последний текст пользовался почему-то наибольшим спросом (вернее — предложением). Казалось, что все столичные киоскеры бросились на свои торговые базы проводить либо заключительный тур художественной самодеятельности, либо собрание жилищно-строительного кооператива.

Ну, в большом городе подобные закрытия киосков по собственному желанию в них работающих не такое уж страшное дело. Пачку сигарет и в каком-нибудь магазине купить можно. А вот как быть жителям небольших поселков, где вся торговая власть сосредоточена в руках Дуси (Муси, Люси), заведующей единственной палаткой?

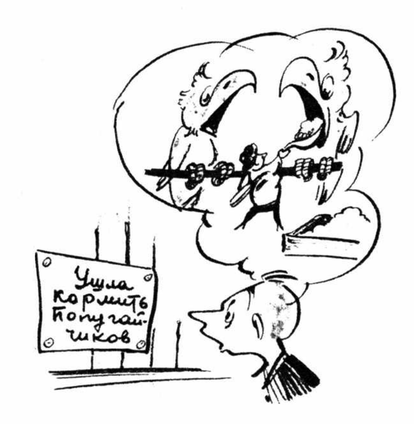
На стене этой «точки» железное (в прямом и переносном смысле) объявление: начало работы, обеденный перерыв, конец рабочего дня. Живописная группа домохозяек с кошелками расположилась на ступеньках входа. Давно миновал «железный час» открытия, уже выяснены все подробности всех последних событий, а палатка по-прежнему на замке. Здесь не в моде вешать туманные оповещения вроде «Меняю мелочь». Закрыто, и все тут! Почему?! А кто ее, Дуську, знает!.. Может, вернулся из дальнего рейса Колька-залетка — надо же накормить, напоить... А может быть, просто постирушку затеяла?

— Дуську не ждите! — кричит женщина, проходящая мимо палатки.— К ней вчера двоюродная сестра с мужем приехала.

Суля тысячу чертей гостеприимной первозакрывательнице, ожидающие открытия «точки» покидают свои предмостные укрепления...

Пример самодурства сельских закрывателей не исключает городских вариантов. Уступая настояниям жены, затеявшей в квартире уборку, вы нагружаетесь стеклотарой. Две увесистые авоськи с банками, склянками и бутылками сопровождают вас на так называемый пункт приема стеклопосуды. Удрученный обилием желающих попасть на этот прием, вы становитесь в хвост.

Как правило, каждый заведующий таким пунктом достоин быть увековеченным в каком-либо художественном произведении. Режиссеры-постановщики исторических пьес, а также исполнители роли королей просто обязаны изучать этот образ в натуре. Какая величественная осанка всей фигуры! Какая царственная небрежность в разговоре с клиентами! Королевская голубая кровь чувствуется в каждом повороте головы, в каждом движении рук. Особенно в том жесте, с которым он захлопывает свое окошко.

И все... Говорят, что никому, никогда, ни при каких обстоятельствах не удавалось установить, почему и на сколько времени закрывается печально знаменитый пункт приема стеклопосуды.

Жаловаться? Написать письмо в газету? Ну, знаете ли!

Здесь начинается своеобразный психологический барьер. Прежде всего закрывателя, пожелавшего остаться неизвестным, обнаружить не так-то легко... Стоит ли вообще связываться? Закрыватель конкретный имеет больше шансов попасть под удар. Но...

Мы не обойдем молчанием сотрудников учреждения, в рабочее время покинувших его во имя «большого хоккея» или футбольного матча. Мы можем поднять шум, обнаружив не вовремя запертый магазин, мастерскую, ателье — именно те объекты, где существует штат, хотя бы три-четыре человека. Но хитромудрые первозакрыватели, как правило, одиночки. И никому не приходит в голову призвать к порядку продавца газет, идущего домой, когда ему заблагорассудится, газировщицу, прикрывшую на глазах очереди свой сатуратор, хозяйку палатки или киоска, в часы торговли нацепившую замок.

«Ушла на базу»... А может, и вправду ушла? «Меняю мелочь»... А вдруг действительно ее менять надо? «Скоро приду»... Гм... Всякое бывает!..

И нечестные люди беззастенчиво пользуются нашей доверчивостью. Иногда даже в хорошем, известном коллективе.

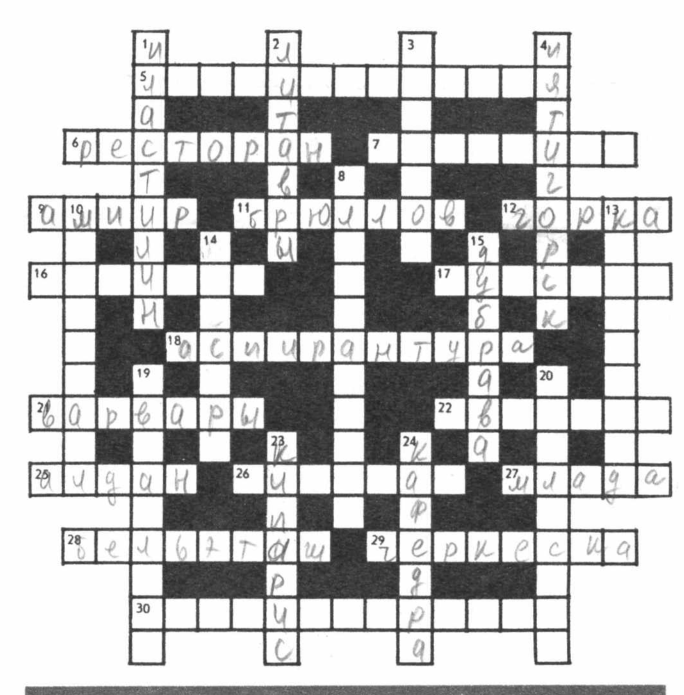
В Ессентуках есть чудесный санаторий имени... Не будем называть точный адрес. Хотя бы по той причине, что там выше всякой похвалы и медицинское обслуживание, и питание, и вообще отношение к больному человеку. Однако...

Существует там камера хранения. Рядом — точное расписание времени работы этой камеры. Есть на этом же этаже «живой уголок», где за проволочной сеткой порхают птички. Дама-патронесса, что ведает камерой хранения, отправляясь в рабочее время по своим личным делам, вывешивает записку: «Ушла кормить попугайчиков»... Вот так. Это вам не примитивное «Ушла на базу». Тут гуманизм. Охрана природы. Попробуй предъяви претензии. И никто в санатории не задумается, что за время, которое тратится на «кормежку попугайчиков», вполне можно накормить два десятка крокодилов.

Невозможно даже предугадать, где вдруг проявит себя первозакрыватель. Ведь это только открывать трудно. Закрывать — пара пустяков!

Что же все-таки с ними делать? Может, конференцию по обмену опытом устроить? Может, радиоперекличку или телебеседу за «круглым столом»? А может быть, коль мы умеем награждать за открытия, построже спрашивать за каждое необоснованное закрытие?

Глядишь — и закрывателей поубавится.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Раздел лингвистики. 6. Предприятие общественного питания. 7. Искусство резьбы на цветных камнях. 9. Стиль в архитектуре. 11. Автор картины «Последний день Помпеи». 12. Стеклянный шкаф для посуды. 16. Металл. 17. Угломерный прибор. 18. Система подготовки научных работников. 21. Пьеса М. Горького. 22. Химический элемент. 25. Приток Лены. 26. Североамериканский черный медведь. 27. Симфоническая сюита Римского-Корсакова. 28. Ярус в зрительном зале. 29. Мужская одежда у народов Кавказа. 30. Дневная бабочка.

По вертикали:

1. Материал для лепки. 2. Ударный музыкальный инструмент. 3. Озеро в Прикаспийской низменности. 4. Курорт в Ставропольском крае. 8. Советская шахматистка. 10. Порт в Восточной Африке. 13. Персонаж итальянской комедии масок. 14. Река в США. 15. Лиственный лес. 19. Один из Малых Антильских островов. 20. Пушной зверек. 23. Южное дерево. 24. Возвышение для лектора, оратора.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

7. «Ревизор». 8. Лемешев. 9. Альтаир. 11. «Анджело». 12. Айран. 15. Железо. 16. Анализ. 17. «Псковитянка». 20. Бровка. 22. Кулиса. 23. Тулуп. 24. Пинагор. 26. «Испанцы». 28. Лисичка. 29. Таблица.

По вертикали:

1. Фельдшер. 2. Зима. 3. Сопрано. 4. Веранда. 5. Рейд. 6. Рецензия. 10. Кронциркуль. 13. «Детство». 14. Рашкуль. 18. Ирландия. 19. «Всадница». 21. Антракт. 22. Капитан. 25. Григ. 27. Полк.

На первой странице обложки: Чемпион XIX Олимпийских игр Виктор Санеев вернулся домой — в Сухуми (см. в номере очерк «Последняя попытка»).

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Экспонаты московской выставки «Декоративно-прикладное искусство Таджикистана».

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 11/II-69 г. А 00336. Подписано к печ. 25/II-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 500 экз. Изд. № 404. Заказ № 189.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Земные звезды

В. ГЕРАСИЧЕВ

Фото автора.

Первые фонари появились в городе на Неве при Петре Великом. С тех пор минуло 250 лет. Самим царем был одобрен проект первого фонаря, выполненный архитектором Леблоном в 1718 году. Тогда же было отдано высочайшее распоряжение организовать ежевечернее освещение улиц. Приказания выполнялись быстро. Не прошло и двух лет, как первый фонарь уже стоял перед Зимним дворцом. А еще через три года 600 фонарей осветили главные улицы Петербурга. С гордостью подметил позднее петербургский летописец, что «в ученом Геттингене введено освещение в 1735 году, в Бирмингеме в 1733»,— это почти на два десятилетия позднее, чем в России.

Первые фонари были похожи на светлячков, которые светятся, но не светят. На деревянных столбах укрепляли деревянные светильники, в которых жгли конопляное масло. Вид у таких фонарей был, конечно, неказистый.

На каждые десять фонарей назначался один «зажигатель», жалованье ему было положено один рубль две копейки в месяц, «да на муку, крупу и соль один рубль девяносто восемь копеек».

Зажигателю приходилось таскать за собой лестницу, жестяную лядунку (коробку с ремнями и пряжками), щипцы, нож, кувшин, губку, щетку и мерку.

Сначала на фонарь обратили свое благосклонное внимание художники, скульпторы, архитекторы. Он становится полноправной частью городского пейзажа, удачно подчеркивает стиль и характер архитектурных ансамблей. В начале XIX века фонарные столбы-торшеры стали отливать из чугуна. Но по-прежнему вечерами армия зажигателей с лестницами все так же ходит от светильника к светильнику. Только 13 апреля 1879 года в петербургских газетах появилось сообщение, извещавшее граждан города, что на другой день вечером состоятся опыты электрического освещения. Эксперимент проведет господин Яблочков.

В обещанное время восхищенные фонарщики и горожане приветствовали рождение электрического света, вспыхнувшего одновременно в нескольких светильниках. Человек вписал в биографию земных звезд одну из самых ярких страниц. Правда, электричество, несмотря на явную его выгоду, медленно приходило на улицы города. Мешали частные предприниматели, которые вложили капитал в существовавшие тогда виды освещения: газовое, керосиновое, спирто-скипидарное, масляное. Поэтому в 1893 году, то есть спустя четырнадцать лет после первых электрических опытов, в Петербурге было 8 564 газовых фонаря, 7 954 керосиновых и лишь 79 электрических.

Газовые и керосиновые фонари исчезли с улиц города только при Советской власти. О современном уличном освещении нам рассказали в тресте «Ленсвет». Увидели мы и волшебного фонарщика — начальника службы телемеханики и связи Людмилу Павловну Молого. С наступлением темноты она или диспетчер нажимают обыкновенную черную кнопку, над которой одно слово — «Пуск».

Когда-то на каланчах выставляли огромные шарообразные фонари, чтобы оповещать осветителей, что пора зажигать огонь. Теперь сигнал подает фотоэлемент, установленный на крыше диспетчерского пункта. Упадет освещенность улиц ниже четырех люкс — и на пульте раздается звонок.

И снова земные звезды дарят свой свет людям: новые, современные, с торшерами-стрелами и старые, милые и прекрасные, заботливо сохраненные и восстановленные архитекторами, художниками, искусными мастерами.

Каждую весну, когда наступают белые ночи, ленинградские фонари уходят в отпуск почти на полтора месяца.

Ленинградцы помнят и другие ночи, когда все звезды надолго погасли под бомбежками и обстрелами. Люди дали им новую жизнь.

Двадцать два года занимается реставрацией фонарей, различных украшений, памятников старины слесарь-реставратор Михаил Агапович Пташкин.

— Сколько фонарей вы реставрировали? — спросили мы у него.

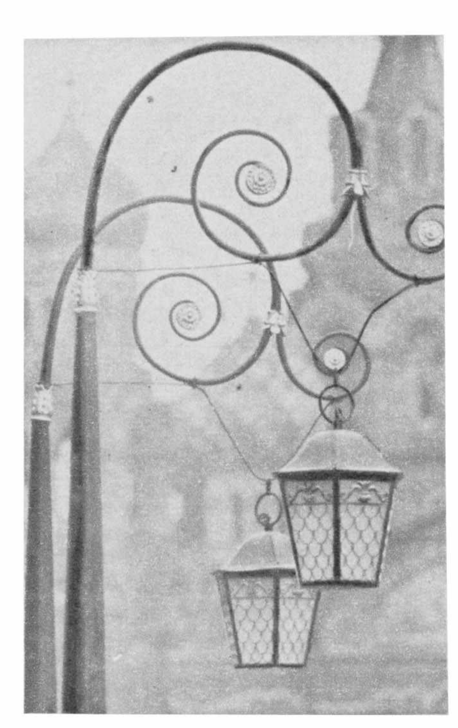
Старый фонарщик на минуту задумался и сказал:

— Разве сосчитаешь?..

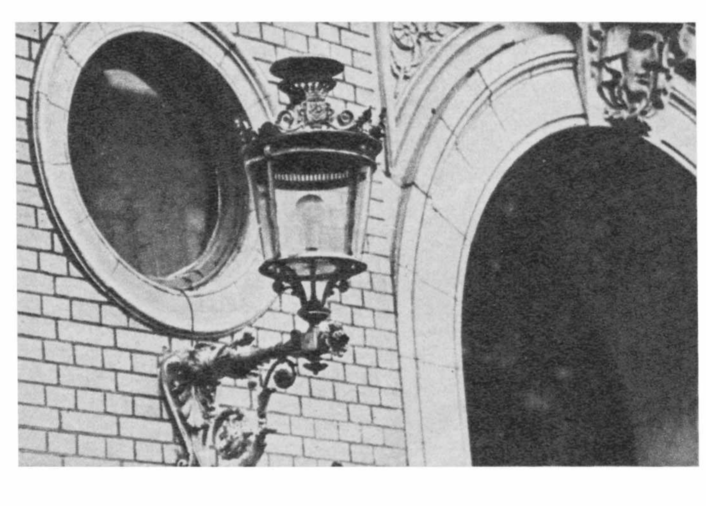
Михаил Агапович Пташкин.

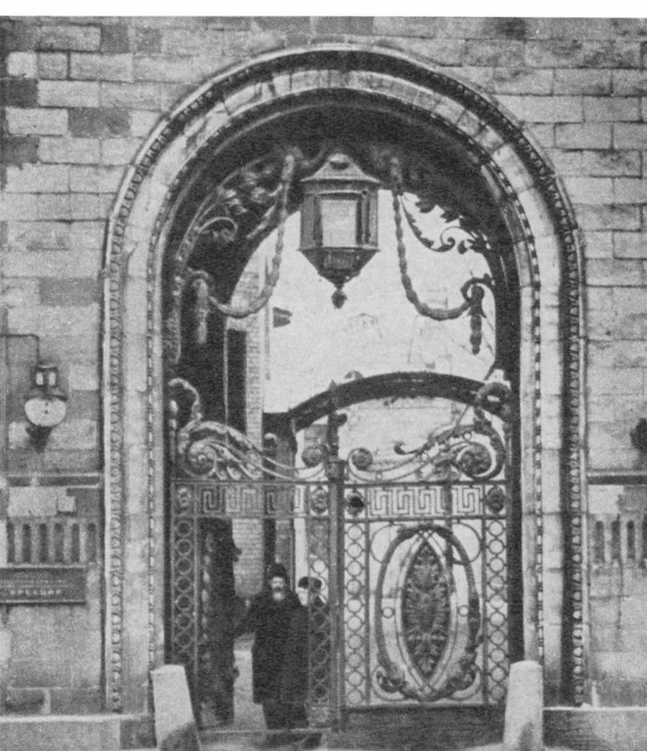

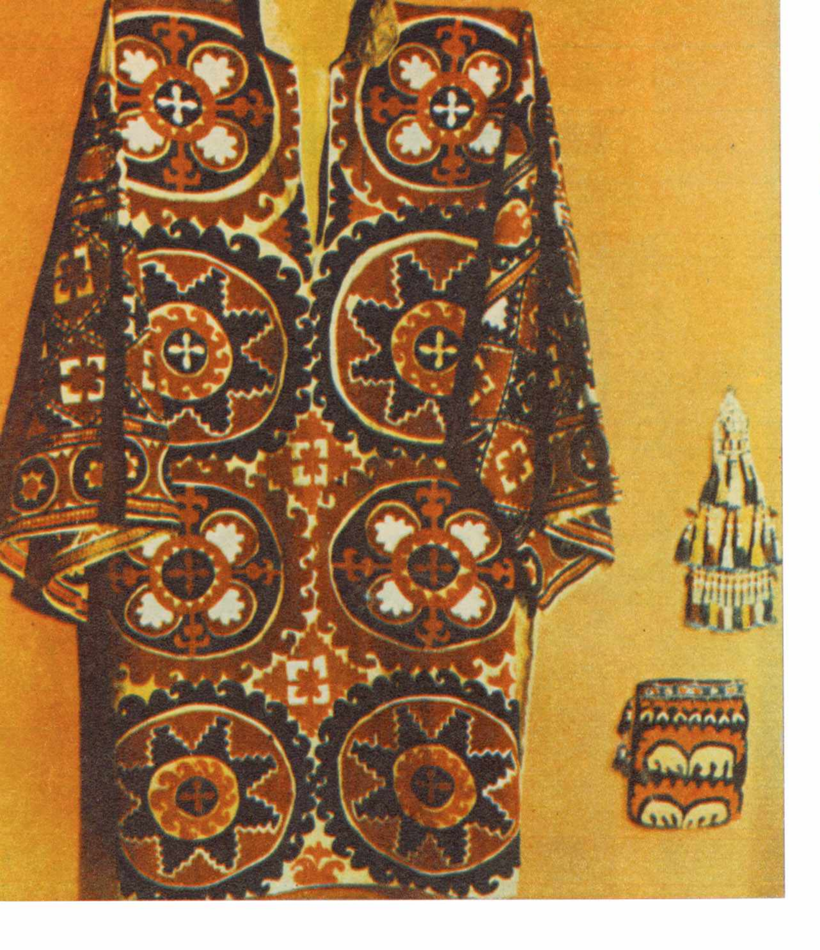

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

